

Рахмат Файзи

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ЧЕЛОВЕК

Роман

"Детская литература"

Москва

1985

Рахмат Файзи в своём романе «Его величество Человек» 1969 года описывает геройство простых людей Махкама и Мехринисы. Роман был написан на основе реальных событий.

В начале Великой Отечественной войны кузнец Шаахмед Шамахмудов и его жена Бахри Ахмедова после обращения женщин Ташкента ко всем женщинам Узбекистана с призывом проявить материнскую заботу об эвакуированных детях взяли на воспитание 15 осиротевших детей, среди которых были русские, белорусы, молдаванин, украинец, латыш, казах, татарин и малыши других национальностей.

Шамахмудовы окружили обездоленных ребят заботой и любовью, обучали, воспитывали и вырастили всех достойными гражданами страны. Шамахмудовы явились прототипами главных героев романа Рахмата Файзи "Его величество Человек" и художественного фильма "Ты не сирота".

перевод Георгий Маркова и Ольга Марковой

Глава первая

Ну вот, убрала дастархан¹, вытрясла из самовара золу, залила его водой, пусть закипает; теперь можно и постирать, пока муж вернется»,— подумала Мехриниса и тут вдруг увидела, что воды в арыке осталось совсем немного.

Жалея, что не запасла воды с вечера, Мехриниса с двумя ведрами пошла к небольшому водоему.

— Только она стала наполнять ведра, черпая воду ковшом, как закрипела калитка, и во двор вошла Икбал, которую все ввали Икбал-сатанг, Икбал-щеголиха.

— Кажется, куяв-бала² дома, что-то не слышно стука его молота,— сказала она, поглядывая в сторону кузницы. Приближаясь к Мехринисе, Икбал-сатанг протянула к ней руки.— Как поживаете?

Мехриниса медленно положила ковш и нехотя встала.

«В летах уже, а ведет себя как девчонка. Нашла, что сказать: «Куяв-бала!» — сердясь, подумала она, но, встретившись взглядом с гостьей, повеселела.

Правду говорят женщины, что глаза Икбал-сатанг обладают необычайной силой: как взглянет она — покорит любого. Сейчас Мехриниса сама почувствовала обаяние гостьи: раздражения словно не бывало!

Она вспомнила, как однажды на тое³ Икбал-сатанг сказала, обнимая ее:

«Счастливая вы, Мехриниса, живете — блаженствуете... Тьфу, тьфу, тьфу!.. Не бойтесь — не сглажу, миленькая...»

«Что вы, апа⁴,— смущенно возразила Мехриниса.— Как перевалит женщине за тридцать, она превращается в дрова...»

«О, вы превратились в такие дрова, что ваш жар может спалить еще четверых Махкамбаев, голубушка!» — звонко рассмеялась Икбал-сатанг.

И в самом деле, хотя теперь Мехринисе уже под пятьдесят, она выглядит намного моложе своих лет.

---

¹ Дастархан — скатерть.

² Куяв-бала — муж, молодожен.

³ Той — свадьба, пиршество.

⁴ Апа — сестра, уважительное обращение к женщине, старшей по возрасту.

Не успела еще жизнь оставить следы на ее лбу. И лишь только когда сидит Мехриниса, приуныв и нахмурившись, можно, внимательно всмотревшись, увидеть еле уловимые, тончайшие морщинки на ее лице.

Молодые глаза Мехринисы под ровными, крашенными усьмой бровями горят живым огнем. Когда Мехриниса улыбается, ямочки на ее щеках становятся еще глубже и родинка на левой щеке величиной с ползернышка маша⁵ совсем исчезает.

Зря говорят, что платье на кокетке со сборками уродует женщину. Все зависит от фигуры. Стройная женщина даже в широком платье сразу бросается в глаза. И дома и в гостях Мехриниса надевала платья из атласа, именно на кокетке со сборками, а к ним — шаровары, отделанные Тесьмой, и лакированные кавуши. Старики и молодые — все любовались Мехринисой.

«Чья она жена?» — интересовались незнакомые люди при ее появлении.

На многих тоях и даже на поминках Мехриниса сама слышала это. О, если бы интересовались только тем, чья она жена! Но люди тут же затевали разговор и о том, сколько у нее детей.

Одни, услышав про ее бездетность, жалели Мехринису, а другие и завидовали, с завистью оглядывая ее стройный стан.

В таких случаях Мехриниса старалась делать вид, что не слышит этих разговоров, и тихонечко, незаметно отходила в сторону.

Икбал-сатанг уважала эту женщину. Ей нравилось, что Мехриниса наравне с мужем работает в кузнице. И не отсутствие детей, а постоянная физическая работа помогала Мехринисе оставаться такой бодрой, подвижной, здоровой. Икбал-сатанг сравнивала Мехринису с собой. Сколько помнит себя, она всегда вот так же трудится без передышки. Ни минуты не может сидеть без дела. Видно, поэтому, хоть ей уже за шестьдесят, она не знает усталости и улыбка не сходит с ее лица...

—Ой, что же мы стоим! Проходите, апа, прошу вас,— поспешно сказала Мехриниса, приглашая Икбал-сатанг на айван⁶.

—Нет-нет, голубушка! Боюсь задержаться. Ну, как ваш племянник? Где он живет?

---

⁵ Маш — сорго, злак.

⁶ Айван — веранда.

Мехриниса вдруг погрузилась:

—Что ему делать без матери в опустевшем доме? Здесь живет.

Чуткая Икбал-сатанг сразу поняла душевное состояние Мехринисы. « Вспомнила умершую сестру, да и в моих словах услышала упрек: почему, мол, парень не на фронте",— подумала она и не стала больше расспрашивать.

—Да будет он жив-здоров! — только и сказала Икбал- сатанг.

—Да сбудутся ваши слова, апа,— улыбнулась в ответ Мехриниса.

Как всегда, сказав добрые слова, Икбал-сатанг вскоре ушла.

...Облака, плывущие по небу, сгустились, налетел ветер. Мехриниса собрала приготовленное для стирки белье, отнесла самовар на кухню, снова зажгла огонь.

В густо засаженном деревьями дворе выло и свистело.. Яблоки сыпались градом, стучали об землю, словно их сбрасывали с крыши. Мехриниса схватила ведра и стала собирать яблоки. Два яблока — одно за другим — сорвались с веток, ударили ее по голове. Держась за голову и ругаясь, она выбежала из-под дерева, растирая ладонью ушибленное место.

В это время на крыше, над которой раскинулась большая яблоневая ветвь, показался девятилетний Кудрат — средний сын соседки Таджикион. Он протянул руку, осторожно пригнул ветку и сорвал яблоко. Мехриниса присела за деревом, наблюдая за мальчишкой. Вдруг она отшвырнула ведро, схватила комок сухой глины и бросила в мальчика. Ком пролетел слишком высоко и не задел Кудрата. Мехриниса кинула второй ком, но он тоже пролетел мимо.

—Чтоб ты подавился! — закричала разгневанная Мехриниса и замолкла, точно сама подавилась словами.

От порыва ветра ветвь яблони хрустнула и с треском упала на крышу. Мехринисе показалось, что сама яблоня, усыпанная плодами, свалилась, вывернутая с корнем. Попадись сейчас Мехринисе этот негодный мальчишка Кудрат, избил бы его кочергой. Но Кудрат был ловок, как зверек, еще разок мелькнула его вихрастая голова, и он скрылся. Мехриниса бросилась в калитку, намереваясь пожаловаться Таджикион на проделки мальчика.

Рассвело. Утренний ветерок стряхивал с листьев росинки, рассыпал их по земле. Малыши спали в своих маленьких кроватках. Не спал

только один мальчик. Он лежал не шевелясь и заворожено смотрел чистыми, как горное небо после дождя, глазами на чуть колышущиеся за окном деревья. Там, на проводе, теряющемся в зеленой листве, мирно сидели два воробья. Вдруг они беспокойно затрепетали, озабоченно закрутили головками. Один воробушек перелетел на ветку дерева и тут же нырнул в зеленое море. Второй, оставшийся на проводе, озирался вокруг, нагибал голову, клевал провод. Мальчику показалось, что воробей голоден, он протянул руку к печенье, стопочкой сложенному на тумбочке, но в коридоре слышались торопливые шаги, и кто-то открыл дверь. Мальчик быстро натянул на себя простыню, укрылся с головой, свесил руку с кровати и начал усердно пощипывать. Молодая медсестра вошла в комнату с градусниками. Она подошла к кровати у окна, осторожно приоткрыла простыню. Мальчик стал сопеть сильнее. Медсестра чуть-чуть приподняла его левую руку и поставила под мышку термометр, но мальчик тут же снова раскинул руки.

Медсестра уже поняла, что Сережа притворяется, ее разбирал смех. Трехлетний мальчик был самым старшим в палате и ужасным шалунишкой. Но врач и медсестры любили Сережу, часто задерживались возле него, разговаривали с ним, шутили.

—Я ведь сплю,— пробормотал Сережа, чувствуя, что медсестра стоит рядом.

—Ах ты хитрюга! — Медсестра ласково ущипнула его за нос, поправила градусник.

Как только она вышла из палаты, мальчик выглянул в окно. Второго воробья тоже уже не было — видимо, и он улетел путешествовать по зеленому океану.

В больнице начался новый день. В палате закипела обычная жизнь: санитарки меняли пеленки малышам, умывали их, разносили завтрак; раздавали детям сложенные на ночь в шкаф и углу игрушки. Чуть позже в палату вошли врачи, сестры в белоснежных халатах. Они останавливались возле каждой кровати, осматривали одного ребенка, второго, третьего...

После их ухода медсестра вывела ходячих детей на середину комнаты и стала показывать им разные игры.

Игры обычно продолжались до обеда. И сегодня они не закончились бы раньше...

Вдруг веселый детский смех, разносившийся по всему дому, стих и

послышались душераздирающие крики и стоны. Книжки с картинками, куклы, игрушечные машины, смешные лопухие зайцы, слоны, лошади скрылись под осколками. Пуховые подушки и одеяла пропитались кровью, от ваты и тряпья пошел едкий дым. Детская больница, приютившаяся в большом парке, в одно мгновение превратилась в развалины, рядом с которыми неподвижно застыли обломанные, обуглившиеся деревья.

Официальное сообщение, опубликованное в газете, было кратким: «Фашистские летчики бомбили детскую больницу, расположенную в прифронтовом Н-ском районе. Составлен список детей, погибших от бомбежки: Енюкова Галя — два года и шесть месяцев, Репетьян Шура — год и четыре месяца, Щепачева Люба — год и два месяца, Смирнов Юра — один год, Корнев Володя — один год.. Вместе с больными детьми погибла и дежурная медсестра, студентка Сафронова. В уцелевшей тетради медсестры в день бомбежки сделаны записи: «У Юры Смирнова появился аппетит, Галя Енюкова сегодня чувствует себя еще лучше, выздоравливает, скоро вернется домой...»

...Девушка, читавшая вслух газету, дошла до этого места и не выдержала: сдавило горло, руки дрожали. Девушка умолкла и закрыла лицо ладонями. Наконец, переборов волнение, она подняла голову и, отняв ладони от глаз, увидела, что слушатели уже расходятся, молчаливые, потрясенные только что услышанным.

Махкам-ака⁷ не помнил, как вышел из конторы правления артели. «Есть ли дети у этих проклятых? Ослепнуть бы им, подлым детоубийцам!» — с ожесточением думал он, шагая по обочине дороги. Сухощавое смуглое лицо Махкама-ака осунулось, густые брови сошлись к переносице, прямая спина согнулась. В глазах кузнеца стояла жуткая картина: обливаясь кровью, в обломках кирпичей и мебели лежит малыш, раненный в живот. Он судорожно хватая ртом воздух, глотает дым и пыль...

Махкам-ака словно видел страдальческие глаза ребенка, в которых угасала жизнь. И в бессильном отчаянии, теребя короткую, убеленную сединой бороду загрубевшими от постоянной работы в кузнице руками, Махкам-ака шел и шел неизвестно куда, не в силах избавиться от страшного видения.

Ветер усиливался, вздымал пыль столбом, гнал мелкий хворост к

---

⁷ Ака — брат, уважительное обращение к старшему по возрасту мужчине

дувалам. Порывы ветра распахивали полы бешмета, холодили грудь Махкама-ака. На площади смерч, сверля серое небо, сорвал с головы женщины большой узел. С машины, высоко нагруженной неуклюже качающимися ящиками, свалило груз. Она остановилась на площади, утопая в облаке пыли. Махкам-ака, защищаясь от ветра, прикрыл глаза платком. Сделав вслепую несколько шагов, он вдруг уткнулся в стену здания. Первое, что он увидел, был плакат. С плаката смотрела женщина с ребенком на руках. Ее лицо горело гневом, пылало решимостью сберечь дитя. Казалось, ураган пытался сорвать с нее и черный платок, и широкое платье, но был бессилен перед ее мужеством. А ребенок, доверчиво, крепко обхватив мать ручонкой за шею, словно разглядывал его, Махкама. Махкам-ака отступил на полшага, но, увидев, что плакат отклеился и ветер может изорвать его, с беспокойством огляделся. Нет, нельзя, чтоб такой плакат исчез. Пусть напоминает людям о суровой битве с фашистами и долге перед детьми, зывающими о защите.

Кузнец попробовал придержать плакат ладонью, но стоило отнять руку — он начинал трепыхать на ветру. Неподалеку девушка торговала в будке водой.

— Гвозди, принеси гвозди! — закричал Махкам-ака во весь голос.

Девушка догадалась, о чем ее просят. Принесла гвозди и камень. Махкам-ака принялся за работу. Он нащупал щели в стыках кирпичей, отыскал в мусоре клочки бумаги. Плакат плотно, как приклеенный, лег на стену. Успокоенный Махкам-ака пошел к трамваю, то и дело оглядываясь. И опять ему показалось, что ребенок с плаката разглядывает именно его, Махкама-ака...

Трамваи подходили переполненные. Не только молодые, но и старики висели на подножках. Махкам-ака потоптался, не рискуя лезть в вагон, и отправился домой пешком.

Пошел дождь, вначале мелкий и редкий, а через несколько минут крупный, упорный. Махкам-ака шел по тротуару; встречались прохожие, спешившие укрыться от дождя, сновали туда-сюда машины. Ни людской говор, ни звонкие сигналы автомобилей не отвлекали кузнеца от его дум: «Что же будет? Неужели не найдутся силы, чтоб остановить это зверье?.. Истребят детей, убьют наше будущее, остановится жизнь...»

Шагая вдоль арыка, обсаженного талами, Махкам-ака поскользнулся и упал. На мгновение потемнело в глазах. Придя в себя,

попробовал встать — и снова поскользнулся. Вдруг откуда-то из кустов выскочил мальчик лет восьми-девяти.

— Вставайте, амаки⁸. — Мальчик взял кузнеца за руку.

— Кто ты такой? — Махкам удивленно посмотрел на мальчика. Тот обеими руками пытался поднять Махкама-ака, но силенок у него не хватало.

Кузнец опёрся на левую руку, встал. Увидев на земле портфель, он торопливо поднял его, стал вытирать грязь полами бешмета.

— Не беспокойтесь, амаки, сам почищу. Вы сильно ушиблись? — Мальчик заглядывал кузнецу в лицо, пытаясь понять, не больно ли тому.

— Скользко! Ну, ничего, ничего. Беги! Не опаздывай в школу.

— Я уже иду домой. Кончилась утренняя смена.

— Вот как! Хорошо... А как тебя зовут?

— Талат.

— Чей ты сын?

— Назира-ака.

— Спасибо твоему отцу, хороший у него сын. Будь счастлив, дружок.

— А папа на фронте, — гордо сказал мальчик.

— О, вот как!

Махкам-ака взял мальчика за руку и перешел с ним улицу.

— Если будешь хорошо учиться, слушаться маму, отец вернется скорее. Понял?

Махкам-ака поправил тюрбетейку на голове мальчика, ласково погладил его широкой ладонью по спине. Он снова погрузился в думы о зверствах фашистов, о той больнице, в которой погибли дети, о людях, которые уехали на фронт защищать Родину от врага.

— Я хорошо учусь. Сам пишу письма папе. Я умею делать и конверт-треугольник... А ваш сын тоже хорошо учится, да?

— А? — По всему телу Махкама-ака пробежала дрожь, он даже приостановился. — Да, да, хорошо учится, — сказал он и перевел разговор на другое: — Ты иди возле дувала, а то скользко! Повернуло на холод...

Вдруг Талат увидел знакомых мальчишек. Он побежал к ним, разбрызгивая грязь, забыв и о Махкаме-ака. Вот Талат догнал ребят, и они пошли дружной стайкой по переулку. Кузнец смотрел мальчикам

---

⁸ Амаки — дядя.

вслед, пока они не скрылись.

—Пусть будут они счастливы вечно, пусть рука врага не коснется даже их тени,— шептал он.

С тех пор как началась война, Махкам-ака каждый раз возвращался домой с грустными известиями. Частенько, пока рассказывал он Мехринисе о захваченных врагом городах, о разрушенных предприятиях и жилых домах, о потравленных посевах и сожженных садах, остывал суп на дастархане. Но ни разу так еще не ранили известия с фронта сердце Махкама-ака, как сегодня. Именно сегодня он всем своим существом ощутил, что такое война. Сегодня у него возникло такое чувство, будто война вошла в его дом, решила задушить близких и соседей, уничтожить всех-всех, вплоть до малышей, наполнявших дворы и улицы веселым, звонким смехом.

Когда Махкам-ака подошел к дому, дождь стал затихать. Еще у калитки он услышал громкий крик жены:

—Чем вырастить такого хулигана, лучше совсем не иметь детей... Мало того, что скачет по крышам, так еще и ветку яблони сломал. Пожилая женщина, а ни стыда ни совести... Еще свой длинный язык распустила...

Махкам-ака остановился. Из-за дувала голос соседки оборвал Мехринису:

—Эй, ты, подумай, прежде чем болтать вздор! Не смей говорить плохо о моем сыне! Правильно делает аллах, что не дает тебе детей!

Махкам-ака поспешил во двор. Жена, заткнув подол платья за пояс штанов, собирала осыпавшиеся яблоки, то и дело останавливаясь, чтоб не остаться в долгу перед кричащей соседкой.

Она раскраснелась, глаза ее блестели от возбуждения. Махкам-ака хмуро прошел к айвану, даже не взглянув на жену.

—Что же вы молчите, где вы были?! — бросилась Мехриниса к мужу.— Нет мне житья от этих мальчишек! Вот взгляните! Сломал такую ветку, а мать еще заступается! Вы мужчина, хоть поговорили бы с ней как следует! — Она готова была расплакаться.

Махкам-ака спокойно поднял руку, покачал головой.

—Зачем скандалишь, жена? Мир переживает такие дни! Так страдают люди! А ты из-за ветки слезы льешь.— Тяжело вздохнув, Махкам-ака поднялся на айван и снял промокший бешмет.

Вечерело, сгущались сумерки. Дождь прекратился, но небо оставалось низким и мрачным. Черные тучи быстро двигались к востоку, напоминая бурный поток многоводной реки. В такие минуты засаженный фруктовыми деревьями большой: двор напоминал ночной лес, наводил ужас.

Махкам-ака лежал ничком на одинарной курпаче⁹, чувствуя, что ему нечем дышать. Он тихонько встал, прислушался. Сквозь дым одиноко мерцало пламя коптилки на кухне. Жены там не было. И вдруг эта коптилка, притихший в сумраке двор напомнили ему далекое детство.

...Десяти лет отец отдал Махкама в ученики к кузнецу Хакимбеку.

—Мясо ваше, кости наши,— сказал Ахмед-ака, давая понять учителю, что ученик теперь в полном его распоряжении.

Воспоминания о первых днях в чужом доме поднимают и сейчас в душе Махкама-ака чувство горькой обиды.

Он начинал работать чуть свет, но не в мастерской, а в хлеву. Потом до позднего вечера выполнял всякие поручения по дому.

Через три месяца мастер разрешил ученику сходить домой. При виде сына у матери больно защемило сердце. Глаза Махкама глубоко запали, в лице не было ни кровинки, опустились плечи, поникла голова...

Семь лет провел Махкам в доме мастера Хакимбека. Побывать вместе с любимым отцом, ласковой матерью, с братишками и сестренками мальчик мог не больше десяти дней в году. Лишь раз в три месяца отпускал Хакимбек Махкама домой. Как птица, выпущенная на свободу, не помня себя, летел Махкам под родной кров. Переступив порог, бросался в объятия матери, потом обнимал братишек и сестренку, затевал с ними игры... Стоило ему сесть за дастархан, тут же вспоминался мастер Хакимбек. У него Махкам всегда чувствовал себя стесненно.

—Все трескаешь, ненасытный! Иди быстрее, приготовь корм для скота,— ворчала жена мастера, видя, что мальчик еще сидит за дастарханом.

А однажды хозяйка назвала его «тирик етим», что значит «сирота при живых родителях». Махкам тогда хотел от обиды немедленно убежать, но побоялся: стояла ночь.

---

⁹ Курпача — узкое ватное одеяло для сидения.

От зари до зари он не знал у мастера ни минуты передышки: раздувал кузнечные мехи, работал молотом, таскал воду, колол дрова, пас скот, ухаживал за ребенком. А чуть что не так — сыпались побои, которых никогда не позволял отец; слышались проклятия, которых никогда не произносили уста матери.

В конце концов стало ясно, что ремеслу у Хакимбека Махкам не научится. Мальчика ничему не обучали, только заставляли выполнять черную работу. Однажды, когда Махкам приехал домой, Ахмед-ака поговорил с женой и не отпустил сына обратно. Дома Махкам стал собирать всякий железный лом, раздобыл инструмент и начал ковать, стараясь делать так, как видел у кузнеца. Ахмед-ака не интересовался делами сына. Не верилось ему, что может быть прок от такой работы. Да и мать ворчала на сына, когда он израсходовал древесный уголь, заготовленный для самовара. Как-то Махкам заставил братишку раздувать мехи и нечаянно на рубаху малыша попала искра,— снова был скандал. Мехи, которые на время дал один знакомый кузнец, забрали.

И все-таки Махкам продолжал начатое дело. Сходил в кузнечный ряд, принес оттуда наковальню с выщербленным краем. Спустя неделю раздобыл мехи. Наконец смастерил несколько подковок, колец для подпруги, шорно-седельных скобок, блях и с изготовленными поделками собрался на базар — в кузнечный ряд. Ахмед-ака хотел было отругать сына: брось, мол, детские выдумки,— но, не желая вообще отбивать у него охоту трудиться, сказал:

—Открой-ка мешок. Посмотрю сам. А то на базаре, сынок, осмеют тебя люди.

Махкам высыпал из мешка свои изделия:

—Не бойтесь, отец, смеяться не станут!

Ахмед-ака обрадовался. Вещицы что надо! Будто не кузнеца работа, а ювелира.

—Недурно, сынок, сработано,— сдержанно похвалил Ахмед-ака сына.

Впервые в жизни Махкам сам в этот день купил кое-что по хозяйству. Обрадованная мать положила для него на совок с угольками большую связку гармалы. Пусть подымит на огне эта травка. Люди говорят, что после окуривания гармалой никто не сглазит человека и его ждут одни удачи.

С тех пор в кузнечном ряду, расположенном в середине базара,

появился новый мастер — молодой кузнец по имени Махкам.

—Сын Ахмеда-арбакеша стал хорошим мастером. Посмотри, какие удила он изготовил, как они отшлифованы! Загляденье! — говорили те, кто близко знал Махкама, а незнакомые тоже дивились, вспоминали Хакимбека: неужели мог так отменно выучить парня? Не верится! Не любит Хакимбек соперников.

А месяцы и годы все шли и шли, подобно каравану, пересекающему степи и горы. Махкам женился. В первые же годы Советской власти вступил в артель кузнецов, которая выполняла заказы конных частей Красной Армии. Золотые руки Махкама-ака принесли ему добрую славу. А коли славен муж, то и жену уважают, знают во всей округе.

Все вроде есть у Махкама: и дом, и работа, и хорошая жена. Но у него нет полного счастья, потому что обрекла судьба супругов на бездетность. Кому передаст Махкам-ака свои знания и опыт? Нет подушки, на которую мог бы он облокотиться в старости, нет опоры, чтобы благодаря ей выпрямиться во весь рост...

Мысли Махкама прервала Мехриниса. Она поставила на хантахту¹⁰ касу¹¹ с супом, участливо спросила:

—Что-нибудь болит у вас? Почему молчите?

Махкам-ака долгим взглядом посмотрел на жену, которая разламывала лепешку на куски, сказал:

—Душа болит, жена.

—Душа? Откуда у вас душевная боль?

—От твоего языка... Человек выращивает дерево, а не дерево — человека. Тот мальчик, которого ты ругала, вырастет и, может быть, посадит фруктовый сад, который не объять взором.

—Пусть себе сажает! Мне-то что! А пока он ломает. Неужели я должна молчать? Я все силы отдаю этим деревьям!

—Ты думаешь о силах, отданных деревьям, а о силах, которые отданы мальчику, ты подумала?

—Вы упрекаете меня? — В голосе Мехринисы послышалась обида.

—Меня огорчает, что ты причинила боль такой же работающей женщине, как ты сама. Тебе жалко яблоню, а что бы ты сделала, будь это твой сын? Подумай-ка!

Из глаз Мехринисы полились слезы. Еще минуту назад Мехриниса

---

¹⁰ Хантахта — низенький столик.

¹¹ Каса — большая чаша.

чуть было не начала спорить с мужем, но сейчас ей было уже не до этого. Она сидела молча, и только горькие слезы застилали ей глаза. Трудно было поверить, что эта поникшая, печальная женщина и есть та Мехриниса, которая только что готова была избить соседского мальчишку и яростно скандалила с Таджикином.

Говорят, дом, где дети,— базар, дом без детей — мазар¹². Однако в доме Махкама-ака жизнь всегда была ключом; супруги трудились и жили в дружбе и согласии. Но оба, скрывая это друг от друга, терзались общей бедой.

Махкам-ака не хотел делиться с женой, чтобы не причинять ей боли. Жена тоже страдала про себя, жалея мужа. Когда женщины затевали разговор о бездетности, Мехриниса отвечала им колкостями, но сердце ее сжималось от боли.

Глава вторая

Салтанат не спалось. Она извелась от бессонницы, дожидаясь наступления утра. Мысленно девушка облетела весь мир. Одиная курпача с вытканными по ней яблоневыми цветками была для нее летающим ковром, белая пуховая подушка, которую она обнимала,— спутницей. Чего только не передумала Салтанат за ночь! Правда, вчера, получив от отца письмо, и она и мать немного успокоились. Видимо, поэтому мать, которая обычно по вечерам долго ворочалась в постели, быстро заснула: закрыла глаза и стала легко посапывать, словно младенец. А Салтанат села на летающий ковер, обняла подушку и... отправилась в путь. Облетела фронт вдоль и поперек, перелетела через реки, через горы и долетела до лесов. Нигде не встретила она своего брата Сираджиддина. Жив ли он? Если жив, почему не пишет?.. Ух, подлая война! Не было бы войны, вернулся бы брат со службы домой. Встретила бы Салтанат его на вокзале, надела бы ему на голову вышитую тюбетейку. Непременно увидел бы Батыр-ака тюбетейку на голове Сираджиддина, посмотрела бы Салтанат в глаза Батыру. Поняла бы, понравилась ему тюбетейка или нет. И стала бы заканчивать вторую тюбетейку с таким же узором... О, брат Сираджиддин, где ты? Или... Нет, нет!..

---

¹² Мазар — могила, кладбище.

Мигая мокрыми от слез ресницами, Салтанат взглянула на мать.

«Слава аллаху, что от папы пришло письмо,— подумала она,— а то бедная мама совсем извелась бы! Может, будет известие и от брата, может, отец что-нибудь разузнает. В письме он пишет: «Ты глава семьи, моя опора, доченька. Что поделаешь! Береги себя, болиш¹³ ты мой».

Батыр-ака тоже всегда называет Салтанат «мой болиш». «Да ну тебя, я болиш только для моего папы»,— говорит Салтанат, а он все пристаёт: «Я хочу отнять у твоего папы его «болиш».

«А теперь... не будет у меня и моего Батыра-ака! Будь проклята война! Кто только выдумал тебя! Вдребезги разбила ты все мои мечты... И разве мало по всей стране таких, как я...»

Салтанат испуганно посмотрела на мать. Кандалат-биби¹⁴, освещенная звездами, улыбалась во сне. «Мамочке моей, бедняжке, что-то приснилось. Кого же она увидела? Брата ли? Папу! Так мама обычно улыбалась, когда папа ей говорил: «На свете только ты да я, мой навват»¹⁵. Стоило отцу произнести эти слова, мать, в каком бы настроении ни была, тут же засмеется и скажет: «Ну и чудной твой папа, доченька». Может, и сейчас во сне отец повторил ей эти слова. Мамочка думает о всех нас. Думает и о Батыре-ака. Как горевала она, когда умерла его мать. «Не повезло бедному парню. Вот если бы он был женат... — сказала мама тогда, и сказала это с сочувствием, а про себя, наверное, подумала: «Было бы лучше, если бы вы успели сыграть свадьбу».— Бедняжка покойница ради своего единственного сына прожила всю жизнь вдовой, но не успела порадоваться его счастью. О, преходяща эта жизнь, доченька... А Мехриниса тут как тут, на готовенькое... Своих-то детей нет, вот и взяла к себе племянника — душу тешить».— «Мама, не говорите так. Вдруг услышит «Махри-апа».— «Что ты, доченька, свихнулась я, что ли, кому-нибудь говорить такое, к слову только пришлось!»

Салтанат тогда не совсем поняла смысл слов матери. Не хотела ли она сказать: «Если бы вы успели сыграть свадьбу, Батыр не пошел бы в дом Мехринисы?»

Салтанат снова посмотрела на мать. Улыбка уже исчезла с ее лица, но она еще спала.

---

¹³ Болиш — маленькая подушечка.

¹⁴ Биби — тетушка.

¹⁵ Навват — леденец.

«Мама пока ничего не знает. Что будет, если узнает?.. Ведь не знает еще и сам Батыр-ака...»

Салтанат тяжело вздохнула и легла на спину. Посмотрела в небо. Какая безумно длинная ночь! Пятна на светлом диске луны почему-то напомнили Салтанат пятна на лице миловидной, белолицей, полненькой женщины, которой так шла беременность. Откуда Салтанат в голову пришло это сравнение? Она и сама поразила его. Сейчас луна, ведя за собой своих детей, гуляет по небу. Вот она не спеша уходит домой, а ее веселые дети врозь и группами кружатся, мигая сверкающими глазами...

Салтанат начала считать звезды. Скоро сбилась, снова начала считать. И на этот раз не получилось. Одна звезда сорвалась и, оставив за собой длинную светлую нить, полетела вниз и погасла. «Эх ты, вероломная... Кого же ты сжила со света?» — подумала Салтанат.

Девушка уткнулась головой в подушку, стараясь заснуть, но сон не шел. Шепотом Салтанат стала разговаривать со звездами. Начала шептать той, которая горела ярким светом, поведала ей горе, наполнявшее ее молодое сердце. И звезда замигала, словно утешая ее. А потом другой звезде, задумчивой и печальной. Салтанат задала свои вопросы и сама ответила на них, будто повторила то, что сказала звезда.

Наконец луна опустилась за тальник.

—Дождалась я утра,— с облегчением прошептала Салтанат, когда за окном посветлело.

Она тихонько встала, подошла к арыку. Долго всматривалась в воду. Ей хотелось зачерпнуть воды пригоршнями и умыться, шумно плескаясь, но она боялась разбудить мать. Набрала полный узкогорлый кувшин воды, прошла в другой конец двора, под яблоню, и умылась.

Салтанат решила разжечь самовар, который еще вчера очистила от золы и наполнила водой, но чурка из ее рук со стуком упала на самоварную трубу. Кандалат-биби вздрогнула, открыла глаза, посмотрела на постель дочери и, не видя Салтанат, приподняла голову.

—Разбудила я вас, да, мама?

Кандалат-биби удивилась, увидев, что из самоварной трубы шел столбом густой дым. «Как рано она поставила самовар! Видно, будет мыть голову»,— решила мать, вставая.

Салтанат расстелила курпачу на айване, принесла хантахту, накрыла ее и ушла в комнату. Вышла причесанная и одетая.

— Куда-нибудь собираешься, дочка? — спросила Кандалат-биби.

— Да.

— Так рано? Куда же?

— Есть два письма. Вечером не нашла адресатов. Пойду пораньше, пока не успели уйти на работу.

«Если добрая весть, быстрее вручи, доченька, не считайся со временем, ведь ждут не дождутся, бедняжки», — говорила обычно мать, но сейчас промолвила только:

— Ладно, доченька. Но не уходи, не позавтракав. Выпей хоть пиалушку горячего чая.

«Бедная мама, — думала Салтанат, заваривая чай, — знала бы, куда, кому и что я несу!»

Салтанат сложила вдвое кожаную сумку, засунув ремень внутрь, и вышла на улицу. Быстро шагая по тротуару, она думала о встрече с Батырджаном. Конечно, калитка его будет закрыта. Станет ли она стучаться? Что она ответит, если он спросит: «Кто там?» Скажет ли сразу, что принесла в своей сумке? А если кто-нибудь услышит ее голос, что могут подумать о ней? Пойдет молва: «Раз ходит она к нему в такую рань, ясно, неспроста. Стоило только отцу уехать... И как не стыдно...» Салтанат стало страшно от своих мыслей. Ведь всю ночь, не смыкая глаз, она грезила о свидании, а вот о сплетнях и не подумала. Лишь бы никто не увидел...

Она ускорила шаги. Шла, оглядываясь. С улицы, что протянулась между садами, она свернула влево. Вроде бы никого не было видно. Проходя мимо чайханы, она услышала стук, испугалась и тут заметила Арифа-ата¹⁶, который черпал ведром воду из пузатого сархума¹⁷ высотой в рост человека.

— Ассалому алейкум, отец.

— Ва алейкум ассалом.— Ведро с водой Ариф-ата поставил на край сархума.— Доченька, что случилось, почему ты вышла так рано?

Салтанат хотела поздороваться и пройти мимо, не останавливаясь, но это не удалось.

— Ничего не случилось, ата. Тут вот две повестки. Вчера не смогла вручить.

— Решила, значит, доставить пораньше, пока не ушли на работу?

---

¹⁶ Ата — отец, почтительное обращение к пожилому мужчине.

¹⁷ Сархум — большой глиняный кувшин для хранения воды.

Хорошо, хорошо, доченька,— сказал старик и погладил бороду.— А есть ли, доченька, письма от Шахаба- муллы¹⁸? — спросил он.

— Да. Вчера получили. Передает всем привет.

— Э, дай аллах ему здоровья. Э... хорошо, что сам спросил, сама и не догадаешься сказать. Ну-ну, не сердись, болиш.— Лицо Арифа-ата просветлело, он снова погладил бороду.— Ведь больше месяца, как отец уехал?

— Месяц и восемнадцать дней.

— Так-так. А он еще не на фронте?

— Нет, не на фронте.

— Пусть будет он жив-здоров многие годы! Иди, доченька. Ну и болтлив же я, задержал тебя с разговорами. Эй, погоди-ка,— сказал старик, останавливая успевшую отойти девушку.— Будешь писать, передай от меня привет. Напиши, что я день и ночь молюсь о его благополучии. Ладно?

— Обязательно напишу, отец.

— Будет какая-нибудь новость, не забудь, сообщи мне. Ладно? И передай привет маме...

«Ладно, ладно»,— говорила Салтанат, уходя. Если до сих пор на душе у нее было тревожно от боязни попасться на глаза кому-нибудь чужому, то теперь, после встречи с Арифом ата, она успокоилась, шла смелее. «Какой добрый Ариф-ата»,— думала она, проходя через речку Анхор по хлипкому мостику.

Ариф-ата проводил Салтанат взглядом.

— Кто это придумал, чтобы девушки вручали повестки! — возмущенно сказал он во весь голос.— Парни уезжают и уезжают, а у девушек сердца ноют, трепещут они, бедняжки, как листья тальника. И они должны еще вручать повестки своими руками? Э, несправедливо это, нехорошо получается...

Потому ли, что Ариф-ата знал, что Салтанат и Батыр любят друг друга и что свадьбу им пришлось отложить из-за постигшего парня горя, или уж очень не по душе ему было то, что девушка разносит повестки, но старик не спросил, к кому Салтанат идет. Показалось ему, что девушка очень печальна, и потому подумал: «Уж не Батыру ли она несет повестку?»

Салтанат вышла на перекресток и пошла по безлюдной улице.

---

¹⁸ Мулла — священнослужитель, ученый человек.

Сердце ее билось часто-часто, волнение стесняло дыхание. Услышав сзади шаги, она обернулась и увидела, как из кладбищенских ворот вышел человек. Остановилась, пригляделась. Опустив голову, по тротуару медленно двигался Батыр со скомканным платком в руке. Салтанат оторопела. Она стояла с минуту, не зная, что делать. С трудом овладев собой, не спеша пошла навстречу Батыру.

—Батыр-ака!

—Салтанат?

—Ассалому алейкум.

—Салом. Что ты тут делаешь так рано?

Салтанат молчала. У нее подступил комок к горлу. Батыр внимательно посмотрел на девушку.

—Где повестка? — спросил он внезапно осипшим голосом.

—Откуда ты узнал, Батыр?

—Дай-ка!

Салтанат стала медленно открывать сложенную вдвое сумку. Руки у нее дрожали. Ей казалось, что, если она отдаст повестку, Батыр сейчас же уедет и она навсегда расстанется с ним.

—Нет, скажи все-таки, откуда ты узнал, что она у меня? — вновь спросила Салтанат и отдала повестку.

—Узнал вот, — ласково глядя на девушку, ответил Батыр.

Они пошли рядом посередине улицы. Салтанат молчала. Произнести те слова, которые обдумывала всю ночь, смелости не хватало. Все у нее в голове спуталось. От смятения кровь стучала в висках.

Батыр, чуть отстав, любовался густыми, иссиня-черными волосами девушки, заплетенными в мелкие косички. «Раз нравится тебе Салтанат, я согласна, сынок...» — вспомнились ему слова матери.

—Она была согласна, — вдруг вырвалось у него.

—Кто?

—Мама.

Салтанат бросила на Батыра быстрый, тревожный взгляд и опустила голову. О чем он говорит?

Он понял ее недоумение и тревогу, поспешил объяснить:

—Покойная мама хотела, чтоб мы поженились. Она благословила нас, Салтанат, желая нам прожить до старости вместе.

Салтанат боялась, что зарыдает, и с трудом сдерживалась.

...Ей вспомнилась Джамал-хола¹⁹ — мать Батыра. Салтанат увидела ее впервые в тот вечер, когда у подружки Хафисы за день до свадьбы состоялся девичник. Джамал-хола во дворе принимала гостей. Она не ограничилась тогда коротким ответом на приветствие Салтанат. Подозвала ее к себе, поздоровалась, слегка обнимая. Салтанат не знала тогда, что Джамал-хола — мать Батыра.

Праздники в махалле не обходились без Джамал-холы. Женит ли кто сына или младшего брата, устраивается ли бешик-той²⁰ или справляется новоселье, Джамал-хола брала на себя самые хлопотные обязанности. Она возражала против ненужной пышности, против излишеств, но не любила и скудных торжеств. Умела все распределить разумно и предусмотрительно. Именно за это деятельное, заинтересованное участие в чужих делах все уважали ее. Джамал-холу ввели в состав женской комиссии. Члены швейной артели звали ее «Джамалхон-мастерица», женщины же махалли почтительно называли «Джамалхон-аксакал»²¹. Такой она была, такой она вспомнилась сейчас Салтанат.

После смерти матери Батыр долго не мог прийти в себя. Несколько дней ничего не ел, только пил воду. Ни с кем не разговаривал, не позволял убирать постель матери, лежал на ней ничком. Тетя Мехриниса и ее муж Махкам-ака пытались вывести его из этого состояния, но он словно не слышал их слов. Только теперь Батыр стал понемногу приходить в себя. Но вот сегодня он опять шел с кладбища в глубокой тоске, а Салтанат ничем не могла ободрить его...

—А жив-здоров ли амаки? Что пишет? — спросил Батыр, когда они приближались к чайхане.

Салтанат поняла, что Батыр спрашивает об ее отце.

—Вот как! Ты и о письме знаешь? Кто же тебе сказал? — удивилась Салтанат и поспешила сообщить: — Просит передать большой привет.

—Пусть будет жив-здоров! Где он сейчас? — Батыру хотелось попросить у Салтанат адрес ее отца, но он сдержался: в самом деле, зачем ему этот адрес? Что он будет писать отцу Салтанат?

—Отец недалеко от фронта... Батыр-ака, откуда ты узнал о письме?

---

¹⁹ Хола — тетушка.

²⁰ Бешик-той — празднество, устраиваемое, когда младенца впервые укладывают в колыбель.

²¹ Аксакал — буквально: белобородый, уважительное обращение к пожилому мужчине.

Скажи!

Батыр хитро улыбнулся:

—Я знаю все твои секреты. Знаю все, что ты скрываешь от меня.

—Секреты? Какие же это секреты? — заглядывая Батыру в глаза, ласково спросила Салтанат.

Батыр о чем-то задумался и не ответил ей...

В последнее время улицы все больше пустели, казались унылыми, словно и они устали нести на себе тяжелую ношу жизни. Из дома в дом двигались теперь чаще всего горе и печаль.

Дым струился из труб и, пробиваясь сквозь листву деревьев, растворялся в голубизне неба. Издали донесся звон скользящего по рельсам трамвая. Город начинал новый трудовой день. Салтанат и Батыр дошли до дома Батыра. Юноше не пришлось уговаривать Салтанат зайти — Салтанат и самой хотелось еще побыть с Батыром, помочь ему прибраться дом, в который после смерти матери он заглядывал редко.

Салтанат вошла во двор и тут же взялась за уборку. Батыр занялся книгами и тетрадями. Он перебирал их, складывал в стопки, не переставая между делом шутить. Но девушка упорно молчала, и, когда Батыр вынуждал ее что-то сказать, она отделялась краткими ответами. Непринужденного разговора не получалось.

Прибрав айван, Салтанат решила подмести порядком запущенный двор. По краям арыка, под кронами деревьев полным-полно травы и опавших листьев. Давно здесь не убирали. Салтанат припомнились слова матери, сказанные о Батыре: «Единственный сын — единственная опора. Только он не даст угаснуть светильнику родителей. Вот Мехриниса хоть и родная сестра его матери, а разве оставит она свое хозяйство, разве переберется в дом покойной? Никогда!» Лишь теперь вдруг поняла Салтанат, что значит не дать угаснуть светильнику родителей. Нужно жить в их доме, содержать его в порядке, соблюдать родительские обычаи. Салтанат не обвиняла Батыра. Что он мог сделать, бедняга, убитый горем? И разве он навсегда ушел жить к тетке?

Себя Салтанат мысленно упрекала. Почему же она-то не помогла парню? Конечно, сразу же поползли бы слухи. Ох уж эти слухи! Вырвать бы языки тем, кто их распускает...

Вдруг струйка холодной воды ударила Салтанат в шею. Девушка вздрогнула от испуга, вскрикнула, отбросив метлу. Обернувшись,

увидела Батыра с пустой пиалой в руке.

—Как не стыдно! Разве можно так! Я же подумала, что сползла змея с дерева.— Салтанат густо покраснела, голос ее дрожал.

Батыр почувствовал себя виноватым.

—Прости. Не подумал, что напугаю.— Он осмотрел прибранный двор, с благодарностью в голосе сказал: — Оказывается, у девушек руки золотые, Салтанатхон.

—Только ли руки? — Салтанат поправила волосы, улыбнулась. «Пусть не думает, что сержусь». — Был бы у тебя мешок...

—Есть у меня мешок.— Он быстро спустился в подвал и вернулся с мешком.

—Давай я буду держать, а ты насыпать,— предложила Салтанат.

Батыр взял лопату и принялся набивать мусор в мешок.

Пока они прибирали в доме и во дворе, поставленный Батыром самовар закипел. Салтанат достала пиалы, Батыр принес сохранившуюся дома сухую лепешку и несколько яблок.

Почему-то и за завтраком разговор у них не клеился. «Точно один из сада, а другой с гор»,— подумала Салтанат.

—Ты обиделась, что я сказал, будто знаю твои секреты? — спросил Батыр.

—У меня нет секретов. Просто я тоже хочу на фронт,— сказала Салтанат, передавая ему пиалу.

—Не поедешь!

—Почему не поеду? Поеду!

—Не поедешь! Я тебе приказываю — не поедешь!

—Ого, ты совсем как командир.

—Я и есть твой командир. Ты обязана выполнять мои приказания!

Салтанат разбирал смех, она поперхнулась.

—Есть выполнять приказания! Разрешите пожаловаться на вас вышестоящему командиру.

—Смотри, ты и устав успела изучить! — удивился Батыр и серьезным тоном сказал: — Не разрешаю. Ты обязана выполнять мои приказания!

Они стали убирать дастархан.

—Ой,— вдруг воскликнула Салтанат, взглянув на стенные часы,— опоздала на работу!

Она поспешно надела туфли, сняла сумку с гвоздя на столбе, спустилась во двор и, кивнув Батыру, зашагала к калитке. Батыр догнал

ее. Они молча грустно посмотрели друг на друга.

—Я пойду, Батыр-ака,— с трудом выговорила Салтанат, не двигаясь с места,— вечером приду.

Она отвернулась, но не смогла сдержать слез. Ее голова упала на грудь Батыра. Он ласково гладил девушку по плечу. Косички Салтанат рассыпались по спине. От ее волос приятно пахло гвоздикой.

Глава третья

В жаркую погоду люди стремились к Анхору. От полноводной реки веяло прохладой, дул легкий ветерок, шелестели листья, журчала вода. По берегам Анхора застыли высокие тополя, величественно вскинув свои кроны, низко склонились плакучие ивы, опустив к речным волнам тысячи мелко заплетенных зеленых косичек.

Чайхана стоит на самом берегу. Справа от террасы тянется большой цветник. По краям цветника растут райхан, чабрец, аш-райхан, ходжи-райхан, тог-райхан²², а в середине розы — красные, белые, желтые, черные. Каждый, кто приходит в чайхану, обязательно задерживается возле цветника: понюхать душистый райхан, сорвать маленькую веточку.

А влюбленный в цветы Ариф-ата ходит с самого утра с заткнутым за ухо пучком райхана и, даже когда ложится спать, кладет букетик рядом с собой. Говорит, будто, если не чувствует запаха райхана, плохо спит и дела у него не ладятся. Будто и певчие птицы, пьянея от этого запаха, заливаются волшебной трелью, будто соловьи не могут петь, не надышавшись вдоволь ароматом райхана. Если уж начнет Ариф-ата рассказывать о свойствах цветов, собеседник только диву дается. Ариф-ата перечислит множество видов одного только райхана и подробно расскажет об их особенностях. По его мнению, среди цветов, и не только среди цветов, даже и во всем растительном мире нет цветка душистее, чем райхан. Райхан неприхотлив, не доставляет лишних хлопот, растет себе запросто, не требуя особого ухода. Не вянет от дождей, не сохнет от жары. Он радует человека своим запахом и придает аромат пище.

---

²² Райхан — мята; аш-райхан, ходжи-райхан, тог-райхан — разновидности мяты, используемые в пищу и для окуривания помещения.

Поздней осенью Ариф-ата собирает листья аш-райхана, заботливо подсушивает их в тени, толчет и сыпает в стеклянные флакончики. Ариф-ата и зимой всегда носит при себе сухой райхан, завернутый в клочок бумаги. Если доводится ему идти куда-нибудь в гости, он и там подсыпает в фарфоровую чашку щепотку, а остальное передает другим, и при этом, пользуясь случаем, Ариф-ата опять начинает рассказывать о свойствах райхана. Все в махалле, стар и млад, знают о пристрастии Арифа-ата к этому цветку. Многие, следуя его примеру, выращивают райхан.

Вот уже несколько лет, как Ариф-ата работает в чайхане у Анхора. Он сам сколотил топчаны, разбил вокруг цветник и сад. В летние знойные дни во всей округе трудно найти такое же прохладное и живописное место.

Летом на берегу всегда шумно: здесь и чаевничают, и газеты читают, и готовят плов в складчину, а мальчишки, навесив на уши веточки черешни, с увлечением играют в «акизак», пускают по течению реки какой-нибудь предмет, привязанный к нитке. Любители певчих птиц приносят сюда клетки с тыквенным дном, развешивают их на ветки тала²³ и устраивают состязания: чья птица лучше поет. Ариф-ата на этих соревнованиях главный судья.

По воскресным дням берег Анхора становился особенно многолюдным. Приходили аския-базы — острословы, состязающиеся в придумывании острот экспромтом, музыканты, певцы. Люди не умещались на террасе чайханы; не только курпачей, но и паласов не хватало. Устраивались, расстелив где попало домотканые паласы и циновки. Берег Анхора превращался в место народных гуляний. В такие дни у Арифа-ата было много работы. «Пожалуйста, пожалуйста, милости просим!» — то и дело восклицал он, приветствуя посетителей. Он хлопотал с радостным, как у юноши, задором, чувствуя себя на седьмом небе от многолюдья.

Так бывало каждый год до самой поздней осени, пока Анхор не покроется желтыми листьями, а вода в сархумах — ледяной пеленой.

И только в этом году все прекратилось очень рано. Веселье оборвалось, хотя не успели еще созреть дыни. Свалилась неожиданная беда, и словно черный смерч развеял покой и радость.

Проводив Салтанат, Ариф-ата постоял в задумчивости. «Трудно и

---

²³ Тал — ива.

им, бедняжкам. словно только раскрывающиеся бутоны, эти молодые девушки. Самая пора им веселиться, да нет... Вот Салтанат. Ни свет ни заря встала, с раннего утра пошла... Когда-то еще вернутся парни и бедным девушкам улыбнется счастье».

Ариф-ата вздохнул, взялся за ручку ведра, поднял его и вдруг почувствовал, какое оно тяжелое. С трудом вылил воду в самовар. Что это такое, неужели вода может быть такой тяжелой? Что случилось с этими руками, которые могли вмиг налить в самовар два хума?²⁴ Ариф-ата ощупывал правую руку, массировал мускулы от кисти до локтя. «Эх, старик, чуточку онемела рука — и сразу начинаешь паниковать; ведь спал-то, кажется, на правом боку,— успокаивал он себя.— Ну и труслив же стал, стоит вспорхнуть воробью — сразу душа в пятки...» Ариф-ата закрыл крышку самовара, зажег огонь, поставил трубу, взял полотенце и вытер металл. Такая уж привычка. Не успокоится Ариф-ата, пока не заблестит самовар.

Редко теперь появляются посетители в чайхане, да и те быстро уходят. Но Ариф-ата все равно по привычке просыпается на рассвете, зажигает самовар... а дальше не знает, что делать. Дрова колоть не надо, корм и вода перепелам не нужны; вот кипит, кипит один самовар... И почти никто не идет пить чай. Никак не может он привыкнуть к этому. Раньше, бывало, Ариф-ата, как только встает, сразу включает радио. Сейчас не по душе ему ни музыка, ни песни, ни утренняя зарядка. Включает радио старик только в тот момент, когда передают последние известия. Их он ждет с нетерпением. С тревогой в душе думает: «Лишь бы услышать хорошее».

Проводив взглядом Салтанат, Ариф-ата с лейкой в руке подошел к Анхору. Долго сидел на корточках над водой, прислонившись к стволу тала и любуясь быстрым течением; потом, не торопясь, наполнил лейку водой, встал. Пошел в цветник и обрадовался, увидев готовые вот-вот распуститься бутоны. «Ах, если бы теперь еще и услышать по радио добрую весть!»

Ариф-ата взглянул на висевшие на террасе ходики с гириями на цепочке, снял трубу с бурно кипящего самовара, заварил в маленьком чайнике крепкий чай, включил радио и уселся под столбом, ожидая последних известий.

Но добрых вестей не было, враг занял еще три города и несколько

---

²⁴ Хум — глиняный кувшин для воды.

населенных пунктов. Ариф-ата почувствовал, что совсем ослаб. Не было сил встать, чтобы выключить громкоговоритель. Сообщение о крестьянах, которые сожгли пшеничные поля, чтобы они не достались врагу, о железнодорожниках, взорвавших мосты и склады, еще больше опечалило его. Навернулись на глаза слезы, покатались по щекам: «Гибнет добро. Сколько в него люди вложили труда!»

Ариф-ата вздрогнул, растерянно оглянулся вокруг, боясь, как бы кто не увидел его. Досадуя на себя, вытер слезы перекинутым через плечо платком, заменявшим ему всегда полотенце. Налил чай, глотнул и, немного придя в себя, встал с места, выключил радио.

Но перед глазами стояла та же картина: мужик-хлебопашец сжигает хлеб, губит урожай, выращенный в поте лица. «Какое ужасное время настало! Если так будет, чего доброго...» Ариф-ата испугался своих мыслей. «Возьми себя в руки, Ариф-ата, пожелай доброе! Если бы те, кто сжег свою пшеницу, сидели и лили слезы, то и рука у них не поднялась бы на такое. Только тот, кто надеется на свои силы, кто верит в победу, способен на подвиг. Ведь поднялась вся страна, весь народ... И ты один из них».

Ариф-ата по натуре был оптимист: он презирал пасующих перед бурей. Старик встал, укоряя себя, подошел к самовару, желая снова заварить чай, и тут услышал оклик: «Отец!»

—Ассалому алейкум,— сказала смуглая молодая женщина с тщательно уложенными волосами, поднимаясь на веранду.

—Ва алейкум ассалом. Пожалуйте, доченька.

—Я из исполкома. Просили передать, чтобы в два часа вы вместе с Хафизом-ака пришли на заседание. А Хафиз-ака дома сейчас, не знаете?

Ариф-ата взглянул на ходики.

—О, давно ушел, доченька. Он уходит рано.

—Я все же зайду к нему, попрошу, чтобы передали.

—А по какому делу-то, доченька?

—Сама не знаю, отец. До свидания!

Женщина заторопилась. Ариф-ата провожал ее взглядом. Она шла по шаткому мостику на другой берег Анхора. Ариф-ата размышлял: «Тебя, старик, зовут в исполком, а раз уж приглашают, значит, ты можешь сделать что-то полезное. А ты, тоже мне... растерялся, раскис, тряпка этакая!.. Погоди, погоди, для чего же они приглашают-то? Не по поводу ли чайханы? Фе, будто в исполкоме нет других забот, закрыть чайхану или нет... Конечно, есть дела поважнее. Ведь она приглашает

всех по списку, который ей вручили. Выходит, в том списке значится и мое имя...» Ариф-ата взглянул на ворот своего яктака²⁵. «Наверное, неприлично идти в таком виде. Надо одеться получше, как-никак почтенное место, руководство...»

И тут начали появляться посетители — был базарный день. Кто-то попросил яхна — охлажденного чая. Как назло, Ариф-ата еще ничего не успел приготовить.

—Сейчас, сейчас,— заспешил он.

Опрокинув два чайника чая в ведро, пошел к Анхору. «У кого это с самого утра горит душа? — думал он, стараясь припомнить посетителя.— Видно, из Назарбека, на базар приехал»,— решил старик, осторожно взбалтывая чай в ведре, погруженном в воду.

На том берегу Анхора показался Махкам-ака. Он шел, собрав полы халата и заложив руки за спину.

—Куда держите путь, уста?²⁶ — спросил Ариф-ата, когда Махкам подошел ближе.

—На базар, ака. Кое-какие покупки надо сделать.— Махкам-ака остановился, но Ариф-ата показалось, что кузнец не в духе.

—Выпейте пиалушку чая, успеете сходить. Не отказывайтесь,— приглашал Ариф-ата.

Пока Махкам-ака благодарил его, Ариф-ата заварил чай, подал на подносе лепешку и горсть кураги.

—Батырджан, племянник, уезжает сегодня,— усаживаясь на краю террасы, мрачно сказал Махкам-ака.

—Смотрите, уста, оказывается, чует сердце, а?

—А что такое?

—Да, знаете, утром я как раз об этом думал.— Ариф-ата чуть было не сказал: «Не осмелился спросить, когда увидел Салтанат»,— но тут же спохватился и закончил: — Пусть будет жив-здоров! Когда уезжает?

—Вечером. Я вот и хочу на базаре купить кое-что.

—Конечно, конечно,— согласился Ариф-ата.— И еще я хочу вам посоветовать, уста, не называйте его племянником. Зовите сыночком. Приласкайте, пригрейте. Не только ребенку — и взрослому необходимо душевное тепло. А он вам не посторонний, близкий. Почти сын.

—Сын... А скажет ли он мне «отец»? — невнятно пробормотал

---

²⁵ Яктак — длинная рубаха без воротника.

²⁶ Уста — мастер.

кузнец, взволнованный наставлениями Арифа-ата.

—А почему не скажет? Сначала попробуйте вы назвать его сыном. Вам-то можно было и раньше звать его так. Ну, и сейчас не поздно, уста. Нет, не поздно.

—Думал я об этом, ака. Но он ведь не маленький, совсем взрослый джигит...

—Джигит, верно. Но вырос-то он без отца.

—Правда.

—А тут вот лишился и материнской ласки. Трудно ему, уста, трудно. Полюбит он вас, души не будет чаять, если обогреете его своей любовью. Вот попомните мои слова.

—Ах, если бы так! — мечтательно вздохнул Махкам-ака.

—Так. Именно так. Когда яблоко созревает, уста, оно падает под яблоню. Нет у него сил откатиться за версту. Так и сирота под крыло ближних тянется.

Ариф-ата тихим, проникновенным голосом заговорил о том, что терзало душу Махкама-ака. Конечно, не иметь своих детей худо, ах, как худо. Но разве кто-нибудь из мудрецов сказал, что бездетному суждено лишь одиночество? Сколько в мире детей, оставшихся без родителей, разве они в этом виноваты? И разве у них не такая же душа, как у детей, живущих с родителями? Разве их не влечет под надежный кров людского благородства? И как великодушен тот, кто делает чужого ребенка своим, воспитывает его, выводит на дорогу жизни.

Махкам-ака слушал Арифа-ата в глубокой задумчивости, но сердце его трепетало. «Откуда он знает о моих переживаниях? Как он подслушал мои мысли?»

—Ваши слова мне очень по душе, ака. Вы угадали желание моего сердца. Названным братом я считаю вас. Ваши советы и жене придутся по душе.

—Батыр уезжает не куда-нибудь, а на поле битвы,— продолжал Ариф-ата.— Чем спокойнее будет его душа, тем храбрее, тем мужественнее будет он сам. Мысль о том, что у него есть отец, есть мать, есть семья, согреет его в бою.

—Правдивы ваши слова, ака,— согласился кузнец.

Ариф-ата налил в пиалу оставшийся чай, подал гостю, хотел встать, чтобы заварить свежий чай, но Махкам-ака остановил его:

—Спасибо, ака. Я и так долго просидел. Пора на базар.— Он встал,

потоптался, глядя на Арифа-ата, спросил: — А сами придете, ака?

—Соберутся в вашем доме?

—Конечно,— подтвердил Махкам-ака и тут же засомневался.— А может, лучше в доме Батыра проводы устроить?

—Сделайте, как ему хочется. Он же не маленький, вы сами говорите,— улыбнулся Ариф-ата.

—Спасибо за совет, ака! Пусть нужда ни на этом, ни на том свете не коснется вас.

Махкам-ака заспешил на базар. Ариф-ата, провожая его взглядом, вспоминал весь разговор с кузнецом. Кто знает, может, именно сегодня бездетный Махкам наконец почувствует себя отцом, а Батыр поймет, что он уже не сирота.

Становилось жарко. Погода была совсем не похожа на осеннюю. В чайхане душно, да и людей сегодня больше, чем обычно. Время шло быстро, и уже приближался полдень. Ариф-ата начал волноваться, что не успеет перед заседанием забежать домой переодеться. И тут появился Абдухафиз.

Этот здоровенный, широкоплечий мужчина лет тридцати пяти ходил на костылях, завернув правую штанину до колена, телосложением он напоминал сказочного богатыря, способного горы стереть в порошок. Из-за толстой шеи затылок у Абдухафиза казался плоским, уши маленькими, как у ребенка. Когда он опирался на костыли, мускулы рук напрягались, становились округлыми и твердыми, как камень. Костыли быстро ломались, а мастера подшучивали: «Остается тебе сделать железные, другого выхода нет». Давно Абдухафиз собирался заказать протез, но все откладывал со дня на день, а тут началась война, и протезные мастерские перешли на обслуживание фронтовиков.

Абдухафиз вовсе не вышел из строя. Ему была по плечу любая работа. Трудиться он мог за четверых здоровых. Сейчас Абдухафиза выбрали председателем общественной махаллинской комиссии.

«Неужели такого богатыря могли ранить?» — удивлялись многие. Но удивляться, конечно, нелепо: пуля не разбирает, хилый ты или богатырь. Однако вопросы такого рода больно задевали самого Абдухафиза. Если б потерял он ногу, получив пулевое ранение, не так было бы обидно. Беда случилась иначе: Абдухафиз отморозил ногу во время финской войны, и ее ампутировали до колена. Поди вот теперь доказывай каждому, что произошло это в боевой обстановке и не по

недоразумению.

—Ну и копуша же вы, Ариф-ата! Были бы вы женщиной, вот бы с вами муж заплакался,— принялся шутить Абдухафиз, торопя Арифа-ата отправляться в исполком.

—Что ты там мелешь? — беззлобно возмущался Ариф-ата.— Ты лучше оставь свои шутки. Я так скорее управлюсь. Мне еще переодеться надо!

—Вас что, в зятя кто-нибудь собирается брать, что ли? Зачем вам наряжаться? — не унимался Абдухафиз.

—А что же? Без надежды на лучшее один шайтан на свете живет. Почему бы мне и не напроситься в зятя? Я еще в самом расцвете сил,— не уступая Абдухафизу, смеялся Ариф-ата.

Посетители чайханы начали прислушиваться к разговору, усмехаясь вместе с шутниками.

—По тому, как собираетесь, видно: не в расцвете сил, а в закате. Едва руками двигаете...

Но уж тут Абдухафиз явно перебрал. Ариф-ата рассердился и крикнул:

—Да уймись ты, болтун! Скажи лучше, стоит мне переодеться или нет?

—Нет, нет! Опаздываем! — заторопился Абдухафиз.

Глава четвертая

С того дня, как похоронили Джамал-холу, впервые ожил ее двор. Батыр не мог после смерти матери жить дома. То ли потому, что здесь все напоминало ему мать, то ли потому, что некому было вести хозяйство, но он принял приглашение тети Мехринисы и переселился в дом Махкама-ака. Сюда он заходил изредка и ненадолго. Дом родителей, где он вырос, теперь внушал ему ужас, наводил гнетущую тоску, и Батыр бежал скорее с пустынного двора поближе к живым людям.

Однако друзья собрались провожать Батыра на фронт в его родном доме, в комнатке, примыкающей к айвану. Салтанат пришла вместе с ними. Она охотно прибежала бы пораньше, помогла бы все подготовить к приходу гостей, но, боясь пересудов, не решилась. Даже помочь Мехринисе резать мясо и то не осмелилась.

Джигиты и девушки разговаривали тихо и серьезно — не так, как это обычно бывает на вечеринках у молодежи. Война сделала их взрослыми — зрелыми и озабоченными людьми. Их волновало теперь все: и как обстоят дела на фронте, и что стало с оккупированными городами и селами, и где разместятся эвакуированные предприятия, и как будет организовано дальше снабжение населения продовольствием. Сейчас разговоры обо всем этом заменяли им и веселье, и песни, и остроты. Многие юноши скоро должны были уйти в армию, а девушки собирались кто в школу медсестер, кто на завод, к станку вместо ушедших на фронт мужчин. Даже соседские мальчишки, любители шумных игр в Буденного, и те попритихли и сидели неподвижно у двери, не отрывая глаз от Батыра. Они завидовали ему. Еще бы! Батыр едет защищать Родину!

Сказать правду, и девушки сегодня были не очень разговорчивые. Больше слушали. И разные чувства — боль, отчаяние, ужас, удивление — отражались в их глазах. Кто знает, может, какая-то из них в последний раз смотрела на своего джигита...

Салтанат... В руках у нее дрожит каса. Подруга молча помогла ей расставить чашки, сделав, это незаметно для гостей. В другой час, возможно, сказала бы: «Возьми себя в руки, как можно!» Но сейчас промолчала. Не время. Она понимала состояние Салтанат.

А Салтанат не сводила с Батыра взгляда. Раньше, прогуливаясь, они с Батыром часто играли в гляделки: уставятся друг дружке в глаза и смотрят, смотрят, не мигая. Как ни старалась Салтанат, она всегда проигрывала. Огорчаясь, потеряв глаза, она снова начинала игру, но опять ничего не получалось. Салтанат не выдерживала взгляда Батыра и отводила глаза. Сейчас Салтанат наверняка выиграла бы, но до игры ли ей теперь?! Она просто хотела запечатлеть в своем сердце его большие глаза с темными зрачками, густые, блестящие брови и черные волнистые волосы. Правда, волос уже не было. Батыр сидел, надев на чисто выбритую голову поношенную, смятую тюбетейку. И она шла ему. Когда он только появился в комнате, кто-то из девушек, увидев его бритым, невольно воскликнул: «Ах!» Но Салтанат так строго посмотрела, что подруга смущенно прикусила губу.

Один за другим в дом входили соседи и родственники. Они присаживались на айване у хантахты с дастарханом, пили одну, самое большее — две пиалы чая, желали Батыру доброго здоровья, благословляли его и уходили.

—Голубчик мой Батырджан, дай бог, чтобы голова твоя была каменной, а кости стальными,— сказала одна женщина, и Салтанат благодарно улыбнулась ей.

Мехриниса и помогавшие по хозяйству женщины нет-нет да и отходили в сторонку поплакать. Махкам-ака, заметив их слезы, спешил к ним, успокаивал, как мог.

Неожиданно в калитку вошли Ариф-ата и Абдухафиз. Они почтительно поздоровались с Махкамом-ака и Мехринисой, и Абдухафиз прогремел густым басом на весь двор:

—Сына, значит, провожаем!

Махкам-ака слегка растерялся. Стоял, сложив руки на груди, не зная, куда сажать гостей. «Сына провожаем»... Слова председателя слышали все. Произнес он их громко, отчетливо. Слышал и сам Батыр. Махкам-ака многозначительно посмотрел на жену, Мехриниса уже вытирала слезы. «Не соображает, бестолковая, что сказал председатель»,— подумал Махкам. Но он явно недооценил чуткость жены. Именно из-за этих слов, таких необычных и дорогих для нее, не смогла Мехриниса сдержать слезы. «Сын! Сына провожаем!» — звучало у нее в ушах.

Махкам-ака догадался, что Абдухафиз не случайно произнес свои слова. Видно, Ариф-ата успел рассказать ему об утреннем разговоре. Махкам-ака с благодарностью взглянул на Арифа-ата, но сказать ничего не успел: парни и девушки начали подниматься со своих мест, а Батыр вышел на айван, чтобы подойти к Абдухафизу и Ариф-ата.

—Погодите-ка, дети, не вставайте... Батыр, дитя мое, возвращайся к своим товарищам, а мы посидим здесь,— распорядился Махкам-ака.

Ариф-ата и Абдухафиз не пошли в комнату, а уселись на айване.

Махкам-ака волновался, стараясь как можно лучше принять гостей. Он то разламывал лепешки на маленькие куски, то придвигал ближе к гостям кисти винограда, то подкладывал подушки за спину Арифа-ата. Потом он начал переливать чай из чайника в пиалу и из пиалы в чайник, но цвет чая не понравился ему, и он велел жене заварить заново.

Салтанат, уже успев освоиться со своими обязанностями, хлопотала вокруг гостей не покладая рук. Выглядела она веселой и даже беззаботной, но на душе у нее было сумрачно и безрадостно. Ариф-ата по каким-то своим наблюдениям понял состояние девушки. Когда Салтанат подошла к нему, он опустил голову, чтобы не встретиться с

ней глазами. Он вспомнил, как утром шла Салтанат с сумкой через мост, какое печальное было у нее лицо, и опять ему стало жалко девушку. ' Салтанат тоже вспомнила утро, встречу с Арифом-ата, его добрую, приветливую улыбку. Тогда еще впереди был день — целая вечность, а сейчас неизбежное надвигалось с каждой минутой.

Вдруг все встали. Махкам-ака, приложив руку к груди, попросил жестом Арифа-ата сказать что-нибудь на прощание. Ариф-ата торжественно вскинул руки для благословения.

— Да постигнет злодеев поражение! Пусть будут стерты они с лица земли. Побеждай, но не будь побежденным, дитя мое! Верю, что доведется нам свидеться живыми-здоровыми!

Благословение Арифа-ата выслушали молча. Но когда он кончил, послышался общий говор. Одни повторяли слова Арифа-ата, другие читали молитвы.

Батыр начал прощаться с женщинами — с каждой в отдельности. Женщины обнимали его, целовали в лоб. Мехриниса не смогла совладать с собой, расплакалась, крепко обняла Батыра и долго не выпускала из своих объятий. И у Батыра навернулись на глаза слезы. С трудом он взял себя в руки, незаметно для других вытер глаза.

— Не плачьте, хола, успокойтесь, — прошептал Батыр, высвобождаясь из ее объятий.

Махкам-ака взвалил вещевого мешок Батыра себе на спину.

— Вещи передайте им, уста. — Ариф-ата указал на джигитов. — Женщины пусть остаются дома. Никто в точности не знает, когда будет отправление. Что ж зря-то мучить себя. И вы оставайтесь, уста. Проводят Батыра до самого места сбора товарищи.

— Женщины пускай останутся, а я пойду, ака, — возразил Махкам-ака, и Ариф-ата не стал его останавливать.

— Хорошо, хорошо. Идите, уста. — Ариф-ата подошел к Батыру, прижал его к себе, а затем, чуть отстранив, поцеловал в лоб.

— До свидания, сынок! До скорого свидания!

Джигиты и девушки, окружив Батыра плотным кольцом, вышли на улицу. Соседи стояли у своих калиток, прощались с Батыром, желали ему доброго пути.

Мехриниса не выдержала и громко зарыдала. Женщины начали утешать ее, да только от их утешений пользы было мало. Они и сами всхлипывали, слезы душили их.

Батыр, все еще окруженный джигитами и девушками, дошел до

угла, когда Мехриниса вдруг выскочила на середину улицы и закричала во весь голос:

— Батырджан, сынок! Виноград возьми! Забыла я!

Один из джигитов хотел вернуться и взять виноград, но Батыр остановил его и подбежал сам.

Взглянув Мехринисе в глаза, Батыр вдруг увидел, как удивительно похожа она на его мать, и понял, как она дорога ему. Словно маленький ребенок, он бросился в ее объятия, сам крепко обнял тетку и, чувствуя на лице своем ее слезы, с минуту стоял не шелохнувшись, потом решительно снял со своих плеч ее руки и, не оглядываясь, быстро пошел к друзьям, молчаливо ожидавшим его на углу улицы.

Глава пятая

Салтанат все не возвращалась. С наступлением вечера Кандалат-биби начала беспокоиться: она то и дело выходила за калитку, пристально вглядывалась в даль безлюдной улицы. Сумерки быстро сгущались, и вскоре все вокруг погрузилось в темноту. Кандалат-биби охватила тревога. «Где же она ходит? Не попала ли под поезд? Не задавила ли ее машина? Не стала ли жертвой хулиганов?»

В голову лезли разные мысли, одна страшнее другой. Кандалат-биби хотелось закричать, позвать людей, но она медлила, прислушивалась к звукам, доносившимся с улицы. Наконец, потеряв терпение, она вышла за калитку, стала вглядываться то в один конец улицы, то в другой. Темнота непроглядная, ничего не видно.

Вот она — судьба матери! С той минуты, как зашевелится дитя под сердцем, подавая первые признаки жизни, все мысли матери о ребенке, все заботы о нем. Для матери ее дитя останется ребенком всегда, независимо от того, сколько ему лет. Стоит ему удалиться с глаз, мать сразу начинает тревожиться, теряет покой, не находит себе места. Все матери такие, а уж Кандалат-биби особенно беспокойная мать.

Вот и сейчас Кандалат-биби прекрасно ведь знает, куда, зачем и с кем ушла Салтанат. Знает она и то, что время отправления воинского эшелона никто не скажет заранее. Сама все это пережила, когда провожала мужа. Тогда говорили, что поезд отправится днем,— он не ушел; сказали — вечером, но и вечером он не отправился; перенесли отправление на ночь. В конце концов поезд ушел только на рассвете.

Мать и дочь, опухшие от слез, не в силах двинуться, остались на вокзале и ждали, пока пойдут первые трамваи.

Но теперь Кандалат-биби точно забыла все это: то сядет, то ходит — волнуется, придумывает слова, какими укорит дочь за позднее возвращение.

Вдруг раздался стук в калитку. Кандалат-биби вздрогнула, почувствовав, как задрожали колени, опустилась на супу²⁷. В полумраке двора она увидела силуэты двух мужчин. Сердце ее словно оборвалось, но тут послышался знакомый голос.

—Ассалому алейкум, янга²⁸,— сказал Абдухафиз. Вторым был Ариф-ата. Он также почтительно поздоровался с женщиной.

Кандалат-биби не сразу овладела собой: язык у нее заплетался, она говорила что-то невнятное. Ариф-ата и Абдухафиз смущенно переглянулись.

—Напугали мы ее,— прошептал Ариф-ата.

—Где Салтанат? Где моя дочь? — Голос Кандалат-биби дрожал.

—Все в порядке, янга, все в порядке,— пробасил Абдухафиз и подошел к женщине. Обеими руками взял Кандалат- биби за плечи и посмотрел ей в глаза.

—Что с вами, янга? Мы просто зашли к вам. Навестить. Салтанат на вокзале вместе с друзьями. Скоро придет.

Ариф-ата тоже подошел к Кандалат-биби, чтоб она его лучше рассмотрела.

—Вы сами видели ее? Да?

—Мы возвращаемся оттуда,— сказал Ариф-ата.

—Не беспокойтесь, янга, с вашей дочерью ничего не случилось,— подхватил Абдухафиз.

— Ой, спасибо вам, спасибо! Все они вместе, что ли? — Только сейчас женщина начала приходить в себя.

—Напрасно вы так тревожитесь! Она с подругами, их много.

—Девушка же она... Ой, усохнуть моей памяти! Что же я сию? Проходите, садитесь.— Кандалат-биби расстелила курпачу.— Ну, пачча²⁹ Абдухафиз, проходите, я сейчас соберу угощение.

—Погодите, янга. Остановитесь, прошу вас,— сказал Абдухафиз и

---

²⁷ Супа — глиняное возвышение во дворе для сидения или лежания.

²⁸ Янга — жена старшего брата. Здесь употребляется как форма вежливого обращения.

²⁹ Пачча — деверь.

кивнул Ариф-ата: — Давайте.

Ариф-ата прочитал поспешно молитву и, помолчав, сказал:

—Слышали мы, что от муллы Шахабиддина пришло письмо, янга. Очень обрадовались, но закрутились с делами, поэтому ни я, ни Абдухафиз не смогли сразу зайти навестить вас.

—Я не в обиде. На вас лежат заботы обо всех. Спасибо вам. Муж передает большой привет...— Кандалат-биби поднялась.— В котле у меня есть готовый суп. Посидите минуточку.

Абдухафиз и Ариф-ата встали и, перебивая друг друга, заговорили:

—Мы торопимся. Надо еще по делам зайти. Спасибо вам. Спите спокойно, янга, не тревожьтесь. Салтанат скоро вернется.

—Значит, поезд еще не отправился?

—Пока нет. До свидания!

Кандалат-биби проводила гостей до калитки и не уходила с улицы, пока не умолк стук костылей. «Добрые люди. Благословение им. Пришли навестить меня! Хоть и успокоили немного, а пища все-таки в горло не лезет». Разговаривая сама с собой, она прошла на кухню, открыла крышку котла и вместо супа увидела густую, разваренную картошку. Суп выкипел. «Хорошо, что не задержались гости, как бы я подала им такое?» — подумала Кандалат-биби.

Она не знала, конечно, что Ариф-ата и Абдухафиз очень голодны и с удовольствием съели бы ее загустевший суп.

Ариф-ата в другой раз непременно задержался бы здесь. Это не чужой дом — дом близкого друга, где он часто бывал. Но теперь спешил уйти из опасения, что Абдухафиз возьмет да и скажет про совещание в исполкоме, про то, что для эвакуированных решено искать жилье. Получилось бы, что они пришли к Кандалат-биби с корыстной целью, а не просто навестить жену фронтовика.

Ариф-ата и Абдухафиз направились прямо в чайхану. Был уже поздний вечер, и, кроме двух стариков, сидевших на топчане у цветника, других посетителей не было. Стариков обслуживал Тура, по прозвищу «Муйлав» — «усатый», немолодой помощник Арифа-ата.

—Эй, магазин твой обокрали!..— весело пошутил Абдухафиз.

—На это осмелится только тот, у кого десять голов, председатель! — засмеялся в ответ Тура-муйлав. Он встал и из кладовой принес миску, завернутую в дастархан.— Вижу, что вы изрядно проголодались.

—Откуда тебе это известно, Тура-ака? — удивился Абдухафиз.

—По Ариф-ата с первого взгляда видно.

Ариф-ата отвернулся, сделал вид, что не слышит, и, заваривая чай, с трудом сдерживал смех.

— Не угадал ты, Тура-ака! Мы только что ели плов. Разве стал бы Ариф-ата заваривать чай, если б был голоден!

— Про вас я не знаю. А что ака покушал — непохоже.

— Почему?

— Нос повесил и слова вымолвить не может.

Абдухафиз расхохотался.

— Составь нам компанию, куда ты уходишь? — сказал Ариф-ата, обращаясь к Туре-муйлав, и развернул дастархан.

— Кушайте сами. А я, знаете ли, ел лагман и пожадничал. Съел лишнее и никак не могу переварить,— простодушно пояснил Туре-муйлав, поглаживая живот.— Принес младший из ваших внуков. А это вам. Успело остыть. Не разогреть ли?

Ариф-ата молчал. У Кандалат-биби он тоже был немногословен и по пути не промолвил ни слова.

— Я восхищен тобой, Тура-ака. Ты действительно хорошо знаешь Арифа-ата. Он молчит, словно наелся воску,— заметил Абдухафиз.

— Много лет мы близки, как отец и сын,— хвастливо сказал Туре-муйлав, бросив под язык нас³⁰

— Хватит болтать! Бери побыстрее пиалу, чай остывает.— Ариф-ата протянул чайник Абдухафизу.

Молчаливость вовсе не была в характере Арифа-ата. О, он любил поговорить. Но совещание в райисполкоме необычайно разволновало его. Надвигалось невиданное, неслыханное и вместе с тем неотвратимое. До пустых ли слов сейчас?

Предстояло немедленно начать подготовку к размещению эвакуированных из оккупированных врагом городов и прифронтовой полосы. Эшелоны с беженцами приближались. Прямо из райисполкома Абдухафиз и Ариф-ата отправились по дворам махалли. Тогда-то и заглянули они к Батыру, угодив на его проводы. И хорошо, что они попили там чаю, отведали шурпы. С тех пор все на ногах, все в хлопотах. Обошли полмахалли.

— До чего же боязлива Кандалат-биби! Помните, Ариф-ата, как она побледнела? — вспоминая последний визит, сказал Абдухафиз.

— Да, паниковать она умеет. Хорошо, что зашли, иначе она вышла

---

³⁰ Нас — особо приготовленный табак, закладываемый под язык.

бы на улицу и стала вопить о помощи. Всю жизнь Кандалат-биби такая. Раньше и о муже так же пеклась. Она и ему была как мать — ведь по возрасту она много старше Шахабиддина.

—Ну и наврали же вы ей...

—Другого выхода не было. Она могла заставить нас сейчас же искать дочь. А тут все-таки успокоилась. Сам аллах прощает, когда приврешь для доброго дела... Хорошо, что ты был осторожен.

—В чем?

—Ты мог затеять разговор об уплотнении. Она бы упала без чувств.

—Неужели она не поняла бы, какую беду переживают люди? Ведь есть же у нее сердце!

—Но втолковать ей было бы трудно. И потому еще трудно, что она вспыльчива. Правда, вспылит и тут же остынет. Вообще-то она очень мягкосердечная женщина.

—Описали вы ее...

—Знаю ее, братец. С такими надо быть очень деликатным...

—А что же делать? Вот и у Салима-кожевника вы остановили меня, дернули за локоть. А я ведь и рта не успел раскрыть, как его жена принялась кричать. Неужели найдутся еще такие?! А тут тысячи бездомных едут к нам...

—Не паникуй. Возьми себя в руки. Ты, председатель махаллинской комиссии, должен знать всех как свои пять пальцев. Люди ведь друг на друга не похожи. И учти: война не обошла ни одну семью, во всех домах нарушила покой.

—Понимаю.

—Как же не понять... Щекотливое это дело — уговаривать, чтоб приняли чужие семьи. Люди у нас хорошие, с чистой душой, добрые. Вот сегодня побывали мы у многих. Разве кто-нибудь решительно отказал? Нет. Только в двух домах произошла осечка. Но, конечно, может случиться, что мы еще встретим и отказы.

—Те, кто отказал нам, предпочитают свои личные интересы интересам народа.

—Одумаются. Завтра, когда начнем размещать эвакуированных, будет другое. Увидят женщину, которая несет или ведет ребенка, и сразу смягчится сердце. Расчувствуются, подойдут к ней, возьмут ее и ребенка и поведут к себе домой.

—Это те, что отказали-то? — усомнился Абдухафиз.

—Попомнишь мои слова! И Кандалат поступит точно так же. Я в

этом уверен. Еще обидится на тебя: «Почему не сказали мне сразу?» Жена Салима-кожевника тоже подбодрит.

—Откуда вы это знаете?

—Не спрашивай, откуда я знаю. Хочу, чтоб и ты знал, сынок. Душа человека тверже камня, но нежнее розы и широка, как море. Помни это — и никогда не ошибешься.

—Узнать душу человека труднее всего. Это я давно понял,— сказал Абдухафиз, а про себя подумал: «Мудрый старик. Правильные слова говорит».— Половину домов обошли,— продолжал Абдухафиз.— Лишь джаркуча³¹ и дворы в том конце махалли остались. Может, завтра, не дожидаясь меня, начнете обход?

—Нет. Не пустяковое это дело. Вместе завершим обход, сынок.

—Ладно. Постараюсь прийти пораньше.

—Ну, что же, чай допит, ноги отдохнули, пора идти на покой.— Абдухафиз хотел встать, но Ариф-ата остановил его, с загадочным видом взял за руку.

—Погоди-ка, сынок. Есть еще одно дело.

—Какое дело, Ариф-ата? Уже полночь!

—Хочу спросить тебя, сынок: ты заготовил дрова и уголь?

—Нет еще. До холодов ведь далеко.

—А крышу обмазал?

—Э, какой вы неугомонный человек, Ариф-ата! Пока крыша не потечет, разве стоит думать об этом?!

—Стоит. Осень уже наступила. Видел, какой дождь прошел на днях? Это он предупредил тебя: будь, Абдухафиз, начеку. Раньше сами хозяева заботились о топливе, о ремонте крыш, дувалов. Теперь они почти все на фронте. Кто же будет думать об этом? Ты, сынок. Больше никому. А тут эвакуированные приезжают. Не стыдно ли будет перед ними?

Абдухафиз хотел отшутиться: «Вот, мол, мы и подумали, поговорили»,— но вовремя понял, что это может обидеть старика. Ведь прав Ариф-ата, не зря беспокоится. Абдухафиз задумался. С войной появилось много новых забот, они заслонили собой все остальное, и он забыл о насущных нуждах махалли.

—Не думал я об этом, Ариф-ата, правильно вы мне напомнили.— Абдухафиз озабоченно вздохнул.

—Раз постигла нас беда, надо думать, как ее одолеть. Конечно,

---

³¹ Джаркуча — тупик внутри квартала.

люди сейчас не станут приставать: сделай то, сделай это. Понимают, в какие дни живем. И все-таки пусть женщины не так чувствуют отсутствие своих мужчин. Подумай о них, сынок.

—Актив надо созвать,— загорелся Абдухафиз,— и медлить с этим нельзя. Ясно, закипит работа у комиссии по оказанию помощи семьям фронтовиков!

—Молодец, понял меня. И хорошо, что не обиделся: сам, дескать, про все знаю. А потом, сынок, время от времени навещай семьи солдат. Спросишь: «Как поживаете, есть ли весточки?» От одного этого человек воспрянет духом.

—Все-то вы знаете, Ариф-ата. Не мне, а вам бы быть председателем. Это ошибка, что избрали меня,— испытывая благодарное чувство к старику, сказал Абдухафиз и придвинул к себе костыли.

—Э, разве ты будешь доволен, если выберут не тебя? Случись такое, ты бы за мной с палкой в руке в погоню пустился! — пошутил Ариф-ата. Оба весело расхохотались. Тура-муйлав, сидевший неподалеку, тоже рассмеялся, хлопая себя по круглым коленям.

Глава шестая

Вот уже несколько месяцев Махкам-ака и Мехриниса работают не покладая рук. Работы много. Прежние нормы теперь не существуют, введены новые.

Да о них никто и не думает. Артель давно уже трудится в две смены. Каждый кузнец выполняет работу за двоих, за троих.

В низеньком помещении, расположенном в конце двора Махкама-ака, от зари до зари непрерывно пылает огонь, летят искры от раскаленного железа. Часто Махкам-ака и Мехриниса здесь же, в кузнице, завтракают, иногда и ужинают.

Мехриниса на все руки: то раздувает мехи, то стучит молотом, то подносит уголь и воду. Собственное хозяйство и дом без присмотра. До того ли теперь? Джигиты ушли на фронт, всюду их заменяют женщины и пожилые мужчины. А уже похолодало, пора заготовливать уголь и дрова, обмазывать крышу. Но Мехриниса боится даже напомнить об этом.

Как-то раз она мельком что-то сказала мужу на эту тему. Махкам-ака взглянул на нее с осуждением:

—Ты не под открытым небом, не в огне, жена. Подумай о тех, кто сражается не на жизнь, а на смерть. Не могут же бойцы на неподкованных конях пойти в бой!

Помолчав, он с гордостью добавил услышанное недавно от директора «Узметаллпромсоюза» Кадырходжи:

—Весь фронт, а значит, и весь мир смотрит сегодня на нас, тружеников тыла. Понимаешь ли ты это?

—Что ж я, дурочка? Сами-то давно ли стали таким ученым? — с ноткой обиды в голосе отвечала Мехриниса.

—Кадырходжа глаза мне открыл, жена. Жили мы, думая, что вся отрада в этой ковке да в том, чтобы поесть досыта. Не-ет, оказывается, не так... Знаешь, что еще сказал Кадырходжа? Когда собрание закончилось и мы вышли на улицу, он позвал меня к себе, положил руку на плечо. «Уста,— говорит,— заказ очень важный. Сверху. Вы это хорошо понимаете, объясните и другим членам артели». Почему он это сказал мне? Потому что увидел: человек понимает.

—Что понимает?

—А говоришь, что соображаешь,— сдержанно усмехнулся Махкам-ака.— От самого Буденного этот заказ, поняла?

—Откуда мне знать, что говорил Кадырходжа?

—Он этого не говорил.

—Кто же тогда сказал?

—Сам я понял. Как только Кадырходжа произнес: «Получен важный заказ»,— я сразу догадался: от самого Буденного.

Мехриниса умолкла, продолжая рукояткой мехов раздувать огонь. Она хорошо знала Кадырходжу. На каком-то празднике, возможно это было в день Восьмого марта, он вручил Мехринисе подарок. И про Буденного она много слышала. В большой комнате, над нишей, где полки для белья, висела фотография в рамке. Буденный в окружении незнакомых ей людей. Улыбаясь, он держит за поводок подаренную ему лошадь. А сбрую для лошади изготовил Махкам-ака. Очень берег Махкам-ака эту фотографию. Повесил на почетное место в комнате.

...Время от времени Махкам-ака снимает фотографию Буденного, вытирает с нее пыль и подолгу рассматривает. На фотографии самого Махкама-ака не видно, но всякий раз он утверждает: «Вот за тем, в чустской тубетейке, стою я, вот посмотри.— И начинает рассказывать: «Тогда председателем артели был Кадырходжа. Зовет он меня к себе: «Уста, сбрую этой лошади сделайте сами, покажите свое искусство. Не

каждому выпадает счастье выполнять такой заказ». Согласился я, но волновался очень, всю ночь не спал, думал, как лучше сделать. Два дня работал. Пришел председатель, посмотрел удила, кольца, пряжки, бляхи для узды, сказал: «Ювелирная работа. Будет товарищ Буденный доволен».

Мехриниса знает рассказ мужа наизусть. Еще бы! И кстати, весь важный заказ он первой показал Мехринисе. И не председатель, а она прежде всех высоко оценила его работу.

Вот и теперь, когда артель получила заказ для фронта, Махкам-ака то и дело говорит жене: «Это заказ самого Буденного! Надо постараться, жена». И Мехриниса, услышав эти слова, с гордостью думает о своем муже: мастер, умелец, золотые руки. Мехриниса вообще постоянно думает о муже, любит его, чтит, прислушивается к его словам. Не бывает у них в доме ни ссор, ни обманов, ни недоразумений.

А секреты? Секреты, конечно, бывали. Да только долго они не оставались секретами. Какие тайны у супругов, которые прожили в мире и согласии почти тридцать лет?.. И все же не стоит решительно утверждать, что секретов не было. Возникали тайны, хочешь не хочешь, а возникали...

Бывает иногда так: встречаются глаза Мехринисы и Махкама-ака. Светятся глаза, смотрят с доверием и любовью. Но вдруг, в то самое мгновение, когда тайна одного из них вот-вот перестает быть тайной, глаза беспомощно опускаются. Язык заплетается, становится неповоротливым. И снова молчат супруги... Впрочем, долго так продолжаться не может. Настает час, когда хранить тайну уже совсем невозможно...

Именно в таком состоянии живет последнее время Мехриниса. Глаза ее то и дело загораются счастьем, слезы радости катятся по лицу. Так, вероятно, чувствует себя немолодая беременная женщина, которой наконец довелось испытать настоящее женское счастье.

Как же ей поведать мужу свою тайну? Вдруг не поймет Махкам-ака и осмеет ее или, что еще хуже, упрекнет! То угнетают Мехринису ее мысли, то приводят в умиление, рассеивают печаль, успокаивают. Вот уже несколько недель она — не она, а словно другой человек... Началось это с того момента, когда передала Мехриниса Батыру корзиночку с виноградом и, обняв его, почувствовала, как по-особенному бьется ее сердце. Сильные руки Батыра обняли ее крепко и порывисто. Так мог обнимать только сын — самый родной человек на земле. Из глаз

Мехринисы брызнули тогда слезы. Каждая слезинка точно обжигала щеки. До мельчайших подробностей перебирала она переживания той минуты, чтобы хоть на мгновение еще раз почувствовать радостное озарение, которое, казалось, охватило всю ее душу, когда взглянула она в любимые глаза. Сын! Конечно же, сын! И теперь временами кажется ей, что помнит она Батыра совсем еще крошкой: маленькие ручонки, цепкие пальчики, которыми он хватался за складки ее платья, мягкая в шелковистых волосах головка, чмокающие алые губы...

Сегодня утром во время завтрака Мехриниса чуть было не раскрыла своей тайны.

Махкам-ака прихлебывал чай и не отрывал взгляда от яблони «накш-алма»³² которую он купил вчера на базаре и посадил в честь Батыра. Махкам-ака вспоминал проводы Батыра и давний разговор с Арифом-ата, который запал в его душу и породил столько беспокойных дум.

—А что же Батыр не пишет? Пожалуй, пора,— вдруг задумчиво сказал он и обернулся к жене.

Мехриниса сама думала о Батыре, вспоминала его, подсчитывала в уме, сколько дней прошло, как он уехал. С опаской взглянула она на мужа: «Что это значит? Как он догадался о моих мыслях? Уж не хочет ли спросить меня, почему я стала такой задумчивой?»

—Не доехал еще. Говорят, далеко.

Махкам-ака бросил на жену быстрый и недоверчивый взгляд: «Откуда у нее такое спокойствие? Что она, дни и часы его дороги подсчитала?» Жена вдруг вскрикнула, схватилась за колено и отскочила в сторону. Чайник под краном самовара наполнился, и кипяток лился через край.

Махкам-ака давно заметил перемену в душевном состоянии жены, но объяснял ее смертью сестры, горем, которое обрушилось на Мехринису. А тут еще эта война, отъезд на фронт племянника. Такое не проходит для человека бесследно.

Однако перемены происходили не только с женой, но и с самим Махкамом-ака. Он старался скрыть это от Мехринисы, хотя чувствовал на себе ее пристальные взгляды, Батыр... Именно он владел всеми помыслами кузнеца.

То, что посоветовал ему Ариф-ата, Махкам-ака выполнил. Батыра

---

³² Накш-алма — сорт яблока.

он называл на вокзале не иначе как «сыночек мой», «дитя мое». Заклучив его в объятия, он поцеловал Батыра в лоб и раз, и два, и три. И заплакал даже, но слез, правда, не показал. Батыр же обращался с ним, как с другом. «До свидания»,— сказал он Махкаму и уехал. У Махкама-ака начинает болеть сердце при одном воспоминании об этом. Но он утешает себя: «Ну, ничего, не сразу... Вот закончится война, вернется он здоровым-невредимым, тогда и...» Поведать бы о своих думах жене... Но как? Может быть, она не одобрит его намерений. Он собирался сказать ей тогда же, придя с вокзала. Осторожно, конечно, не от себя вроде, а как бы от Арифа-ата, в порядке совета. Не смог. На другой день хотел сказать, тоже не решился, промолчал и на третий день... Вот и до сих пор не может сказать...

—Не обожглась? — спросил Махкам-ака жену, очнувшись от своих мыслей, и встал с места.

—Нет. Кипяток капал через кошму... А вы уже позавтракали?

—Сыт, жена,— ответил Махкам-ака и вышел в комнату, чтобы переодеться.

Обожженное колено у Мехринисы уже не болело, но беспокойство, охватившее ее, когда Махкам-ака заговорил о Батыре, не проходило.

...Батыр пришел в дом Махкама-ака и Мехринисы по приглашению тетки сразу после поминок. Пришел без вещей, просто переночевать. На следующий вечер пришел опять — оставаться в пустом доме было невыносимо. И с тех пор он постоянно ночевал здесь. Часто приходил поздно — задерживался в институте, случалось, уходил рано утром. Помочь Махкаму-ака или Мехринисе по хозяйству ему не приходило в голову, а они сами ни о чем его не просили. Для супругов Батыр оставался тем же племянником, каким был и прежде.

Что будет дальше с Батыром, их как-то пока не волновало.

Однажды вечером Батыр пришел раньше обычного и за ужином сказал: «Завтра я уезжаю на фронт». Он сказал это спокойным, даже приглушенным голосом, точно так, как обычно говорил: «Завтра я, наверно, вернусь позже».

Махкам и Мехриниса опешили, переглянулись, словно не поняли, о чем идет речь. И оба вдруг одновременно почувствовали, что им до боли жаль расставаться с Батыром, но почувствовали это как-то бессознательно, мимолетно, без каких-либо определенных мыслей о своем будущем и о его судьбе. Вполне возможно, что и муж и жена-тайком друг от друга провели ночь без сна и за эти часы многое

передумали. И каждый понял, сколь прочны нити, связывающие их с Батыром.

Так или иначе, с того дня, как уехал Батыр, все изменилось. Оба ходили задумчивые, сосредоточенные на своих переживаниях и пока не рисковали открыться друг другу.

—Ну, что же ты задумалась? Давай скорее! Вот-вот придут из артели,— поторопил Махкам-ака жену, заметив, что она, устремив взгляд куда-то в угол, едва-едва двигает рукояткой мехов.

Раньше готовые изделия Махкам-ака сам относил в артель. Теперь он не тратил на это время: из артели приезжали на арбе.

—Уголь неважный, что ли? Жару мало,— огорчился Махкам-ака, видя, что, несмотря на все старания Мехринисы, работа у нее не очень спорится.

—Уголь вчерашний,— возразила жена и приналегла на мехи.

Отчего муж недоволен углем? Горн пылает, как обычно. Мехриниса нагнетала воздух мехами, не только двигая руками, но и качаясь всем телом. Чем же встревожен муж? Почему стал он неразговорчивым, мрачным? Ей казалось, что и руки у него ослабели. Раскаленное кольцо то и дело выскакивает из щипцов, удары молота не попадают в цель. Мехриниса вспомнила, что ночью Махкам-ака плохо спал: ворочался, вставал, сидел в постели. И выглядит он скверно: глаза ввалились, скулы заострились, седина проступила сильнее. Мехриниса расстроилась и, с тревогой глядя на мужа, продолжала молча раздувать мехи.

А у Махкама-ака в самом деле беспокойно было на душе. Из-за этого и работа у него не ладилась. Всю ночь снились ему ужасные сны. Снилось ему, что он еще мальчик и находится среди детей. Странные это были дети. Они стонали. Плакали. Некоторые были запеленаты в бинты, как в пеленки, многие истощены до того, что не могли стоять на ногах. Махкам-ака несколько раз просыпался в холодном поту, испытывая страшное смятение. А под утро увидел сон., будто он на фронте. Будто встретившийся недавно на улице мальчик прислал ему письмо в треугольном конверте. Только хотел Махкам-ака распечатать письмо, как послышался визг снаряда, и он проснулся...

Махкам-ака работал, а мысли его были далеко. Он думал о наших неудачах на фронте, о бойцах, которые в этот миг идут навстречу пулям, о детях, оказавшихся на захваченных врагом землях и в прифронтовых районах в смертельной опасности, голодными и без

кровя.

Махкам-ака успел изготовить еще два кольца, когда послышался стук в калитку. Вошел сухощавый, высокий человек. Мехриниса приветствовала гостя, сложив ладони вместе и наклонив голову. Это был председатель артели.

—Пожалуйста, пожалуйста, Исмаилджан,— сказал Махкам-ака.— С какой стороны взошло сегодня солнце? Как это вы удостоили нас своим посещением?

—Куда же мне идти, если не к вам, уста? Ну, как ваше здоровье?

—Помаленьку, Исмаилджан! Да, кстати, поздравляю с новорожденным.

—Спасибо, спасибо. Есть ли письма от Батыра, уста?

—Была телеграмма. Наверное, скоро придет и письмо.

—Придет, придет! Пусть будет жив-здоров!

Мехриниса принесла поднос с угощениями, чайник чаю и ушла.

—Не беспокойтесь, уста, не надо разламывать лепешку. Я тороплюсь. Не буду и вас отвлекать от работы.

—Работа не убежит! Пока приедет Салиджан из артели, успею доделать и остальное. Берите лепешку, угощайтесь.

—Салиджан не приедет, уста. Вы разве этого не знаете?

—Ничего не знаю.

—Салиджана мы проводили на фронт.

—Когда?

—Позавчера.

—Вот не знал! Вчера я был в конторе. Никто ничего не сказал. Пусть будет жив-здоров! Бравый парень. Этот и на фронте не подведет.

—Второй уже день вместо него готовые изделия собираю я сам.— Исмаилджан опорожнил пиалу, но Махкам-ака, несмотря на его возражения, налил еще.

—Посидите немножко, Исмаилджан. Что слышно на свете? Есть ли добрые вести?

Исмаилджан взял одно из готовых колец и с минуту рассматривал его.

—Трудно понять, уста, что происходит,— сказал он наконец и тяжело вздохнул.— Вчера наши оставили еще два города.

—Еще два? Если так будет продолжаться, Исмаилджан, немец захватит половину страны, а?

—Уже и сейчас враг захватил большую территорию. Но особенно

страшно то, что он уничтожает мирное население, не щадит даже стариков и детей. Как подумаю — в жар бросает. Изверги! Однако весь народ ему не истребить. Надорвется! А вы как думаете, уста?

— Правда ваша. Уничтожить весь народ... Да как это возможно!

— Вчера я слышал одну новость...

— Ну-ну, расскажите, Исмаилджан.

— Скажу прямо, воспрянул я духом.

Махкам-ака затаил дыхание, чтоб не пропустить что-нибудь важное из рассказа Исмаилджана.

— В прифронтовом районе сбросили бомбу на роддом. И дети и матери погибли. Из всех малышей уцелели только трое. Под непрерывным огнем вражеских орудий два бойца сберегли новорожденных в землянке. Как-то о разгроме родильного дома и об уцелевших трех малютках удалось сообщить в Москву. И из Москвы прислали специальный самолет за этими тремя новорожденными!

— За малютками?

— Самолет приземлился, забрал детей, поднялся благополучно в воздух. И тут враг открыл огонь по самолету.

— Ну и подлецы, ну и палачи!

— А самолет все-таки прилетел в Москву. Весь в дырах, как решето. Но все трое детей, говорят, остались целы и невредимы.

— Вот это геройство — спасти малышей! Вы правы, Исмаилджан! Раз Москва посылает специальный самолет, чтобы спасти трех младенцев, значит, нельзя одолеть нас. Молодцы фронтовики! А передавали по радио об этом? Я думаю, и в газетах напишут. Правда, Исмаилджан?

— Непременно напишут! Вчера я рассказал об этом дома. Мать моя как завоет! Не рад был, что рассказал.

— Кому ж такое не причинит боли, Исмаилджан!

— Моя мать наказала: «Узнай,— говорит,— как здоровье этих сирот. Может быть, нам взять их под свое крыло?» Я смеюсь: «Не хватит ли тебе своих? Шесть внуков у тебя уже бегают, а седьмому еще не исполнилось и сорока дней». А она свое: «В такое лихолетье чужих детей нет, все обездоленные дети свои». Ну и старушка у меня!

— Они не чужие, нет. Ни в коем случае не говорите так, братец! Если бы они были чужие, разве мы с вами работали день и ночь? Подумайте, Исмаилджан! Разве отправили бы на фронт наших джигитов? Если бы они были чужими, разве весь народ встал бы на борьбу? О, да что уж

там говорить! Ваша старая мать — умная она женщина. И что же вы сделали?

—Пока ничего. Но все время вертится в голове эта мысль.

Махкам-ака прислонился к наковальне, в задумчивости поглаживая короткую, жесткую бороду.

«А ведь я действительно выжил из ума. Как же эта мысль мне-то не пришла в голову? Старушка, окруженная столькими детьми, обо всем подумала, а мне и на ум не пришло: ведь нам-то как раз и следовало бы...»

—Растревожили вы меня, братец,— взволнованно сказал Махкам-ака.

—Что, уста, что с вами? — забеспокоился Исмаилджан.

—Нет, ничего. Думал я над этим, переживал, а вот такое не приходило в голову. Хорошо, что подсказали!

Исмаилджан даже смутился. Ему показалось, что Махкам-ака понял его рассказ о детях из роддома, о своей старушке матери как намек.

—Я не к тому говорил, уста. Она ведь тоже от жалости только сказала. Разве справится...

—Нет, нет. Так и надо поступить. Сделайте одолжение, братец, подскажите, как действовать. Куда идти?

—Не знаю, уста, честное слово, не знаю,— сказал, улыбаясь, Исмаилджан.— Пришел сюда за работой, а вижу — создал вам лишнюю заботу. И потом, вам же необходимо поговорить с женой. Неизвестно еще, что скажет она... Не спешите.

—Нет, Исмаилджан, это дело нельзя делать не спеша. Это самое нужное сейчас дело. И жена не станет возражать. А будет возражать — сам вынынчу. Помогите мне, скажите, куда идти?

—Толком и я не знаю. Говорят, будто создана особая комиссия по приему эвакуированных детей-сирот. Говорят, сам Аксакал возглавляет эту работу.

—Кто, Юлдаш-ака?!

—Именно он.

—Вот видите, Исмаилджан! У Аксакала государственных дел по горло, а занимается детьми сам, никому не доверяет. А я-то, Махкам, и народных дел не выполняю, и детьми не обременен — сию сложу руки. Жена тоже здорова, полна сил. Способна вон гору свернуть, а только и знает собирать яблоки да подметать двор...

—Уста...

—На голове у меня чалма, подпоясан платком, считаю себя человеком. Надо же! И о чем я думал? Такой большой человек, как Ахунбабаев³³, встречает детей с распростертыми объятиями, а я...

Проводив Исмаилджана до калитки, Махкам-ака больше не вернулся в кузницу. Поднялся на айван и позвал жену. Говорил Махкам-ака так, будто сам видел все: бомбежку роддома, землянку, окутанную огнем и дымом сражения, самолет, увозящий трех младенцев... Ничего он не забыл из рассказа Исмаилджана: ни просьбу его старухи матери привезти тех малюток к ним в семью, ни почин Юлдаша-ака, возглавившего работу по устройству спасенных детей. И о своих думах не умолчал Махкам-ака, выложил все без утайки.

Мехриниса слушала, не спуская с мужа глаз, потом опустила голову и уткнулась лицом в край курпачи.

Глава седьмая

Когда Салтанат поступила на работу, кое-кто посмеивался: «Потеха! Салтанат училась, училась, а выучилась только на почтальона!» Особенно допекала Салтанат ее бывшая одноклассница Азада. Шлепнув как-то по наполненной до отказа сумке девушки, она прошла мимо, сморщив нос и прошипев: «Профессорша!» Вечером Салтанат, волнуясь и чуть не плача, рассказала об этом Батыру. Батыр выслушал ее и весело расхохотался.

—А, и ты смеешься надо мной! — Салтанат обиженно отвернулась.

—Чудачка ты! Надо было объяснить: поступила, мол, на почту для того, чтоб свои послания Батыру-ака не передавать через соседских мальчишек. — Батыр говорил, не сдерживая смеха.

—Теперь писать не буду, и передавать будет нечего! Разве тебе нужны мои письма? — сказала Салтанат, искоса поглядывая на Батыра.

—Когда ты сама рядом, писем мне твоих не надо!

—Значит, не стал бы и читать, порвал бы? — Голос Салтанат задрожал.

Батыр понял, что его шутки могут кончиться плохо.

---

³³ Ахунбабаев Юлдаш (1885—1943) — крупный советский государственный деятель. Первый председатель Центрального Исполнительного Комитета Узбекской ССР. «Ата», «Аксакал» называли любовно его узбеки.

—Салтанат, нельзя же все принимать так близко к сердцу,— заговорил он серьезным тоном.— Быть работником связи не позорно. Редкая семья теперь не ждет вестей с фронта. Что может быть благороднее, чем доставлять письма людям, у которых каждый стук в калитку будит надежду: а вдруг принесли им весточку от близких! Кроме того, идет война, и не время разбирать, большая или маленькая работа, хорошая или плохая. Ведь, если так рассуждать, и я могу сказать: «Я студент, мне нет дела до войны, не пойду в солдаты...»

Тихонько отведя в сторону прядь волос Салтанат, Батыр оторвал от ее самодельных бус из гвоздики один цветочек и положил в рот.

Салтанат вздрогнула, отстранилась, удивленно глядя на Батыра. Он, как ребенок-лакомка, чмокая, сосал гвоздику.

—Так моих бус надолго не хватит. Посмотри, осталось совсем мало.— Салтанат кокетливо усмехнулась, теребя бусы, и ее обида быстро прошла.

—От этого запаха я просто пьянею. Ну, идем.

Сколько дней минуло после этой встречи с Батыром!

Но Салтанат помнила все до мельчайших подробностей. Тогда они шли именно по этой улице, под сенью вот этих же талов. Рука девушки непроизвольно потянулась к шее, словно она хотела дотронуться до тех самых бус из гвоздики... Теперь Салтанат не надевала их. Сняла в ту ночь, когда вернулась с проводов Батыра, и больше не надевала. Ради кого их носить? Батыр так любил ее самодельные бусы, что даже в письме вот не забыл вспомнить об этом незатейливом украшении.

Салтанат, вне себя от радости, все перечитывала и перечитывала письмо, воображая, что Батыр стоит рядом и с ним можно разговаривать сколько хочешь. Какое теплое письмо он написал ей... Салтанат замедлила шаги, остановилась под талом, достала письмо и еще раз прочла его, хотя почти наизусть знала каждую строчку. Затем, аккуратно сложив, спрятала.

Достав из сумки другое письмо, она долго всматривалась в конверт, надписанный знакомой рукой Батыра. Оно было адресовано семье Махкама-ака. «Вот они обрадуются! Правильно сказал тогда Батыр-ака: приятно доставлять людям добрые весточки. Сама-то я как обрадовалась!» И это письмо Салтанат положила в сумку и торопливо зашагала по улице.

Неподалеку от дома Махкама-ака она остановилась. Как поступить дальше: войти прямо во двор или постучаться в калитку и вручить

письмо, не входя? Знает ли Мехриниса-хола об ее отношениях с Батыром? Если что-то знает, то совсем неудобно. «Ну и что же? Прямо и войду. Ведь я почтальон. Если не сегодня, то в следующий раз придется войти. Ведь от Батыра-ака еще много будет писем...» Раздумывая об этом, Салтанат вдруг увидела Мехринису. Та, появившись из-за угла, шла ей навстречу.

—Ассалому алейкум, хола! — выпалила Салтанат, приближаясь к Мехринисе и чувствуя, как загорелись ее щеки.

—Здравствуйте! Как поживает ваша мама? — спросила Мехриниса, не замечая смущения девушки.

—Жива-здорова...— уже еле слышно ответила Салтанат.— Хорошо, что я вас встретила. Я шла... Я к вам собиралась.— Салтанат волновалась, путаясь в словах.— Вам...— Ей хотелось сказать «от Батыра-ака», но она не выговорила имени и промямлила: — Письмо...— Вынула из сумки сложенное треугольником письмо и подала Мехринисе.

—От Батырджана?

—Наверное.

У Мехринисы засияли глаза, вмиг она вся как-то преобразилась. Салтанат почувствовала это и еще больше смутилась:

—До свидания, хола. Я пойду.

—Ну, почему же? Идемте, идемте к нам.— У Мехринисы даже голос стал веселее и громче.

—Спасибо! Разнести все это надо.— Салтанат кивнула на сумку, битком набитую газетами и письмами, и попятилась на шаг, не решаясь сразу отойти от Мехринисы. Но той было сейчас не до переживаний Салтанат. Она ничего не замечала, сжимая в руке письмо.

Салтанат вежливо попрощалась и как-то боком, неуверенно пошла по улице. Когда она скрылась за углом, Мехриниса наконец взглянула на адрес. Но волнение застилало ей глаза, буквы прыгали, и она ни строчки не могла прочитать. «Любит же он поболтать!» — подумала Мехриниса о муже. Махкам-ака проходил мимо чайханы и, по-видимому, задержался у Арифа-ата. Она хотела дождаться мужа, чтобы прочитать письмо вместе с ним, но нетерпение жгло ее. Мехриниса подождала еще минуту и начала читать.

«Моя любимая Салтанат! Ты заждалась письма, знаю. Маленькое письмецо, которое я отправил еще с дороги, и телеграмму ты, наверное, получила. Не обижайся, что задержался с этим письмом. О, если б была

возможность, писал бы каждый день, передавал бы в строчках сокровенные чувства, наполняющие мое сердце... Ты не верила, смеялась, когда я говорил, что ты отняла половину моего сердца. Оказывается, я ошибся. Ты отняла у меня все сердце, целиком. Мысли мои заняты только тобой. Каждую ночь я вижу тебя во сне. Как прекрасны сновидения! Только теперь я начинаю понимать это. Не знаю, что было бы со мной, если бы не сны. Сердце бы разорвалось!»

—Что, миленькая, слиток золота, что ли, нашли?

Мехриниса была так увлечена письмом, что не слышала, как подошла Икбал-сатанг. Она бросила быстрый, невидящий взгляд на приятельницу, и та с изумлением увидела сиявшие, как у молоденькой девушки, восторженные глаза Мехринисы, ее улыбающееся лицо.

—Да что это с вами, миленькая? Стоите вы, словно красавица, поджидающая возлюбленного...

—Вы угадали, апа,— задумчиво ответила Мехриниса.— Вспомнила свое девичество.— Она хотела было скомкать и спрятать письмо, но аккуратно расправила листки бумаги.

—Ах, усохнуть моей памяти, похоже, что письмо-то от паренька! Ну, ну, что он там пишет? — Икбал-сатанг нетерпеливо заглядывала в листок.

— Послушайте, апа. Вот она, молодость,— с ласковой усмешкой сказала Мехриниса.— Эта рассеянная девушка, почтальонша, отдала мне письмо, адресованное ей самой.

Икбал-сатанг, любившая острые сюжеты, так и вспыхнула от любопытства.

—Что же он там пишет? — Она протянула руку, хотела взять письмо, но Мехриниса не отдала его. Ей вдруг показалось, что у нее хотят отобрать все ее сокровенные думы, всю ее радость. Улыбка сошла с лица Мехринисы, она помрачнела.

—Погодите, апа! — Она отвела руку с письмом.— Как же, ведь это чужое письмо, нехорошо...

—Какой он вам чужой? Слава богу, душенька, он сын ваш. Даст аллах, и девушка станет вашей невесткой. А тайны молодых вам знать не мешает!

—Не знаю...— Мехриниса в смятении прижала письмо к груди.

—Добра им желаю! Придет Батыр живым-здоровым, будет свадьба. Сама же и помогу, миленькая.

При этих словах Мехриниса сразу оттаяла. В самом деле, кто знает,

может быть, вот-вот и в ее дом войдет невестка...

—Ну-ка, давайте! — Икбал-сатанг вырвала у Мехринисы листок, не слушая возражений.

—Ой, я еще и сама не дочитала, апа.

—Вместе прочитаем.— Икбал-сатанг шарила рукой по карманам.— Ой, усохнуть моей памяти, очки-то забыла! Читайте сами, ну...

Мехриниса взяла письмо. «Может, и вправду пусть лучше знает Икбал-сатанг сердечную тайну молодых»,— подумала она и, пропустив ту часть письма, которую уже прочла, стала читать дальше:

—«...Салтанатхон! Те незабываемые минуты, когда мы ходили в кино, на праздник тюльпанов, и то утро...»

Мехриниса запнулась. А все-таки, пожалуй, дальше читать не следует. Она принялась растягивать слова на каждом слоге. Икбал-сатанг, сетуя на отсутствие очков, всматривалась в письмо, но разобрать ничего не могла...

—Утро... Так... утро... Читайте же дальше. Пропустите одно слово, раз неясно! Что же вы так волнуетесь? Не иначе там какая-то тайна! А вы не хотите сказать! Ну читайте же, пораруйте старуху. Ну, значит, утро... а что потом?...

—«...То утро, когда мы вместе встретили зарю, все проходит перед глазами. Салтанатхон! Милая моя, мой болиш...»

—Мой болиш, говорите? Как она покорила его сердце! Бедный Батыр! — воскликнула жалобно Икбал-сатанг.

—Погодите же, мешаете читать, апа,— с легким раздражением сказала Мехриниса.

—Любопытно больно, миленькая! Ну, ну, читайте дальше...

—«Я, наверное, допустил одну бестактность. В ночь, когда ты провожала меня, помнится, твоя голова упала мне на грудь...»

Мехриниса стала читать все тише и тише, ощущая какую-то тревогу. Икбал-сатанг вся превратилась в слух и уже не прерывала ее.

—«...Немного погодя ты подняла голову и так хорошо улыбнулась, что я до сих пор помню твое лицо в этот миг.

Улыбаясь, ты снова положила голову мне на грудь, крепко обняла, я и не знал, что ты такая сильная. Правда! Я успокоился и попрощался с тобой... Эх, война... Стать бы мне сказочным богатырем — полетел бы я сквозь ночную тьму, нашел бы и задушил проклятого Гитлера, стер фашизм с лица земли, а затем помчался бы прямо к тебе, обнял бы тебя, как в ту ночь... Не смейся, в эту минуту во мне кипит такой гнев, такая

сила... Дорогая моя, родная! Пиши, обо всем пиши... Если я правильно угадал, обрадуй и меня...»

Ни Мехриниса, ни Икбал-сатанг не заметили, что по противоположной стороне улицы к ним бежала Салтанат. Увидев, как Мехриниса и Икбал-сатанг уткнулись в письмо, она остановилась точно вкопанная. Икбал-сатанг что-то объясняла Мехринисе, размахивая рукой.

Салтанат закрыла лицо ладонями и горько заплакала, потом обхватила руками телеграфный столб, постояла, прижавшись к нему, минуту, и не разбирая дороги побежала назад.

Мехриниса словно почуяла сердцем что-то и, не в силах подавить волнение, схватила Икбал-сатанг за руку.

—Апа! — воскликнула она и не смогла выговорить больше ни слова.

Икбал-сатанг, делая вид, что ничего не замечает, удивилась:

—Что такое, милая, что с вами? Почему вы так побледнели? Нечего опасаться. Соскучился, вот и пишет, что взбредет ему в голову... Ну, допустим даже, что она беременна. Пока это один аллах знает... Что еще он пишет?

На углу улицы появился Махкам-ака.

—Пусть будет жив-здоров Батыр, передайте и от меня привет,— поспешно пробормотала Икбал-сатанг и отошла от Мехринисы, потеряв надежду услышать конец письма. Поравнявшись с Махкамом-ака, она поклонилась ему и с независимым видом двинулась дальше.

—Хорошо, что поговорил с Арифом-ата, многое узнал,— сказал Махкам-ака, приближаясь к жене.

Мехриниса стояла молча, растерянная и подавленная.

—Что, поссорились, что ли? — удивленно спросил Махкам-ака и обернулся вслед Икбал-сатанг.

—Нет, нет. Просто разговаривали.

—А что у тебя в руке? Не письмо ли?

—Письмо.

—От кого?

—От Батыра...— Мехриниса не поднимала глаз.

—Ах, вот оно что! То-то, я вижу, изменилось ты в лице. Ну, что там, жив-здоров ли он? — Махкам-ака протянул руку за письмом.

—Это не вам. Другому,— уклонилась Мехриниса.

—Кто этот другой? А ну, дай-ка сюда!

—Оставьте. Зачем вам вмешиваться в женские дела? — сказала Мехриниса, пряча письмо в карман.

—Женские дела? Какое они имеют отношение к письму? — Махкам-ака начал сердиться.

—Все-таки до чего же вы любите поговорить! Еще смеетесь над женщинами. Сами, как с кем встретитесь, пропадете на два часа! А я вас жду здесь, жду.— Мехриниса попыталась перевести разговор на другую тему, но Махкам-ака, грозно нахмурив брови, подошел к ней вплотную.

—Не хитри, жена. Что случилось? Покажи письмо.

—Письмо это другому. Девушка-почтальон перепутала. Как только обнаружит ошибку, принесет то, что написано нам. А у Батыра все благополучно. Доехал. Проходит подготовку.

Махкам-ака посмотрел на жену и вроде поверил ей. Правда, удрученный вид Мехринисы настораживал, вызывал какие-то сомнения, но Махкам-ака решил больше ни о чем ее не расспрашивать. «Если что-нибудь серьезное, все равно долго скрывать не сумеет. А может быть, и в самом деле что-то женское...» — думал он.

Супруги молча зашагали к вокзалу вдоль трамвайных путей.

Глава восьмая

Прямая улица упиралась в площадь, над которой высилось здание вокзала. В Ташкенте не было второго такого людного места: как в зеркале, там отражалась жизнь всего города.

Вокзал с первого дня войны изменился: казалось, он тоже надел шинель, туго подпоясался ремнем и, гулко ступая тяжелыми сапогами, заступил на пост.

Вокзал стал теперь в основном местом проводов. Сурово и мужественно смотрит он всеми своими окнами на эшелоны, уходящие далеко на запад, на фронт.

«Побеждайте, пусть враг не осилит вас!» — напутствуют солдат надписи на красных полотнищах. И прощальные гудки паровозов зычно и протяжно рвут в ответ: «Победим! Победим!»

Сегодня, однако, необычный день. День встречи. Ждут эшелон с детьми из прифронтной полосы.

...Когда Махкам-ака и Мехриниса сошли с трамвая, вокзальная площадь была уже забита народом. Сюда собрались и белобородые

старики, и старухи в белых кисейных платках, и женщины, пришедшие прямо с работы. Молодежи в городе заметно поубавилось, особенно парней. Но все девушки в этот день, казалось, собрались на площади. Многие из них, повязав красные повязки, хлопотливо бегают, успокаивают взволнованных женщин.

—Сиротки бедные, сиротинушки, что же они не едут? — плачет какая-то старушка.

Девушка с повязкой задерживается возле нее.

—Не нужно плакать, бабушка,— говорит она старушке.— Встретим детей ласково и спокойно. Возьмите себя в руки, бабушенька.

Толпа стоит притихшая, напряженная. Люди говорят друг с другом шепотом, словно боятся нарушить чей-то покой. Только издали доносятся звуки солдатской гармошки, и мелодия песни «Священная война» наплывает торжественно и сурово, как набат.

—Приехали! — вдруг обрадованно воскликнул кто-то.

Люди увидели машину, которая, обогнув толпу, остановилась у главного входа в вокзал.

Из машины вышли высокий мужчина в черном пальто, в чустской тюбетейке и худощавый молодой человек.

—Ахунбабаев. Это Ахунбабаев! — узнали в толпе Ата.

—Значит, поезд скоро придет,— подумала вслух какая-то женщина.

Не отрывая взгляда от Ахунбабаева, заговорившего о чем-то с водителями санитарных машин, Мехриниса взволнованно обратилась к мужу:

—А что, если прямо к нему?

—Нет, нет, человек он государственный, занятой...

Махкам-ака все же задумался: может, и правда подойти к Ахунбабаеву? Но как пробиться через толпу и сказать: «Мне бы одного мальчика или девочку...» Он повернулся к жене, тронул ее за локоть:

—Хорошо бы с ним, конечно, поговорить, да как-то неловко мне... Может, ты сама, Мехри? А?

—Вай-ай, что я скажу? Как осмелюсь? Нет, нет! — запротестовала та.

—Одно дело — когда мужчина говорит, совсем другое — когда об этом же скажет женщина. Ведь тебе ухаживать за ребенком!

—А я буду рядом с вами... Сам увидит, что вы не один,— упрямо

твердила Мехриниса.

Махкам-ака умолк. В это время на площади появилась колонна школьников с барабанщиком впереди и направилась прямо на перрон. Люди расступались перед колонной. Кузнец смотрел на детей, но мысли его были заняты другим: сколько он размышлял, сколько они переговори́ли с женой, а тут на тебе — растерялся, почувствовал: не только действовать, но и говорить трудно... В нос ударил едкий дым махорки. Махкам-ака обернулся к кутившему.

—Вы тоже ждете этот поезд? — первым спросил тот.

Мехриниса бросила на говорившего быстрый взгляд. Этот русский говорил по-узбекски почти как узбек. Из-под кепки выбились седые волосы, усы, видимо, потемнели от курения.

«Рабочий»,— заключила Мехриниса, рассматривая потертую спецовку соседа.

—Да, да, жду поезда с детьми,— ответил Махкам-ака.— Кажется, здесь все ждут его.

—Вы встречаете кого-нибудь из близких? — поинтересовался незнакомец.

Махкам-ака засмеялся:

—Мы-то...— И посмотрел на жену, как бы спрашивая взглядом, можно ли сказать этому человеку правду.— Пришли вот в надежде взять... Приутим, приласкаем, как родного...— поймав одобрительный взгляд жены, сбивчиво объяснял Махкам-ака.

—А-а, усыновить хотите?

—Позволили бы... Приутим, как родного,— смущаясь, повторил Махкам-ака.

—Вот и я тоже. Вчера увидел детей из прифронтовой полосы — и сердце защемило. Рассказал своей старухе. Она в слезы. «Узнай-ка,— говорит,— отдадут, нет ли, если попросим одного на воспитание».— «Подумаем»,— говорю. А ей уже невтерпеж. «Думать нечего. Бери! Приедет внучка, будут расти вместе».

«Вон оно как! Выходит, не мы одни». Махкам-ака почувствовал симпатию к этому рыжеусому человеку.

А тот не спеша продолжал:

—Есть у узбеков поговорка: кто приходит на поминки, плачет о собственном горе. Так и я. Зять мой — офицер, служил на границе. И семья там: внучка, дочь. С начала войны от них ни письма, ни весточки. Привезут раненых — скорее бегу на вокзал. Теперь вот

эвакуированные дети. Я опять здесь. Вдруг, думаю, из вагона выйдет дочь, выведет за руку внучку. Не знаю, куда писать, где справляться. Старуха выплакала все глаза, а со вчерашнего дня затвердила одно: «Возьмем сироту».

Мужчина тяжело вздохнул и принялся расспрашивать Махкама-ака, где он работает, есть ли у него дети, а под конец, назвавшись Иваном Тимофеевичем, добавил:

— Меня узбеки, дружки по работе, зовут Вахаб-ака...

Через несколько минут Махкам-ака и Мехриниса знали уже многое об Иване Тимофеевиче. Родился он в российской деревне. Молодым парнем был призван в армию. Потом гражданская война, ранение. В госпитале полюбил санитарку. Женился, переехал в Ташкент. С тех пор работает на вагоноремонтном заводе. Многих — и узбеков и русских — обучил своему делу, да и сам кое-чему научился.

Внезапно открылись двустворчатые ворота, и толпа ринулась на перрон. Иван Тимофеевич заторопил супругов:

— Поезд подходит. Пошли!

Махкам-ака с Мехринисой старались не потерять в толпе нового знакомого. Вдали показался паровоз. Он пыхтя, медленно подтащил состав и остановился. Людская волна хлынула к вагонам — и тут все разом тяжело вздохнули.

Вагоны... Подумать только, в таком длинном-предлинном составе ни одного уцелевшего! Все растерзанные, измятые, обгоревшие, дыры забиты досками, картоном, завешены одеялами, шинелями. В окнах — съезжившиеся, испуганные, чумазные дети в лохмотьях. У многих перевязаны руки, ноги, головы... Иные с трудом держатся на ногах...

После мгновенного оцепенения перрон огласился плачем. Но люди быстро справились с собой. Они вдруг приветливо замахали руками, даже пытались улыбаться и что-то без конца говорили, говорили, ласковое и невнятное, чтобы скрыть волнение.

Иван Тимофеевич, высоко подняв свою кепку, подходил то к одному, то к другому вагону, вглядывался в окна.

Махкам-ака утешал плакавшую жену:

— Ну что ты, у них своего горя хоть отбавляй, а ты слезы льешь... Посмотри на них, улыбнись! — А сам украдкой вытирал глаза.

Санитары начали выносить из вагонов на носилках раненых и больных. Какая-то женщина бросилась навстречу медсестре с черноволосой девочкой лет четырех на руках и стала исступленно

целовать ребенка, пыталась отобрать у медсестры, но та неумолимо шагала к санитарной машине. Девочка безразлично молчала...

Наконец детей вывели, построили парами. Ташкентские школьники окружили колонну, и уже через минуту то здесь, то там слышался оживленный детский говор. Ахунбабаев тоже подошел: мальчику в длинной, свисавшей до земли телогрейке он шутя сдвинул на затылок шапку, другому слегка прищемил пальцами нос, третьего дружески похлопал по плечу. Дети смотрели выжидающе, но с любопытством. Ахунбабаев взял на руки белокурую девочку, погладил ее по щечке:

—Как доехали, доченька? Тебя как зовут?

—Света...

—О, какое у тебя красивое имя! Ну, сейчас мы поедem, отдохнешь. А потом поговорим, ладно?

Теперь уже не только Света, все хотели участвовать в разговоре с этим приветливым человеком. Трудно было сразу унять начавшийся гомон. Женщина-лейтенант успокаивала детей. Наконец стало тихо, и женщина обратилась к людям, толпившимся на перроне:

—Жители Ташкента! Я не стану рассказывать вам о муках, какие перенесли эти дети. Семнадцать мучительных дней мы были в пути. В прифронтовой полосе эшелон бомбили. Красный крест на вагонах не остановил фашистов... Вашу доброту и любовь дети никогда не забудут... Всем вам большое спасибо!

Женщина обернулась к Ахунбабаеву, хотела что-то и ему сказать, но не смогла: плечи ее затряслись от судорожных рыданий.

Ребятишек повели к арбам и машинам, люди стали расходиться. Махкам-ака и Мехриниса молча стояли в стороне. Вдруг кто-то подошел и крепко взял Махкама-ака за руку.

—А ты что, дорогой, не уходишь?

Кузнец обернулся и увидел Ахунбабаева. Он оторопел, растерялся.

—Ассалому аллейкум,— только и смог сказать он.

Ахунбабаев кивнул и протянул руку Мехринисе.

—Народ наш щедр. В трудный момент поделится последней изюминкой. Не оставим этих детей сиротами, верно? — И Ахунбабаев, отпустив руку Мехринисы, повернулся к Махкаму-ака.

—Правильно, Аксакал.— Махкам-ака наконец-то обрел дар речи.

Мехриниса покраснела от смущения. Ей хотелось сказать Ахунбабаеву, что и она так думает, но от волнения женщина не смогла

вымолвить ни слова.

Ахунбабаев понимающе посмотрел, улыбнулся, дружелюбно попрощался.

—Что делать будем, куда пойдем? — спросила Мехриниса после его ухода.

—А?

— Почему вы молчали? — робко взглянула Мехриниса на мужа. — С самим Аксакалом увидеться — и не сказать ни слова!

—Ну, растерялся, разве тут сообразишь сразу...

Людей на перроне становилось все меньше. Вдруг показался Иван Тимофеевич. Махкам-ака быстро пошел ему наперерез. Мехриниса еле поспевала следом.

—Ах, вы еще здесь! — Иван Тимофеевич обрадовался, увидев кузнеца.

—Ну, как, узнали что-нибудь?

—Нет, — уныло ответил Иван Тимофеевич.

—А куда отвезли детей?

—А, разве вы не слышали? — удивился Иван Тимофеевич.

—Нет.

—По радио объявили. Вы, видать, прослушали. Детей развезли по детдомам. Кто хочет усыновить, пусть обращается прямо туда.

—Хорошо, что встретил вас! Спасибо! А мы-то с женой совсем растерялись и не знаем, у кого спросить. Ну, пойдем, пойдем, — заторопил Махкам-ака жену.

Трамвай остановился на Бешагаче: дальше он не шел. Мехриниса и Махкам-ака теперь должны были пересесть в другой трамвай, но его долго не было. Махкам-ака поевживался от порывистого ветра, Мехриниса по-прежнему пребывала в каком-то оцепенении и, завернувшись в шаль, казалось, не чувствовала холода.

Когда они вернулись домой, Мехриниса, не проронив ни слова, взяла с хантахты письмо и молча передала мужу. Взглянув на конверт, Махкам-ака обрадовался, мучившие его тревожные видения мгновенно исчезли.

—Когда пришло? — спросил он, торопливо вынимая письмо из конверта.

—Прихожу домой, смотрю: лежит под калиткой. Видимо, девушка бросила в щель.

Махкам-ака начал читать письмо Батыра. Чем дальше он читал, тем

сильней волновался, тем чаще билось его сердце.

«...Уважаемый дядя,— писал Батыр в конце письма,— вы не дали мне почувствовать горечи сиротства, стали мне отцом, тетя согрела мою душу, назвала сыном. Там, дома, я не очень понимал, как это важно для меня. А вот здесь, вдали от вас, стал это чувствовать. Будьте же вы живы-здоровы, обнимаю вас, до свидания, дорогие...»

—Прочла? — спросил Махкам-ака, взглянув на жену просиявшими глазами.

—Да,— грустно ответила Мехриниса.

—Да будет ниспослано ему счастье в жизни...

—Прочитайте и вот это,— сказала жена и достала из-под курпачи второе письмо.

Махкам-ака с удивлением взял письмо, начал читать.

—Ого... Ого... Мехри, смотри, как интересно получилось!

—Читайте, читайте...

—Вот тебе и раз, вот, оказывается, в кого он влюблен! Где только парень нашел такие слова? — качал головой Махкам-ака.

—Что же нам делать теперь? — спросила, опять сильно нервничая, Мехриниса.

—С письмом... Может, придет сама? — нерешительно сказал Махкам-ака.

—Если прочтала, то постесняется, не придет. Если не прочтала, может прийти.

—Сложи письмо хорошенько. Пусть бедняжка будет спокойна. Скажи, что увидела адрес и не стала читать. Ни в коем случае виду не подавай... И сама держи язык за зубами, не разболтай, чтобы о девушке не пошла дурная слава.

—Из ума, что ли, я выжила, чтобы рассказывать такое кому-нибудь!

И тут Мехриниса вспомнила про Икбал-сатанг, у нее даже екнуло сердце. «Не может быть, ведь Икбал — пожилая женщина...» — успокаивала себя Мехриниса. Она быстро встала и начала готовить обед.

Махкам-ака поднялся на айван.

—Уже поздно, надо бы немного поработать,— сказал он жене, снимая халат.

Когда в жизни Махкама-ака случалось что-нибудь неприятное, когда он испытывал душевную боль, обиду, когда становилось ему неважно, он всегда шел в свою кузницу. И бывало, как только

запылают угольки, как только молот коснется наковальни, он сразу чувствовал облегчение. И сейчас Махкам-ака торопил жену не потому, что работа задерживалась. От всего того, что он увидел, услышал и пережил с утра, у него трещала голова, ныло сердце, и ему хотелось быстрее начать работать, чтобы хоть немного отвести душу.

Глава девятая

Несколько дней подряд Абдухафиз и Ариф-ата ходили по дворам, подыскивая жилье для эвакуированных, но жилье пока не потребовалось: те два эшелона, что прибыли в Ташкент, были размещены по другим махаллям.

Однако было ясно: дойдет очередь и до махалли Абдухафиза. А пока у махаллинской комиссии было много хозяйственных забот: хлеб, крупа, сахар теперь ведь отпускаются только по карточкам. Секретарь комиссии Карамат занята по горло, не успеваем даже справки выписывать, до ночи сидит в конторе. Абдухафизу было жаль Карамат. Молодой женщине сейчас особенно трудно: она ждет ребенка. Но Абдухафизу одному не осилить всей работы. Многие из активистов ушли на фронт, и по-настоящему помогает ему лишь Ариф-ата. А в чайхане в это время посетители сами заваривают чай из бурно кипящего самовара, сами моют за собой чайники и пиалы... Вот уже и зима пришла. Для семей, где не было мужчин, пришлось организовать хашары³⁴ кое-где успели замазать трещины в домах, залатать крышу, но до многого руки так и не дошли. Не хватало топлива. А вчера в исполкоме Абдухафиз узнал, что нужно провести сбор теплой одежды для фронтовиков: ватников, ушанок, перчаток, шерстяных носков, шуб. Люди в махалле разные — одни сразу понимают создавшееся положение, другим надо все растолковывать, а третьи сами тут же начинают тебя поучать. С недавних пор хорошей помощницей Абдухафизу стала Икбал-сатанг. Она оказалась отличным агитатором. Пожилая Икбал стояла трех молодых. Она хлопотала, не зная сна и покоя. Абдухафиз диву давался, глядя на эту неугомонную женщину. Он и раньше знал, что Икбал-сатанг — дастараханчи в махалле, что она

---

³⁴ Хашар — помощь, добровольная помощь в сельскохозяйственных или других работах у одного из односельчан.

всегда возглавляла пиршества, знал и ее слабости: Икбал- сатанг любила посплетничать,— но даже и не подозревал Абдухафиз, какой незаурядной энергией, какими организаторскими способностями обладает Икбал. Вчера, вернувшись из исполкома, Абдухафиз позвал ее к себе.

—Ну, старушка,— осторожно начал председатель,— вы опытный, бывалый человек, аксакал нашей махалли.

—Погоди, погоди,— нетерпеливо перебила Икбал-сатанг,— несколько раз уже ты обращался ко мне с этими словами. Я промолчала. На людях конфузить тебя не хотела. Во-первых, я еще не такая дряхлая старуха, как ты думаешь, во-вторых, быть аксакалом к лицу только самому Арифбаю.

—Ведь и вы...

—Нет, нет, я безбородая! — воскликнула она и, хлопнув себя с молодым задором по коленям, наполнила всю комнату звонким хохотом. Смеялась она с наслаждением, до слез.

Абдухафиз сначала опешил, а потом засмеялся и сам.

—Вот и ты повеселился... Ладно, от смеха прибывают силы. Смех омолаживает человека... Зови-ка ты меня просто Икбал-апа, миленький. Я человек с молодой душой,— снова расхохоталась Икбал-сатанг,— душа-то никогда не стареет. Скажешь «апа», я буду бегом бегать. Учись, братишка, ободрять, воодушевлять женщин. Женщина, чем моложе она тебе покажется, тем больше воспрянет духом.

Абдухафизу очень нравился веселый, открытый нрав Икбал-сатанг. И сейчас за несколько минут она его отвлекла от забот, усталость как рукой сняло, вроде развеялись и тревожные предчувствия. Абдухафиз заговорил о том, что следует делать, и Икбал-сатанг, сразу же все сообразив, прервала его:

—Поняла, миленький, поняла.

—У людей горе... Надо очень осторожно, с подходом беседовать. Чтобы, желая подвести брови, не выколоть глаз.— Абдухафиз сам улыбнулся своей шутке.

—Эй, и за кого ты принимаешь меня! — горячилась Икбал-сатанг.— Ведь я всю жизнь среди людей. Объясню так, что таять будут, миленький, вот увидишь, сами будут одежду носить мешками, попомнишь мои слова. А потом, братец, люди и сами очень хорошо все понимают. Чтобы разбить фашистов, не пожалеют ничего: народ готов отдать последний кусок, снять с себя последнее. Ну, конечно, найдутся

один-два человека скупых, подлых, не без этого! Таких уж предоставь мне! Раскопаю я и то, что очень далеко у них упрятано.

Так и случилось. Абдухафиз после работы зашел прямо в контору и увидел там четыре мешка теплой одежды. Он обрадовался и вывалил прямо на пол содержимое одного мешка. Тут было все: шуба из лисьих лапок, куртка из овчины, чакмаки-телпаки³⁵ и даже валенки. От большинства вещей шел резкий запах нафталина. Абдухафиз открыл окно и начал складывать добро обратно в мешок. В это время в контору вбежала взволнованная Карамат. Она была бледная, тяжело дышала. Абдухафиз догадался, что стряслось что-то, и поспешно подвинул Карамат стул.

— Садись, садись... Что случилось?..

— Вы знали девушку-почтальона? Дочь Кандалат-хола? — с трудом произнесла Карамат.

— Да, да, что случилось?

— Говорят, со вчерашнего дня ее нигде нет. Пропала. Мать лежит без сознания.

— Врача вызвали? — Тревожное предчувствие беды охватило Абдухафиза.

— Позвонили в «Скорую помощь». Наверное, приедут... Что же делать, Абдухафиз-ака? — Карамат заговорила спокойнее.

— Надо сообщить в милицию, — сказал Абдухафиз и умолк, задумавшись. — Ты говоришь, вчера?

— Да, как ушла рано утром на работу, так и не вернулась домой.

— И на почте не была?

— Утром заходила, взяла газеты и журналы. Видно, возвращалась, но не знают, в котором часу. Говорят, сумка там. Пустая. — Карамат с мольбой смотрела на Абдухафиза, словно только он мог найти Салтанат.

— Ты ее хорошо знала, Карамат? — спросил Абдухафиз.

— Да. Она училась вместе с младшей сестрой мужа. Часто приходила к нам. Неделю назад принесла письмо от мужа. Умная, серьезная девушка.

— Найдется. — Абдухафиз старался утешить Карамат. — Наверное, гостит у кого-нибудь из родственников или знакомых. Не сей пока

---

³⁵ Чакмаки-телпак — шапка с бархатным верхом и широкой оторочкой из дорогого меха.

панику.

Абдухафиз протянул было руку за валявшимися на полу вещами, но Карамат сама начала собирать их. Абдухафиз взял костыли и со словами «я скоро вернусь» вышел, но у самых дверей наткнулся на Икбал-сатанг с ватником под мышкой. Сзади мальчик тащил огромный узел.

— Хорманг³⁶, старушка! — подмигнул Абдухафиз женщине.

— Доброго и вам здоровья, старик, — с иронией ответила задетая Икбал-сатанг. «Нашла я, перед кем метать бисер», — обиженно подумала она.

Абдухафиз угадал ее мысли:

— Апа, мы бы пропали без вас. Смотрите, как много вы успели собрать.

— Говорила же я, — ответила Икбал-сатанг, чуть повеселев. — На, бери вот это и занеси в контору. — Она отдала ватник мальчику. — Вот молодец, я угощу тебя куртом³⁷.

— Апа, это самое, Салтанат... — начал Абдухафиз.

— Да, да, слышала, — заторопилась вдруг Икбал-сатанг. — Плохо, когда дети, будь они неладны, заставляют страдать. Если не найдется, Кандалат убьет это горе.

— Что же могло произойти?

— Кто ее знает! Молодежь, отбившись от рук, на все способна.

— Как это — отбившись от рук?

— Мужчин дома нет, а что может сделать мать, которая ни на шаг не выходит за порог...

— Разве мало семей без мужчин? Выходит, чуть не вся молодежь должна отбиваться от рук? — возразил Абдухафиз.

— Да уж это я просто к слову, братец.

— Нет, мы с вами не должны относиться к молодежи безразлично. Мы за нее в ответе. Что будет, если отец или брат Салтанат, которые сражаются на фронте, узнают?

Икбал-сатанг хотела было слово в слово передать Абдухафизу известное ей письмо Батыра, но фраза «мы за них в ответе» заставила ее промолчать. Она сделала вид, что ничего не знает, хотя ей далось это нелегко: слова так и просились с языка. Она сама изумилась тому, что

---

³⁶ Хорманг — не уставать вам.

³⁷ Курт — кислое молоко, сушенное в виде шариков.

смогла сдержаться. Когда Абдухафиз перевел разговор на другую тему, Икбал-сатанг вздохнула с облегчением.

—Ну, ладно, что-нибудь сделаем. Рассказывайте, как у вас дела,— попросил Абдухафиз, взглянув на часы.

—Носит же земля таких людей, как Таджихон! — сразу приходя в ярость, вскричала Икбал-сатанг.— Как она на меня набросилась! Я-то еще ладно, но мы ходили вместе с Арифом-ата. Так она даже мужчины не постыдилась. Аксакал не выдержал — убежал...

—Надеюсь, вы-то вели себя сдержанно?

—Пришлось! Но если б это была не общественная работа, я ее за ворот схватила бы!

—Эй, эй, апа! — Абдухафиз предостерегающе поднял палец.

—Не бойся! Из ума, что ли, я выжила, голубчик! Знаю!

—Ни в коем случае никого не заставляйте насильно! Надо объяснять! Все объяснять! Вы же мастер на такие дела.

Икбал-сатанг сомлела от похвалы, раскраснелась даже.

—Видел ты, сколько я собрала?

—Видел, апа.— Абдухафиз изо всех сил старался угодить Икбал, через каждое слово повторял «апа».— Вы уж навестите Кандалат-биби, апа. Я тоже зайду вечером.

На следующий день Махкам-ака наспех позавтракал и торопливо начал одеваться. Мехриниса тоже накинула на себя теплую шаль.

—Скоро придет Исмаилджан, поэтому тебе лучше остаться дома. Ты пока отшлифуй вчерашние кольца. И отдай ему все, что есть. А я пойду...— Махкам-ака топтался на месте, нерешительно поглядывая на жену.

—Ладно, идите, Пока не поздно,— сказала Мехриниса, снимая шаль.

Кузнец вышел на улицу. Было холодно. Лучи солнца, освещая чистое небо, играли на верхушках деревьев, в окнах многоэтажных зданий. Грязь на немощеных тротуарах застыла плотными буграми, застоявшаяся в колеях вода подернулась тонкой пленкой льда, и под ногами, издавая сухой треск, звенели, разбивались льдинки.

Махкам-ака пожалел, что не оделся теплее. Колючий ветер щипал уши. Он потер их ладонями. Уши мерзли по-прежнему. В конце концов Махкам-ака снял один из поясных платков, обмотал его вокруг головы, закрыл уши. Сразу стало теплее. Так он добрался до Тахтапуля, расположенного в другом конце города. Расспрашивая прохожих, нашел нужный детдом, подошел к нему и остановился у закрытых

ворот, охваченный необычайным волнением. Размышляя о том, с чего начать разговор, Махкам-ака не двигался, медленно разматывая с головы поясной платок. Внезапно открылась половинка ворот и появился старик, укутанный в чекмень³⁸. Махкам-ака поздоровался. Старик равнодушно ответил на приветствие и ни с того ни с сего начал ворчать:

—Правильно, оказывается, говорят: поручи ребенку работу, а сам беги следом. Уехали чуть свет...

Махкам-ака, не понимая, о чем речь, достал тыкванку и бросил под язык щепотку наса. Старик беспокойно посмотрел по сторонам и заговорил снова:

—Предупреждал я завхоза: не надейся, мол, на них, иди сам...

—Куда это, отец? — опять не понял Махкам-ака.

—Лишь бы привезли. Хорошо, если не прикатят пустую арбу...— Старик не обращал внимания на Махкам-ака.

—Зачем они поехали? — спросил кузнец, но и этот вопрос остался без ответа.

—Сейчас поднимут шум, прожужжат мне все уши эти озорники, разве справишься с ними! — Старик возмущался все сильнее.

Махкам-ака никак не мог уразуметь, чем озабочен старик. Он хотел войти во двор, но не осмеливался сделать это без разрешения.

—Можно пройти? — Махкам-ака все же протянул руку к калитке.

Старик обернулся, пристально поглядел на него и сказал:

—А тут, как нарочно, морозы усиливаются, и зима, кажется, началась раньше обычного.

Махкам-ака не успел ничего ответить, потому что из ворот появился чем-то возбужденный мальчик и подбежал к старику. Старик наклонился, приблизил к нему ухо.

—Там в печке зажгли бумагу, дым стоит столбом! — прокричал мальчик и кинулся обратно во двор.

—Что я говорил! — сказал старик Махкаму с отчаянием и вошел в ворота, размахивая полами широкого чекменя.

Махкам-ака двинулся за ним, догадавшись, что старик туг на ухо.

В глубине двора стоял дом. В окнах Махкам-ака увидел детей, услышал их многоголосый гомон. Старик быстро вошел внутрь, распахнул окно в одной из комнат — и тотчас во двор повалил дым.

---

³⁸ Чекмень — халат без подкладки.

Кузнец оглянулся вокруг, заметив справа дверь с надписью: «Директор», открыл ее, вошел. Никого. И в большой комнате и в маленькой — с настежь открытой дверью, где вплотную друг к другу стояли столы,— тоже пусто.

Махкам-ака повернул обратно, вышел на порог и увидел, что старик с Криком торопится ему навстречу:

—Эй, кто вы такой? Как смели зайти без разрешения? Ну-ка, вернитесь назад! — Старик с грозным видом схватил Махкама-ака за руку и стал тянуть его на улицу.

Как ни старался Махкам-ака что-то объяснить, старик ничего не слышал. И дети, выбежавшие во двор, окружили его и тоже принялись дружно выгонять.

—Зачем вы пришли?! Почему открыли дверь кабинета? Может, вы шпион? Надо проверить его! — раздавалось со всех сторон.

Попав в смешное положение, Махкам-ака волей-неволей вынужден был ретироваться. Старик прикрикнул на детей, отправил их обратно в дом, а сам пошел следом за кузнецом. Тогда Махкам-ака остановился и, наклонившись к уху старика, терпеливо объяснил ему цель своего прихода.

—Э, так бы и сказал,— немного успокоился старик.— Все воспитательницы уехали на вокзал. Говорят, еще привезут детей. Тех, кто приехал раньше, разместили в детдоме на Самарканд-Дарбазе. Идите туда.

Махкам-ака огорчился. Опять неудача! Позабыв попрощаться со стариком, он снова двинулся в путь. Идя к трамвайной линии, кузнец восстанавливал в памяти все, что с ним только что приключилось. «Дети-то, надо же, чуть было не приняли меня за вора... нет, за шпиона. Еще немного — и они поколотили бы меня. А старик волнуется, видно, не зря. Нет топлива. Дети дрожат от холода. К тому же, говорит, еще привезут детей. Куда? Сюда, что ли? Выходит, и сегодня прибудет эшелон. А если так каждый день? Где же их будут размещать?» Махкаму-ака казалось, что весь город уже наводнен сиротами.

Когда он добрался до Самарканд-Дарбазы, было уже около полудня. Лишь после долгих расспросов ему удалось наконец найти детдом, о котором говорил глухой старик.

Посредине просторного двора стояло огромное здание. Махкам-ака

поспешно пересек двор, открыл дверь и вошел в дом. Длинный коридор привел в зал, наполненный людьми. В глубине зала, у стола, покрытого красным кумачом, произносила взволнованную речь высокая стройная женщина в расстегнутом ватнике, надетом поверх платья, в шерстяном платке, накинута на плечи.

—...Народ у нас великодушный, добрый. Приходят, звонят по телефону. Все говорят: «Возьмем под свое крыло, заменим им отцов, матерей». Вот и вы...

Махкам-ака постеснялся пробиться ближе к столу, тем более что женщину было слышно и отсюда. Он оглядел зал. На длинных скамейках, поставленных впритык друг к другу, тесными рядами сидели дети. Они были болезненно бледны, большинство одеты в лохмотья, некоторые — в одежду взрослых, жалко висевшую на них. Руки, ноги и даже головы многих ребятишек перевязаны. Лица тревожны, сумрачны. Вот девочка постарше безутешно плачет, отталкивает воспитательницу, старающуюся успокоить ее. Лишь совсем маленькие, не сознавая случившегося, беспечно улыбаются. Плач, шумный говор время от времени прерывали речь женщины. Она на минуту замолкала, а потом начинала говорить еще громче:

—...Принимая под свой кров украинского ребенка, малыша-молдаванина, русскую девочку, мы раскрываем объятия не чужим, а братьям, дорогим нашим друзьям и братьям.

—Истинная правда, сестрица,— громко сказал старик из зала.

—Правильно, правильно! — поддержали старика со всех сторон.

Махкам-ака внимательно слушал и рассматривал присутствующих: люди самые разные — глубокие старики, молодые женщины, старушки. И вдруг он вспомнил про Исмаилджана. Возможно, Исмаилджан тоже здесь. Махкам-ака привстал на цыпочки, чтобы лучше видеть. Вот одна женщина опустила на корточки перед девочкой лет четырех. Женщина достала из кармана сушеный урюк, протянула ей. У девочки засветились глаза, но она не брала гостинец, настороженно глядела на женщину. Женщина вложила урюк в руку девочки, и только тогда малышка поднесла его ко рту. Старушка справа достала из кармана конфету и отдала мальчику с рукой на перевязи. Мальчик взял конфету и здоровой рукой обнял старушку за шею. Глядя на это, Махкам-ака пожалел, что пришел с пустыми руками. «Ребенок есть ребенок... А я не сообразил. Не догадалась и Мехри...»

Вдруг кто-то прикоснулся к плечу Махкама-ака, он обернулся и

увидел Ивана Тимофеевича. Махкам-ака поздоровался с ним за руку, как с давним знакомым. Он хотел расспросить его о житье-бытье, но Иван Тимофеевич, показав на сигарку, вставленную в мундштук, вышел из зала. Тем временем женщина в ватнике кончила свою речь, и тут же другая женщина, обнимая кудрявую светловолосую девочку, спросила :

—Кто записывает? С кем говорить? — Она охрипла, видимо от волнения, и покашляла в кулак.

—Пожалуйста, сюда. Документы будем оформлять здесь,— громко объявила женщина, произносившая речь.

Махкам-ака подумал: «Директор детского дома». Так оно и было.

В зале поднялся шум. Все ринулись к детям и, взяв за руку мальчика или девочку, старались побыстрее подойти к столу директора.

Махкам-ака прежде всего решил найти Ивана Тимофеевича. Тот либо еще курил, либо уже вернулся в зал и стоял где-то впереди.

Рядом с Махкамом-ака нарядная, пышная женщина спорила с мужем.

—Ребенок должен быть красивый, приятный,— горячо убеждала она его.

—Возьмем-ка вон того,— показал муж на худощавого мальчика лет шести.

—Да вы что?! Он ведь совсем рыжий! Да и хилый... Лучше уж взять девочку или вон того мальчика, миловидненький какой!

Женщина, не дожидаясь ответа мужа, пошла к «миловидненькому». Она протянула к нему руку, но оказавшийся поблизости веснушчатый, невзрачный мальчик рванулся к женщине, подумав, что она направлялась к нему. Мальчику стало не по себе, когда он понял, что рука женщины протянута к соседу. Он понурил голову, опустил глаза и отошел. А женщина, ничего не заметив, присела на корточки и принялась расспрашивать другого ребенка.

—Как тебя зовут?

—Сережа,— ответил мальчик.

—Ой, какой ты грязный! — Женщина белыми, с ярким маникюром пальцами сняла с головы мальчика пилотку, надвинутую до бровей, поправила ему волосы.— Ничего, ничего... Посмотрите,— обернулась она к мужу,— какие у него красивые глаза... Возьмем?

—Ладно,— безразлично согласился муж, разглядывая мальчика.

—Что вы так мямлите? Говорите как следует. А то свалите потом на

меня: сама, мол, выбрала!

—Сказал же: ладно! Что еще говорить? Ну, возьми! — рассердился мужчина.

Женщина быстро выпрямилась. Швырнула пилотку на пол и вдруг громко зарыдала.

—Хотя бы здесь не обижали меня! Разве я хотела этого?..— бормотала она сквозь слезы.

Чувствуя неловкость перед окружающими, муж взял ее за локоть, начал утешать, голова жены упала ему на грудь.

Махкам-ака наблюдал эту сцену, но не понял, что произошло. Сережа поднял с пола свою пилотку и испуганно, не отрываясь, смотрел на женщину. Воспитательница услышала плач и быстро подошла.

—В чем дело? Что случилось? — спросила она, обращаясь к мужчине.

—Нет, просто...— больше ничего и не смог выговорить муж.

Жена резко подняла голову, обернулась и, увидев воспитательницу, снова залилась слезами.

—Какое надо иметь сердце, чтобы не заплакать, глядя на них, ападжан! — сказала она, положив руку воспитательнице на плечо.— Прелестные дети...

—Что же подделаешь! Война! Вы хотите усыновить ребенка?

—Да, да, вот этого... Как же тебя зовут?

Мальчик стоял, опустив голову, молчал.

—Эй, я тебя спрашиваю,— резко сказала женщина.— Ведь только что ты называл себя...

Воспитательница присела на корточки, взяла мальчика за руку, и тут он заплакал.

—Не плачь, сыночек! Видишь, пришли за тобой, хотят взять тебя в сыновья. Поведут тебя домой. Хорошенько помоешься, оденешься... Верно, дядя? — Воспитательница обернулась к мужчине.

—Да, да,— сказал муж, с опаской взглянув сначала на мальчика, затем на жену.

—Скажи-ка, как тебя зовут, миленький мой,— мягко уговаривала воспитательница, поглаживая ребенка по голове.

—Сережа,— с трудом выдавил из себя мальчик, не в силах успокоиться и вытирая слезы скомканной пилоткой.

—Да, да, Сережа. Ведь он так назвал себя. Ну, как, пускай запишут, что ли? — оживилась женщина, обращаясь к мужу, точно и не рыдала

минуту назад.

—Сказал же — да! Зачем переспрашивать без конца. Берем! — Муж сердито сдвинул брови.

Махкам-ака наконец услышал что-то определенное от мужа, который до сих пор был очень нерешителен и вял. Но жена не сдавалась.

—Потише, что это вы так! — сказала она недовольно, тоже насупив брови, и добавила, протянув руку к мальчику: — Ну, пошли, Сережа.

Настроение у Махкам-ака испортилось. Женщина была неприятна ему. Хорошо, что воспитательница вмешалась, иначе он не выдержал бы, сказал крепкое слово этой паре. «О боже, она еще сетует на чью-то жестокость! А сама какая!» Размышляя, Махкам-ака заметил, что хромая старушка направилась к плачущему веснушчатому мальчику. Приблизившись, она достала из кармана леденцового петушка, но руку за конфетой протянула девочка, стоявшая рядом с мальчиком, и старушка заговорила с ней. Веснушчатый мальчик закрыл лицо руками и отвернулся к стене.

Махкам-ака подошел к мальчику, опустил на корточки и взял его за руку.

—Не плачь, сынок,— мягко сказал он и, развязав поясной платок, начал вытирать слезы мальчику.

—Я и не плачу,— пробормотал мальчик сквозь слезы.

—Вот молодец! Мужчина не должен плакать... Как тебя зовут?

—Витя.— Мальчик взглянул на Маххама-ака.

—Молодец, Витя, оказывается, ты хороший мальчик. Пойдешь к нам?

Витя молчал, не зная, что сказать.

—Пойдем, сынок. Если понравится, останешься, если не понравится, сам обратно приведу,— улыбался Махкам-ака.

Грустное лицо мальчика чуть повеселело, но на Маххама-ака он смотрел еще как-то недоверчиво и теребил конец поясного платка, который остался у него в руке.

Махкам-ака ждал.

—Хорошо, пойдем,— сказал Витя тихо.

Около стола директора Махкам-ака увидел Ивана Тимофеевича. На руках у него была болезненная девочка лет четырех с перевязанной головкой.

—Поздравляю, Вахаб-ака.

—Спасибо, спасибо... Вот нашел внучку свою.

—Правда? Вот это да! — обрадовался Махкам-ака.

Иван Тимофеевич помрачнел и подмигнул кузнецу незаметно для девочки.

—Превосходно, превосходно! — Махкам-ака ласково погладил девочку по голове.

—Смотрите, и имя подходит ей — Оля. Вас тоже поздравляю.— Иван Тимофеевич дружески кивнул мальчику.

—Спасибо. Скажи дяде, как тебя зовут, сынок.

—Витя,— гордо произнес мальчуган.

—Отличное имя! Ну, Витя, теперь приходи к нам с папой. Будете играть с Олечкой. Ладно?

—Скажи, сынок, спасибо, сами тоже, мол, приходите к нам,— шепнул Вите Махкам-ака, но Витя только улыбался в ответ.

Оформив документы, Махкам-ака, Иван Тимофеевич и дети вышли на улицу и на трамвайной остановке распрощались.

Мехриниса увлеклась работой и не заметила, как пролетело время. Внезапно из окна кузницы она увидела входящего в калитку мужа. За руку он держал мальчика. У Мехринисы гулко застучало сердце.

—Сына тебе привел, жена.— Махкам-ака подтолкнул Витю, как бы говоря: «Иди поздоровайся».

—Здравствуйте,— сказал Витя, подойдя к Мехринисе.

—Израсти, израсти.— Мехриниса вдруг с трудом произнесла знакомые русские слова, потом взяла руки мальчика в свои.— Ой, ой, как лед! Ну, проходите, сейчас... И сандал³⁹ горячий. Проголодались, наверно?

—После завтрака я ничего в рот не брал. И Витя тоже. Объездил я весь город. Много, жена, видел я детей, а желающих усыновить их — еще больше.

Витя переводил удивленный взгляд с Мехринисы на Махкама-ака, говоривших на непонятном ему языке.

Мехриниса почти не слышала мужа. Она, словно во сне, копошилась в прихожей, развязывая мальчику ботинки.

Грубый шнурок был весь в узлах. У Мехринисы не хватило терпения развязать его до конца. Она взяла ножницы и перерезала

---

³⁹ Сандал — низкий квадратный столик, который ставится над углублением с горячими углями и сверху накрывается одеялом, служит для согревания рук и ног.

шнурок в нескольких местах. Витя бережно подобрал обрывки, спросил Мехринису:

—А как же шнуровать теперь будем?

—Новым шнурком будешь шнуровать, сынок.— Мехриниса напряженно вспоминала русские глаголы.— Кажется, и ботинки тебе велики?

—Велики, да зато не рваные. Мои крепче, чем у всех.

—А у других рваные? — Мехриниса старалась быть как можно внимательнее к Вите.

«Бедняжечки, со всем-то свыклись»,— думала она, разглядывая большие, стоптанные башмаки.

—У Сережки совсем развалились в поезде. Подошва отстала. Я перевязал ему проволокой.— Витя наконец-то развеселился.

—Вот и молодец! Всегда надо помогать товарищу.

—Какой он мне товарищ! Он из малышкового отряда. А только все равно зря я старался,— снова погрузился Витя.

—Почему? — Мехриниса не сводила с мальчика глаз.

—А потому, что остался Сережа под бомбой,— спокойно сказал Витя.

—Неужели умер? — воскликнула Мехриниса, всплеснув руками.

—Сгорел весь вагон.

—Целый вагон, ты говоришь? — Мехриниса почувствовала, что задыхается.

—Бомба упала на Серезин вагон... А здесь никогда не падали бомбы? — тревожно спросил Витя.

—Наш город от фронта далеко. Сюда фашисты не прилетят, не бойся.— Мехриниса хоть и успокаивала мальчика, но продолжала думать о его рассказе, и на душе у нее было горько.

Махкам-ака сидел у сандала, прислонившись к подушке. И ему стало жутко от всего, что говорил Витя. «Как хорошо, что не увидит он больше этого. Несчастные дети, сколько они перенесли»,— думал Махкам-ака.

Мехриниса сняла с Вити носки, затвердевшие от грязи, размотала портянки, и мальчик вошел в комнату. Махкам-ака приподнял одеяло, которым был накрыт сандал, указал ему место рядом с собой. Витя уселся, но мучился, не зная, куда деть ноги. Махкам-ака засмеялся, показал ему на перекладину у столика.

—Протяни ноги, поставь их вот сюда, и все тело у тебя согреется.

Витя вытянул ноги и тут же испуганно отдернул их.

—Ой, обожгусь!

—Не обожжешься, сынок. Угли-то в яме. А ну-ка, иди сюда! — Махкам-ака посадил Витю себе на колени.

Тем временем Мехриниса поспешно готовила обед и грела воду на кухне. И тут вдруг появилась соседка Таджихон. «Вот некстати»,— подумала Мехриниса и вяло поздоровалась с соседкой.

—Не найдется ли полпиалушки маша? Не смогла выкроить время, чтобы сходить на базар,— сказала Таджихон, с любопытством заглядывая в дом.

—Найдется,— односложно ответила Мехриниса, взяла у нее пиалу и ушла в кухню.

—Эй, Мехриниса, а кто это сидит в комнате, не пачча ли? — Таджихон взяла пиалу с машем, но не уходила.

—Да вы проходите в дом,— не очень любезно пригласила Мехриниса.

—Нет уж, пойду. А кто там у него на коленях? — Таджихон так и распирало от любопытства.

—Мой новорожденный,— серьезно ответила Мехриниса.

—Когда же вы успели родить? — съязвила Таджихон.

—Сегодня.

—Вот оно что! Взяли из привезенных? Сиротка, значит? — догадалась Таджихон.

—Не успели еще расспросить. Как знать, может, и есть кто-нибудь из близких.

—Сирота он, миленькая, сирота. Разве родители отпустили бы свое дитя из-под крылышка? А сирота, Мехриниса, сколько его ни корми, сколько ни старайся, все равно не станет своим.

Мехриниса раздраженно слушала соседку, с трудом сдерживаясь, чтобы не оборвать ее. Таджихон подошла к айвану, приставила руку козырьком ко лбу, вглядываясь в комнату.

—Витя,— позвала Мехриниса,— пришла апаки⁴⁰ навестить тебя. Иди поздоровайся.

—Что вы, какая я апаки ему, русскому? — тут же возразила Таджихон.

Разморенный от жара сандала, успевший уже вздремнуть на

---

⁴⁰ Апаки — тетенька.

коленях у Махкама-ака, Витя открыл глаза и тупо уставился на женщину, стоящую во дворе, не понимая, чего от него хотят.

— Ну, что же ты не поздоровался? — напомнила ему Мехриниса, но про себя подумала: «И не стоишь ты того, Таджикихон, чтобы здоровались с тобой».

Витя продолжал, насупившись, молчать.

— Вот видите, миленькая, и на его языке вы говорите с ним, а он хоть бы что. Измучитесь, пока научите правилам приличия.

Махкаму-ака от речей Таджикихон стало невтерпеж.

— Ну, скоро у тебя там, жена, обед? — спросил он, давая понять соседке, что ей пора уходить.

— Сию минуту, отец.

— Что вы сказали? Отец? Без труда, без хлопот... — Таджикихон рассмеялась.

Тут уж Мехриниса вышла из себя. Бросила взгляд на мужа — хорошо, если он все же не услышит! — и, нахмутив брови, подскочила к Таджикихон.

— Не можете обойтись без гадостей! Звали вас сюда? И откуда только черт вас принес! — яростным шепотом выпалила она и быстро скрылась в кухне.

— Ой, что я вам сказала? Ничего особенного не сказала! Будь он неладен, мой язык. Скажет правду, а я в ответе. О аллах!.. — уходя, причитала Таджикихон.

Махкам-ака подложил Вите под голову подушку и вышел на айван.

— Заснул? — спросила Мехриниса из кухни.

— Пусть немножко отдохнет. Ну как, скоро у тебя? Что ты сегодня готовишь?

— Плов приготовила. Уже накрыла.

— Хорошо! Он, наверное, давно не ел ничего вкусного.

— Повезло ему. Ведь и мы давно плова не ели.

— Пусть же будет у него всегда хлеб насущный!.. Ушла эта?.. Ай, до чего неприятная! О аллах, я раньше и не знал, какая она. — В голосе Махкама-ака звучало откровенное презрение.

— Не обращайтесь внимания. Была бы у нее совесть, не стала бы и заходить: я ведь с ней давно поссорилась! Просто ее любопытство мучает!

Только умолкла разволновавшаяся Мехриниса, как хлопнула калитка и вошли одна за другой соседки.

—Поздравляем вас, Мехриниса,— пророкотала басом крупная, полная женщина.

—Спасибо, спасибо.

—Увидели, как привел за руку ваш муж мальчика, вот И пришли,— пояснила другая.— Хорошо вы сделали... А как зовут ребенка?

—Витя. Посидел немного у сандала и задремал. Разбуди-ка, Мехри,— сказал Махкам-ака.

—Нет, нет, не надо,— забеспокоились гости и осторожно прошли в прихожую.— Пускай спит. Поглядим на него отсюда.

—Бедные дети, сколько мук и страданий пришлось им испытать!

—Будь она проклята, эта война!

—Пусть никогда больше не испытает он таких мучений! Пусть найдет счастье в этом доме.— Женщины говорили наперебой, но тихо, чтобы не разбудить Витю.

—Да сбудутся ваши слова.— Мехриниса приложила руку к груди, поклонилась соседкам.— Проходите, проходите в комнату, и обед у меня готов.

—Зайдем в другой раз, Мехриниса-апа. Все равно этим вам не отделаться,— пошутила одна из женщин.

—Приходите, пожалуйста.

Мрачное настроение Мехринисы как рукой сняло, она повеселела, проводила женщин до калитки. Женщины вышли на улицу, разговаривая между собой, и увидели Таджихон, стоявшую у своего дувала⁴¹. Таджихон не была бы Таджихон, если б тотчас не вступила с ними в беседу.

—Хорошо она сделала, говорите? Но, миленькие, разве сирота станет помнить добро!

Женщины приостановились — так поразили их слова Таджихон.

—Не совестно ли вам говорить такие вещи? — спросила одна.

Таджихон решила чуть отступить:

—Я о Батыре, их племяннике, пекусь. Мехриниса успела привязаться к нему. А теперь этот, чужой...

Женщины прошли мимо Таджихон, не удостоив ее болтовню своим вниманием.

На душе у Мехринисы было радостно. Все еще под впечатлением визита соседок, который так поднял ее настроение, она расстелила

---

⁴¹ Дувал — глинобитный забор.

дастархан на широком табурете, поставила круглое медное блюдо и поглядела на мальчика, сладко посапывающего во сне.

—Искупать его перед едой надо,— сказала она вошедшему мужу.

—Ты готовь воду, а я разбужу.

Махкам-ака осторожно погладил Витю по голове.

Мехриниса налила два ведра теплой воды в таз, потом открыла сандал с одной стороны. Засучив рукава и заткнув подол за пояс шаровар, она вмиг искупала Витю, поначалу испуганно глядевшего на эти приготовления.

Одежда Вити была грязной, и Мехринисе пришлось надеть на него рубаху мужа, хотя она, правда, была ему ниже колен. «Поищу еще в сундуке. Авось найдется что-либо подходящее!» — подумала Мехриниса.

Рассматривая свой новый наряд, Витя тихонько посмеивался.

Выкладывая плов из котла на блюдо, Мехриниса думала о мальчике. Ей казалось, что сейчас вся махалля только и говорила о том, что она стала матерью, и вот-вот снова придут соседки поздравлять ее.

—Чистенький ты стал, славненький. А теперь мы покушаем,— сказал Махкам-ака Вите, принимая блюдо из рук жены.

Они уселись вокруг сандала. Махкам-ака нарезал на мелкие куски мясо и первый начал есть плов, поддевая его пальцами.

—Ну, бери, Витя. Эта еда называется пловом.

Витя полез в плов всей пятерней, обжег пальцы и тут же отдернул руку.

—Что, горячий, что ли? Мехри, надо дать ему отдельно, в чашке.

Мехриниса достала с полки касу, положила в нее плов. Витя поставил касу перед собой, попробовал есть рукой, но плов сквозь пальцы сыпался на одеяло. Махкам-ака засмеялся, стал утешать огорченного Витю.

—Ничего, сынок,— сказал он, очищая одеяло.— Не привык ты, научишься еще. Ну-ка, дай ему ложку, мать.

Витя начал есть деревянной ложкой, то и дело роняя рисинки. Подражая старшим, попробовал и редьку. Она пришлась ему по душе: хрустела и была очень вкусной.

—Что это?

—Редька это, сынок. Неужели никогда не ел? — удивился Махкам-ака.

—Горькую редьку ел, а эта сладкая какая-то.

— Да, сладкая редька.

— А разве сладкая редька бывает?

— Вот ведь ешь сам, — рассмеялась Мехриниса.

— А плов у меня уже кончился. Съел я раньше всех. Первый.

Мехриниса переглянулась с мужем — «Нельзя с голодухи переедать», — но все же положила мальчику несколько ложек в касу. Витя и это съел и вновь посмотрел на супругов. Они рассмеялись, не в силах сдержаться. Вместе с ними залился звонким смехом и Витя.

— Если дадите еще, я и еще съем, — гордо сказал мальчик.

— Ладно, пусть ест. Надо, чтобы глаза его насытились, и напои его как следует чаем. — Махкам-ака протянул Мехринисе касу.

В это время с улицы послышался мужской голос: «Уста, эй, уста!» Махкам-ака вытер руки и вышел на айван. Там стоял участковый милиционер Артыкбай.

— Поздравляю, уста! Будет теперь у вас весело!

— Да благословит вас аллах! Ну, Артыкбай, прошу, проходите.

— Спасибо, очень спешу. — Артыкбай увидел Витю, который вышел на айван и ел редьку. — Ого, какой богатырь!

— Поздоровайся, сынок, с дядей.

— Здравствуйте, — с опаской поглядывая на милиционера, сказал Витя и тут же повернул назад, вбежал в комнату, бросился к Мехринисе: — А зачем он пришел? Куда он меня поведет?

— Никуда не поведет. Пришел навещать тебя. А когда ты спал, приходили наши соседки. Они тоже навещали тебя. Еще придут, — ласково объяснила Мехриниса.

— А зачем им меня навещать?

— Ну, как же! Ты приехал из тех мест, где идут бои, ты столько повидал ужасов... Ты гость...

Витя задумался. Что-то собрался сказать, но тут Мехринису позвал Махкам-ака. Витя принялся осматривать комнату. Вдруг снова быстро вошла Мехриниса. Она взяла с полки сложенный вчетверо лист бумаги, развернула его, пробежала глазами и вышла на айван. Витя, внимательно следивший за Мехринисой, расценил это по-своему. Он с опаской выглянул через дверь во двор, но милиционера уже не было. Муж и жена о чем-то озабоченно разговаривали, словно позабыв о нем. Витя увидел недоеденный плов, и невольно его рука потянулась к блюду. Он все еще хотел есть. Подражая Махкаму-ака, мальчик ухватил щепотку плова и... уронил его на одеяло, положив в рот только рисинки,

оставшиеся на кончике пальцев. Затем с опаской взглянул в сторону двора и торопливо начал подбирать рассыпанный плов.

Муж и жена вернулись в комнату в крайне удрученном состоянии. Витя подбирал с одеяла рисинки и бросал их в рот. Но сейчас ни Мехриниса, ни Махкам-ака не обратили на это внимания. Усаживаясь на свое место, Махкам-ака сердито посмотрел на жену, обеспокоенно сказал:

— Если она вручила сама, то откуда же услышал Артыкбай?

Мехриниса помрачнела еще больше. Витя, не понимая, в чем дело, смотрел то на Махкама-ака, то на Мехринису, попробовал заговорить с ними, но понял, что разговор сейчас не получится. Боясь, что происходит что-то касающееся его и что его вот-вот уведут из этого дома навсегда, мальчик весь сжался в комок. Однако к плову его тянуло точно магнитом. Он взял ложку, взглянул на Мехринису, затем на Махкама-ака, упавшим голосом спросил:

— А можно еще поесть?

— Ешь, ешь, пожалуйста.— Махкам-ака подвинул блюдо с пловом поближе к мальчику и обратился к жене: — Когда ты вернулась, где было письмо?

— Валялось прямо под калиткой. Наверное, Салтанат бросила в щель.

Мехриниса скрыла от мужа, что показала письмо Икбал- сатанг, и теперь это угнетало ее. «Лучше заняться чем-нибудь и отвлечься...» Мехриниса встала, собираясь убрать дастархан.

— Хватит, сынок, переешь — живот будет болеть,— объясняла Мехриниса мальчику, для пущей убедительности поглаживая себя по животу.

— Теперь чаю попьем.— Мысли Махкама-ака опять вернулись к Вите.

— Я буду лучше пить воду.

— Горячий чай полезнее. Пища быстрее переварится. Ну, как, останешься у нас? — Махкам-ака взял Витю на руки и заглянул ему в глаза.

— На сколько дней? — насторожился Витя.

— Совсем!

— А тетя сказала, что я гость. Разве гость остается совсем? — недоверчиво спросил Витя.

— Когда в дом приходит новый человек — он гость. И ты сейчас

гость, сынок,— пояснил Махкам-ака.

—А вы не выгоните меня? Я совсем-совсем не уйду, да?

—Зачем же тебе уходить? Ведь ты стал моим сыном.

—А папой вас можно называть? — Мальчик широко раскрыл глаза, замер в ожидании ответа.

Махкам-ака почувствовал, как застучало сердце у него в груди. Он видел настороженные, сверкающие детские глаза. И они заслонили в эту минуту для Махкама-ака все на свете.

—Конечно! Я же взял тебя в сыновья. По-узбекски «папа» будет «дада», а «мама» — «ойи».

Витя вдруг обнял Махкама-ака за шею и начал целовать в щеки, приговаривая «дада», «папа». Мехриниса вошла с самоваром и остановилась, не понимая, что происходит. Ставя самовар на место, она заметила, что Махкам-ака незаметно вытер навернувшиеся на глаза слезы, потом подмигнул Вите, указывая на жену.

Витя подошел к Мехринисе, взял за руку, глядя снизу вверх ей в лицо.

—Дада сказал, что я гость только сегодня. А завтра я уже сын моего дады. Он никогда меня не выгонит! Вы тоже не выгоните?

—Как же это можно? Почему? — растерялась Мехриниса.

—Скажите правду, не выгоните? — не отступал мальчик.

—Да нет же, нет!

—Можно я вас назову мама, нет — ойи? — Витя прижался к руке Мехринисы.

—Голубчик ты мой маленький!

Мехриниса была взволнована нахлынувшим чувством материнства. Такое же блаженство, какое она ощутила, когда обнимала Батыра, охватило ее и сейчас. Она прижала к себе Витю и, глянув на мужа, рассмеялась сквозь слезы.

—Не бойся, сынок. От радости плачет твоя мать,— сказал Махкам-ака, видя, что мальчик с беспокойством смотрит на заплаканное лицо Мехринисы.

Глава десятая

Как-то под вечер Махкам-ака навестил приятеля. Тот работал слесарем в депо. Весело беседуя за чаем, Махкам-ака и хозяин решили,

что надо посадить яблоню в честь Вити. Как раз есть место — рядом с яблоней Батыра.

Домой Махкам-ака вернулся в приподнятом настроении, но тут его ожидало странное известие. Жена подала Махкаму повестку из милиции. Махкам-ака заволновался: зачем его вызывают? Знают ли об этом Артыкбай и Абдухафиз? Хорошо, если знают, а если не знают? Сказать бы им! А вдруг что-нибудь секретное и никому нельзя говорить о вызове? Тогда что делать?

Махкам-ака долго стоял в растерянности, зажав в одной руке повестку, в другой — саженец. Мехриниса не сводила с него глаз, все вспоминала Икбал-сатанг.

Обычно Мехриниса никогда и ничего не скрывала от мужа и сейчас мучилась оттого, что впервые утаила от него правду про письмо Батыра. Вдруг мужа вызывают по этому поводу? Вдруг Икбал-сатанг проболталась? Что подумают тогда о жене Махкама-ака? Как сложатся после этого их отношения?

Наконец Махкам-ака пришел в себя. Он положил повестку в карман, взял в руки кетмень и понес саженец в конец двора.

Мехриниса тоже успокоилась. Муж занялся посадкой саженца, глядишь, все и обойдется. Она поднялась на айван и села возле Вити.

—Смотришь картинки, сынок? А это что? — Мехриниса заглянула в книгу, которую Витя держал в руках.

—Верблюд же это! Ой, вы видели живого верблюда?

—Конечно, сынок.— Мехриниса улыбнулась наивности мальчика.

—Настоящего? — не поверил Витя.

—Видела настоящего. Приводили к нам.

—Ой, в этот двор приводили? И уместился?

—Да,— кивнула Мехриниса.

—Почему же вы не оставили его себе?! — спросил мальчик, удивленно и взволнованно глядя на Мехринису.

—Хозяин не отдал, сынок.

—А еще придет к нам верблюд? — Витя даже привстал, ожидая ответа.

—Вот твой дада купит на базаре саман, погрузит на верблюда и привезет.

—Саман? Какой саман? Что вы делаете с саманом? — не понял Витя.

—Саман — это резаная солома, сынок. Ее добавляют в глину, которой смазывают крышу,— пояснила Мехриниса.

— Пусть верблюд привезет саман, ой, — попросил Витя и, увидев отца, побежал к нему.

— Дада, привезите саман, — затеребил он рукав халата Махкама-ака.

— Саман? Зачем тебе саман, сынок? — наклонился к Вите кузнец.

— Замесим глину, а я увижу настоящего верблюда.

Махкам-ака засмеялся: разговор мгновенно развеял его думы о повестке.

— Саман я привезу как-нибудь потом, а вот саженец я уже принес и посадил. Смотри!

— Ой, правда саженец! Он похож на яблоню Батыра-ака! — радостно закричал Витя.

— Вот ты вырастешь, и яблоня станет большой, и на ней созреют яблоки.

— Здорово! — Вертясь волчком и приплясывая, Витя подбежал к матери.

Мехриниса обняла Витю, улыбнулась, но на душе у нее было смутно и тревожно. «Сколько беспокойства доставила всем нам эта Салтанат! — думала Мехриниса. — А может быть, что-нибудь другое? Уж не страшно ли что-то в артели и мужа из-за этого вызывают в милицию?»

Всю ночь не спала Мехриниса — мучилась в раздумьях и в конце концов решила не отпускать мужа одного, идти с ним вместе. Не спал и Махкам-ака. Тревожно билось его сердце. Никогда еще не вызывали кузнеца в милицию. Утром супруги наспех позавтракали и ушли, оставив Витю развлекаться с игрушками и пообещав привести ему верблюда, если встретится, а в крайнем случае купить леденцового петушка.

В отделении милиции Махкаму-ака сказали, что его ждут в отделе розыска... Супругов встретила молоденькая женщина, назвавшаяся лейтенантом Сабировой. Она усадила Махкама-ака и Мехринису на диван, сама села на стул напротив и принялась расспрашивать их о здоровье, о житье-бытье — как самая близкая знакомая. Поздоровила она их с усыновлением мальчика. Сабирова расспросила о работе Махкама-ака в артели и о том, как привыкает к новой семье Витя. Под конец лейтенант извинилась, что не сумела выкроить время и зайти к ним сразу, как только привели мальчика.

Вежливая, непринужденная беседа успокоила Мехринису, да и Махкам-ака, казалось, забыл уже, где он находится. И тут вдруг

лейтенант спросила:

—Мехриниса-апа, вы хорошо знали Салтанат?

Мехринисе сразу стало не по себе, она взглянула на мужа.

Сабилова, заметив ее взгляд, добавила:

—Я хочу сказать, апа, давно ли вы ее знаете?

—Знаю, что это дочь Кандалат-апа, она всегда здоровалась со мной.

Последний раз я ее видела, когда она вручала мне письмо,— сбивчиво ответила Мехриниса.

—В каком она была состоянии, когда вручала вам письмо? Расстроена? Спокойна?

—На это я как-то и не обратила внимания,— пожалала плечами Мехриниса.— Помню только, что поздоровалась она смущенно, сказала тихо: «А я к вам собиралась». Голову не поднимала, искала в своей сумке неторопливо...

—Значит,долго искала в сумке? — быстро спросила Сабилова.

—Ой, нет, усохнуть моей памяти! Я ошибаюсь, миленькая. Тут же достала и вручила письмо. Да, да, точно так, сейчас я вспомнила.

—А потом?

—Потом она заторопилась и сразу ушла,— взглянув в строгие глаза лейтенанта, упавшим голосом сказала Мехриниса.

—В последнее время вы ее встречали еще где-нибудь?

—Где же это было... Да, да! — Мехриниса повернулась к мужу.— Ведь мы видели ее в тот день, когда провожали Батыра.

—У него дома, не так ли? — уточнила Сабилова.

—Да, в доме моей покойной сестры.

—Тогда вы разговаривали с ней?

—Где там было разговаривать! — Мехриниса вздохнула.— Подошла она, поздоровалась и больше не подходила.

—А во дворе она совсем не появлялась в этот вечер?

—Как же, выходила, носила чай, суп, следила за самоваром.

—Она была расстроена или весела?

—Разве до веселья было тогда! Разговаривали только в комнате, где сидел Батыр, а все женщины во дворе молчали, словно воды в рот набрали. Какое уж веселье в доме, где провожают на войну, сами понимаете.

—А не заметили вы, чтобы она плакала?

—Может, и плакала, но я не заметила.

—Вы знали тогда, что она часто встречается с вашим сыном

Батырджаном? — Лейтенант Сабирова произнесла последние слова особенно четко, сделав ударение на имени.

— Не-ет, не только не знали, но и слыхом не слыхивали, — отвечала испуганно Мехриниса.

— А ваша сестра при жизни не говорила вам об этом? — не отступала Сабирова.

— Сестра часто говорила, что ее заветное желание — женить Батыра, но была ли у нее на примете невеста для сына, не знаю, об этом она не говорила. Так и не исполнилось ее желание. — На глазах у Мехринисы появились слезы.

— Не горюйте, апа, что же делать! Допустим, Батыр объявил бы, что хочет жениться на Салтанат, что бы вы сказали на это?

— Ой, — замахала руками Мехриниса, — ну, что я могла бы сказать? По возможности...

— ...справили бы свадьбу, правда? — подсказала Сабирова и взглянула сначала на Мехринису, затем на Махкама-ака.

— Как же иначе?

Махкам-ака тоже, как бы подтверждая слова жены, кивнул.

Пожилый милиционер без стука открыл дверь, принес чайник, поставил перед лейтенантом и молча вышел. Сабирова дважды перелила чай из чайника в большую пиалу и обратно, разлила его по пиалушкам и подала одну из них Мехринисе.

— Утомила я вас разговором, апа, простите, но такая уж у нас работа: мы должны знать все до мельчайших подробностей. Выпейте чаю. — Потом Сабирова подала чай Махкаму-ака и обратилась к нему: — Амаки, а вы когда видели девушку?

— Я с ней не был знаком. Когда я поехал на вокзал провожать Батыра, с нами была целая группа девушек. Не знаю, которая из них Салтанат. Узнал, что она существует, только после того письма. Оказывается, они вдвоем даже отходили в сторону, я и этого не заметил.

— От вашего сына, — поинтересовалась Сабирова, — после того были еще письма?

— Было письмо, — сказал Махкам-ака, взглянув на жену.

— Могли бы мне его показать?

— Охотно. — Махкам-ака вытащил из кармана письмо и передал Сабировой. Она начала читать. Почему-то конец письма Сабирова прочитала вслух:

—«...Если я вернусь живым-здоровым, Салтанат станет вашей невесткой. Мы любим друг друга. Покойная мама знала это и одобряла. Перед отъездом я много раз собирался об этом вам сказать, но как-то не осмелился. Салтанат хорошая девушка: думаю, мамочке и вам, папа, она понравится... Не удивляйтесь тому, что я даже здесь думаю об этом. Война войной, а любовь любовью. А поставить вас в известность — мой долг. Не сердитесь на меня. Пусть Салтанат ничего не узнает о моем письме, иначе она станет стесняться и даже не будет приносить вам письма.

Наверное, в ближайшие дни нас отправят на фронт, и я приму участие в боях. С нетерпением жду ваших писем. Скучающий по вас ваш сын Батыр».

Читая письмо, Сабирова останавливалась после каждого предложения и смотрела то на Махкама-ака, то на Мехринису. Закончив чтение, она положила письмо на стол и долго сидела молча. Супруги тоже молчали.

—Значит, если вдруг Салтанат действительно окажется беременной, придет к вам домой и скажет: «Я ваша невестка»,— возьмете вы ее под свое крыло?

—Ой, миленькая, что вы? Ни то ни се... Как же на глазах народа...— Мехриниса даже приподнялась со своего места.

—Не болтай! — сердито прервал Махкам-ака жену.— Взяли бы, доченька, взяли бы под свое крыло.

—С чего это! У нее есть свой дом, мать! Без бракосочетания, без ничего...— взорвалась Мехриниса.

—Прекрати, я тебе говорю,— прикрикнул на жену Махкам-ака.— Тебе что важнее — бумажка о бракосочетании или достоинство человека? Вот тебе бумажка о бракосочетании.— Махкам-ака взял письмо, лежавшее перед Сабировой, и швырнул его Мехринисе.

Письмо упало на пол. Мехриниса бережно подняла его, разгладила, Сабирова заметила, что рука у нее дрожит. Сабирова наблюдала за супругами молча, все больше проникаясь уважением к Махкаму-ака. Ее поразило, как человечно и мудро отнесся кузнец к тому, что услышал от работника милиции. Почувствовав, что Махкам-ака сказал все, что хотел сказать, лейтенант Сабирова наконец заговорила сама:

—Прежде всего нельзя забывать о том, что все это только предположения. Пока мы лишь предполагаем, и вы, и я, и ваш сын (она опять выделила последние слова). Батырджан...

—Нет, доченька, вы ошибаетесь. Для нашего сына это не столько предположение, сколько желание, надежда! — возразил Махкам-ака.

Утвердительно кивнув, Сабирова продолжала:

—Что будет, если узнает ее мать, Кандалат-биби? — Лейтенант взглянула сначала на Мехринису, затем на Махкама-ака, который сидел, вертя в руке тыквянку с табаком.

—Кандалат? Ой, она поднимет шум, крик, выгонит дочь кочергой. Как же, принесет незаконнорожденного...

—Замолчи! — вскипел гневом Махкам-ака.

—Амаки... — успокоила Сабирова Махкама-ака.

—А мать еще не знает? — с опаской понизив голос, спросила Мехриниса.

—Нет, об этом, кроме вас, меня и Икбал-апа, никто не знает.

Дальше все произошло в одно мгновение. Сабирова помнит только, что, едва она замолчала, Махкам-ака вскочил и влепил Мехринисе звонкую пощечину. Сабирова не успела и глазом моргнуть, а Махкам-ака уже выскочил в коридор. Лейтенант подошла к Мехринисе. Та сидела сжавшись, закрыв лицо руками. Сабирова положила руку ей на плечо.

—Не расстраивайтесь, апа. Очень больно?

—Нет. Это даже хорошо. — Мехриниса не убирала рук от лица.

—Что хорошо? — не поняла Сабирова.

—А то, что ударил.

И тут вдруг Сабирова поняла, что дело совсем не в обиде. Какая-то глубокая душевная боль заставляла страдать Мехринису.

—Такая привычка была у него и прежде? — осторожно спросила Мехринису Сабирова.

—Никогда.

—Апа, считайте меня своей сестренкой и расскажите все, не стесняйтесь. Я знаю, бывает такое в супружеской жизни. Не бойтесь, говорите. Я и не думаю привлекать вашего мужа к ответственности...

—Что говорить?

—Что вас мучает? Часто ли он выходит из себя вот так? Ведь многие мужчины разрешают себе это, ападжан.— Сабирова поглаживала Мехринису по голове, сочувствуя женщине.

—Какие все мужчины, миленькая, я не знаю, но он не такой. За тридцать лет, с тех пор как мы поженились, он впервые поднял на меня руку.

Сабирова не очень поверила словам Мехринисы, хотя Мехриниса вроде бы мало походила на женщин, умеющих хитрить.

—Почему же тогда вы довольны? Неужели приятно получать от мужа затрешины?

—Все это Икбал-сатанг натворила. Если б я не проболталась этой пройдохе, не пришлось бы обманывать и мужа. Вот теперь получила по заслугам. И знаете, словно гора свалилась с плеч. Легче стало на душе.

Мехриниса и в самом деле немного повеселела, но посматривала на дверь с беспокойством.

—А муж-то ушел, что ли? Как он рассердился! — вздохнула она.

И тут вошел Махкам-ака. Сабирова сделала вид, что ничего не произошло, и любезно предложила кузнецу чаю. Затем она вернулась к прежнему разговору:

—Разыскиваем Салтанат. Всюду сообщили об ее исчезновении. Может, еще и найдем. О девушке, кстати, никто не отзывался плохо. По общему мнению, вела она себя всегда хорошо и с достоинством.

—Нет, нет, она неплохая,— взволнованно подтвердила Мехриниса.

—Ну вот, тем более. Теперь я хочу поговорить с вами о другом. Мать Салтанат тяжело больна. Лежала в больнице. Кажется, ее уже привезли? — Сабирова посмотрела на Мехринису.

—Да, вроде уже неделя, как она дома. Старшая сестра за ней ухаживает. Сама-то я не смогла навестить ее...— Мехриниса виновато опустила глаза.

—А неплохо бы вам навестить ее. Ведь...

—Зайду к ней, миленькая.— Мехриниса была готова хоть сейчас отправиться к матери Салтанат.

—Пришла беда, открывай ворота. Так и у Кандалат- биби,— тяжело вздохнула Сабирова.

—А что? — насторожился Махкам-ака.

Мехриниса лишь испуганно уставилась на лейтенанта.

—Погиб ее муж.

—О бедняжка, о несчастная! Как же она перенесет это?

—Верно: беда никогда не приходит одна! Бедный Шахабиддин...— Махкам-ака провел по лицу руками.

—Кандалат-биби об этом еще не знает. Похоронная пришла вчера. Хорошо, что я предупредила на почте и вручили ее мне. Теперь не знаю, что и делать. Сказать? Как бы опять не слегла Кандалат-биби. А не говорить? Имеем ли мы право скрывать такое?!

—Трудное дело. Во всяком случае, доченька, лучше немного еще повременить. Авось девушка найдется.

—Правильно говорите, муж,— согласилась Мехриниса.

—И я такого же мнения,— сказала Сабирова и вдруг спросила совсем о другом: — В последние дни вы писали сыну?

—Отправили два письма,— ответила Махкам-ака.

—Об исчезновении девушки, надеюсь, не писали?

—Нет, нет! Зачем расстраивать Батыра?

—Правильно, Махкам-ака. Чем спокойнее наши фронтовики за нас, тем лучше они выполнят свой долг. Только боюсь я, как бы не написал о Салтанат кто-нибудь из его товарищей или родственников.

Махкам-ака переглянулся с Мехринисой.

—Может быть, нужно что-то предпринять? — спросила Мехриниса.

—Обдумывала я это. У Салтанат ведь есть брат, он тоже может узнать. Хорошо бы и ему пока не сообщать. Кстати, ваш сын, как и раньше, продолжает писать Салтанат. Это мне точно известно.— Сабирова отхлебнула остывшего чаю и, заметив, что Махкам-ака намерен заговорить, опередила его:

—К сожалению, его письма я не могу вам отдать. Они могут помочь нам в розыске. Вдруг что-нибудь в них объяснит исчезновение девушки... Это очень хорошие письма, скажу вам. Такие и Тахир не писал своей Зухре⁴².

— Значит, правда, доченька, что он любит ее? — Мехриниса испытующе смотрела на Сабирову.

—Не сомневаюсь. Это настоящая любовь. Чистая, нежная. Поэтому-то мне и страшно, как бы Батырджан не узнал о случившемся.— Сабирова тяжело вздохнула.— Говорила с подругами. Салтанат и с товарищами вашего сына. Они утверждают: Салтанат всерьез собиралась ехать с Батыром на фронт.

—О аллах, вот как! — удивленно воскликнул Махкам- ака, а Мехриниса даже рот открыла от изумления.

—Девушка... что же она может там? — придя в себя, пробормотала Мехриниса.

—Такое теперь время. И я вот тоже, если потребуется, завтра же поеду,— твердо сказала Сабирова.

---

⁴² Тахир и Зухра — легендарные влюбленные из поэмы «Тахир и Зухра» великого узбекского поэта Навои.

—Допустим, если так, если уехала, как же она не подумала о матери? — волнуясь, заговорила Мехриниса.— Ведь не маленькая, понимает. Почему не оставила хоть записку, не сказала кому-нибудь из близких или не сообщила после?

Сабирова развела руками: пока и она ничего не знала.

—Извините, что отняла у вас много времени. Если будет какая-нибудь новость, сообщу.

—Лишь бы хорошие вести были, миленькая,— сказала Мехриниса.

Супруги встали. Лейтенант Сабирова проводила их до дверей.

По улице Мехриниса и Махкам-ака шли молча. Исчезновение Салтанат, известие о гибели ее отца, разговор о любви Батыра и девушки заслонили даже неприятное воспоминание о пощечине. Но постепенно мысли кузнеца вернулись к сцене в милиции. Махкам-ака и сам не мог понять, как это произошло. Ему было больно. Впервые в жизни он так оскорбил жену, да еще в присутствии постороннего человека. В то же время Махкам-ака никак не мог забыть о том, что, не зная ничего толком, жена пыталась очернить хорошую девушку и выдала ее тайну Икбал-сатанг.

Мехриниса не обижалась на мужа, сознавая свою вину; боль от пощечины давно прошла, и ее беспокоило лишь то, что муж был хмур и неразговорчив. Заговорить же первой ей не позволяло самолюбие.

Завернув за угол, супруги остановились: по обочинам дороги стояли плотные вереницы людей. Милиционер, подняв свою полосатую палочку, остановил движение транспорта, освобождая путь идущим друг за другом автобусам и четырехколесным арбам, переполненным эвакуированными детьми.

Взволнованная Мехриниса обернулась к мужу и встретила с ним глаза. Это длилось одно мгновение, но Мехриниса поняла, что творится с Махкамом,— ему и так было горько, а теперь, потрясенный внезапной встречей с чужой бедой, он особенно отчетливо ощутил, как мелок и ничтожен его поступок. Глазами Махкам-ака просил прощения у жены. Мехриниса ничего не успела сказать: громкий плач ребенка на арбе привлек ее внимание. Молчавшие до этого люди на обочине вдруг разом заговорили:

—Бедняжки! У них на губах ведь еще материнское молоко...

—Чем же виноваты эти малыши...

—Есть и раненые, ай-ай-ай...

Какая-то женщина заплакала, не пытаясь скрыть свои слезы от

окружающих.

— Ух, чтоб ослепнуть проклятым фашистам! Ведь они же в них стреляли, окаянные, стреляли! — У старушки, выкрикнувшей эти слова, даже голос сорвался.

— Куда их везут?

— Прибыло, говорят, десять тысяч. Правда это? — спросил седой мужчина свою соседку.

— Где там десять! Говорят, тридцать тысяч прибыло. Сама слышала... — Женщина вытирала платком глаза.

Махкам-ака слушал, и чувство яркой ненависти к врагам, сделавшим этих детей сиротами, все сильнее охватывало его.

Как только проехала последняя арба с детьми, Махкам-ака быстро зашагал к дому. Мехриниса едва поспевала за мужем.

Махкам-ака первым вошел во двор и увидел Витю, который сидел на пороге и плакал.

— Вот тебе на, такой большой мальчик, а плачешь. — Махкам-ака взял Витю на руки, начал утешать. — Ну, хватит, хватит, сынок. Вон и мама пришла.

— Верблюда привели? — вдруг строго спросил Мехринису Витя.

— Не было верблюда, сынок, — ответил Махкам-ака.

— А леденец-петушок был?

— Сейчас принесу. — Махкам-ака опустил мальчика на землю. — Понимаешь, сынок, когда я шел туда, еще не продавали петушков. А обратно пришлось идти другой улицей. Схожу еще раз.

— А сейчас уже продают? — с надеждой заглянул в глаза отцу Витя.

— Конечно. — Махкам-ака быстро пошел к гузару⁴³.

С тех пор как в доме появился Витя, у кузнеца не было свободной минуты. И сам он и жена не знали покоя. Но как бы Махкам-ака ни уставал, стоило ему только увидеть веснушчатую мордашку мальчика — на сердце становилось легче, забывалась усталость, проходила головная боль. Вот и сегодня: казалось, ничто не развеет его тоски, а, как только поднял Витю на руки, сразу почувствовал облегчение. «Видно, сам аллах создал человека таким, — думал кузнец, — на один плач — один смех... Иду на гузар за леденцовым петушком... Иду только за этим и... радуюсь. Говорят, ребенка обмануть легче всего. Так оно и есть. Легче всего. Но если обмануть его несколько раз, он и сам станет

---

⁴³ Гузар — центральная площадь квартала.

обманывать других, когда подрастет».

На гузаре Махкам-ака купил леденец и вернулся домой.

— На, сынок. — Махкам-ака подал Вите леденец. — Ешь на здоровье, а я пойду поработаю.

Махкам-ака взял спецовку и отправился в кузницу, но, не дойдя до середины двора, передумал. Он вернулся к дому, положил спецовку на прежнее место:

— Надевай-ка ботинки, Витя. Пойдем погуляем.

Обрадованный Витя, изрядно уже измазанный леденцом, бросился в комнату за ботинками.

Глава одиннадцатая

Весело разговаривая, Махкам-ака и мальчик незаметно дошли до детского дома. Но у ворот Витя вдруг остановился, испуганно глядя на Махкама.

— Ну что же ты? Идем!

— Вы сами... вы сами разве не говорили, что не будете меня выгонять? — сказал Витя и заплакал.

— А кто тебя выгоняет?! — Махкам-ака присел, чтобы быть одного роста с сыном.

— Зачем же вы тогда привели меня сюда? — Витя показал пальцем на детдом.

Махкам-ака только теперь сообразил, в чем дело. Он никак не ожидал, что Витя так все это воспримет. Вот что значит не разбираться в детской душе! Кузнецу стало жаль мальчика.

— Послушай, сынок. — Он вытер Вите слезы. — Помнишь день, когда ты приехал сюда?

Витя кивнул головой.

— Вот и сегодня привезли детей, точно таких же, как ты. А что, если среди них найдутся твои товарищи? Ты ведь называл их имена?

— Вова, Валя, — напомнил Витя.

— А вдруг они приехали?

— Не могут они приехать, — горько, как взрослый, сказал Витя. — Вову вместе с мамой увели фашисты. А Валя тоже не может...

— Но приехали другие. Пойдем-ка посмотрим.

Махкам-ака за руку повел Витю в ворота. Витя шел нехотя, все еще

не веря отцу.

День был ясный, светило солнце. Земля после ночного дождя еще не успела просохнуть, и теперь от нее поднимался пар. Приехавшие дети группами стояли у здания столовой. Разговаривали все сразу, шум был, как на птичьем базаре. Мальчики постарше вертелись около арб, нагруженных тюками с одеждой, одеялами и подушками, а те, что поменьше, раздевались и складывали свою одежду на землю.

Во двор набилось много взрослых. Судя по тому, что большинство из них были с кулками и пакетами, эти люди пришли сказать детям ласковое слово, угостить сладостями, ободрить их. Были тут, вероятно, и такие, что хотели заранее присмотреть ребенка и потом взять его в свой дом.

— Не признаешь, сынок, товарищей? Не видно? — Махам-ака решил отвлечь Витю от печальных мыслей, так как мальчик по-прежнему молчал и жался к нему.

Витя хмурил брови, рассматривал детей.

— Можно мне подойти к ребятам? — вдруг попросил он.

— А почему же нет? Конечно, можно. Иди, — разрешил Махам-ака.

Витя недоверчиво взглянул на него, но все же направился к детям.

— Ассалому алейкум, амаки, — совсем рядом услышал Махам-ака приветливый женский голос. — Что вы хотели?

Махам-ака обернулся и увидел молодую, нарядно одетую женщину. Кажется, в прошлый раз ее здесь не было.

— Ва алейкум ассалом! Хотел бы вот взять ребенка, — сказал Махам-ака, испытывая снова сильное волнение.

— Хорошая мысль, отец. А жена ваша тоже здесь?

— Она не смогла прийти. Очень занята.

— А кого вы хотите взять: мальчика или девочку? И поменьше или постарше? — по-деловому быстро уточнила женщина.

— Все равно, доченька.

— А ребенка какой национальности вы предпочитаете?

Махам-ака бросило в дрожь от негодования, он даже побледнел:

— Я пришел не на скотный базар, доченька.

— Но позвольте, папаша...

— Никаких но! — решительно возразил кузнец. — Если я буду молчать, вы, похоже, и дальше будете спрашивать, худой или полный мне нужен, остроносый или курносый, верный или желтый... Дети все одинаковы! Все они дети человека! Поняли?

У женщины задрожала тетрадка в руке, она смутилась:

—Я ведь спросила только...

—Никогда не делите детей на белых и черных! Нашелся вот на свете один такой выродок и сколько несчастий навлек на людей. Но он еще понесет кару за это!

Махкам-ака резко повернулся и пошел к Вите. Женщина удивленно смотрела ему вслед.

Подойдя к детям, Махкам-ака увидел, что Витя всхлипывает и тяжело дышит, а какая-то девочка держит его тубетейку, сильно испачканную грязью. Махкам-ака протиснулся среди ребят и оказался возле своего мальчика.

—Что здесь произошло? — спросил он.

Витя молчал, зато со всех сторон, перебивая друг друга, заговорили дети.

—Он хвастает, что у него есть папа!

—Я сказала: «Какая у тебя красивая тубетейка!» — а он сразу: «Не трогай! Испачкаешь!»

—Хвалится своей одеждой!

Махкам-ака все понял и начал успокаивать детей, с обидой глядевших на Витю. Он взял сына за руку и отвел в сторону. И тут вдруг заметил белокурую девочку, не сводившую с него глаз.

—Как тебя зовут, доченька? — Махкам-ака погладил девочку по растрепанной головке.

—Галя.

Девочка настороженно глядела на Витю, который, насупившись, стоял за спиной Махкама-ака:

—Это ваш сын?

—Сын... А ты будешь моей дочкой? Будешь? — Кузнец ласково привлек к себе девочку, провел ладонью по ее худенькой спине.

—Буду,— тихо вымолвила Галя.

—Очень хорошо, доченька. Теперь познакомься с братиком.

Галя протянула Вите руку, назвала свое имя. Витя подал ей руку нехотя, смотрел исподлобья.

—Галя! Галя! Ты что, уходишь?! — К девочке подбежал белолицый мальчик с огромными черными глазами.

—Ухожу, Абрам.— Галя улыбалась, лицо ее светилось радостью.

—Насовсем уходишь? — растерянно спросил Абрам.

Галя молчала. Тогда заговорил Махкам-ака:

—Насовсем она уходит. Но если хочешь видеть Галю, приходи к нам.

Абрам опустил голову, давно не стриженные, спутавшиеся волосы закрывали ему лицо. Он повернулся и, не оборачиваясь, побрел к толпе детей. Махкаму-ака стало как-то не по себе. И тут вдруг Галя кинулась за мальчиком, догнала, что-то быстро сказала ему и вернулась обратно.

—Дядя, возьмем с собой Абрама! Он очень, очень хороший мальчик!
— Она смотрела на Махкама-ака умоляющими глазами.

Кузнецу показалось, что взгляд детских глаз проник в самое его сердце, на всем свете не нашлось бы, наверное, человека, который смог остаться равнодушным к мольбе девочки.

—Абрам, сынок, иди скорее к нам! — крикнул Махкам-ака.

Абрам оглянулся, несколько секунд постоял в нерешительности и вдруг подбежал к кузнецу.

—Вот и молодец!

—Дядя, а можно я вас буду называть папой? — держась за полу халата Махкама-ака, спросила Галя.

—Можно, доченька.

—А я? — засверкал глазами Абрам.

—И ты тоже!

Витя продолжал стоять надувшись и смотрел на Галю и Абрама весьма холодно.

—Постойте здесь, я сейчас вернусь.— Махкам-ака направился в кабинет директора. На двери висела табличка с надписью: «Т. Назарова». Женщина приветливо кивнула кузнецу — видимо, узнала его; узнал ее и Махкам-ака. Около стола стоял заплаканный мальчик. Одетый опрятно и хорошо, он не походил на вновь прибывших детей.

—Входите, пожалуйста.— Назарова поднялась из-за стола.— А ты пока поиграй, но не уходи, хорошо? Я тебя позову.— Она похлопала мальчика по плечу и проводила его до двери.— Подумайте, отец, что бывает на свете. Только девять дней назад его взяла к себе одна супружеская пара, а сегодня он вернулся обратно.

—А почему вернулся? — Махкам-ака прикрыл дверь кабинета: мальчик стоял в коридоре.

—Твердит одно и то же: «Потерял сестренку». Просит найти ее. В семью, которая его приютила, вероятно, возвращаться не хочет, хотя прямо этого и не говорит. Я спрашиваю: «Тебя не обижали там?» В ответ он горько плачет и опять твердит свое.

А вы бы все же порасспросили,— задумчиво сказал Махкам-ака и заговорил о своем: — Зашел к вам, чтоб вон этих малышей записали за мной.— Через открытое окно Махкам-ака показал на Галю и Абрама, стоявших по-прежнему вместе, но поодаль от Вити.

— Ого, еще двое! Удивительно добрая у вас душа! Пойдемте!

Они вышли во двор.

— Санобар! — позвала Назарова одну из воспитательниц.

Подбежала женщина, недавно разговаривавшая с Махкамом-ака.

— Пусть товарищ не ждет документов. Я сама их принесу ему домой. Просто запишите имена и фамилии девочки и мальчика,— распорядилась Назарова.

—Как же это? Я могу, если необходимо, и подождать,— забеспокоился Махкам-ака.

—Не волнуйтесь. Документы еще не разобрали. Все будет как полагается,— вежливо, но твердо повторила Назарова.

—Ну, спасибо. Пойду обрадую жену,— сказал Махкам-ака, а потом тихо, чтобы не услышали дети, попросил директора: — Вижу я, сильно обидели того ребенка, который ждет вас. Если он оказался в плохой семье, скажите мне. Уж как-нибудь сумеем облегчить его участь.

—Благодарю вас, отец. Но ведь и без него у вас теперь трое.

—А время-то какое! И не сомневайтесь, приводите ребенка к нам, если нужно будет.

Махкам-ака попрощался с Назаровой, взял Галю на руки. Девочка доверчиво обвила его щею худенькими ручонками.

Абрам и Витя шли рядом, но не разговаривали. Галя радостно махала им рукой. Когда они вышли на большую улицу, Витя буркнул Гале:

—Ну, слезай. Так ты совсем умаешь моего папу!

Шутливо, стараясь подделаться под Галин голос, Махкам-ака пропищал:

—Не умаю! Я ведь легкая, как пушок!

Девочка рассмеялась, еще крепче обнимая Махкама-ака за шею. Засмеялся и Абрам. Даже Витя не сдержал улыбки, хоть и отвернулся, пряча лицо.

Глава двенадцатая

Были и песни, и пляски, и веселые, нарядные люди, и голуби в безоблачном синем небе. И вдруг все исчезло, все кончилось. Точно черные тучи заволокли небо, спрятали солнце, и стало трудно дышать...

В открытых машинах приехали фашистские офицеры. В центре площади солдаты сколотили виселицы. Привели двух мужчин со связанными за спиной руками, поставили их на ящики, на шею им накинули петли, и офицер ногой в блестящем сапоге выбил ящики у них из-под ног.

Потом женщин, стариков и детей фашисты погнали на работу. На поляне за березовой рощей людей заставили копать длинную траншею. Когда траншея была готова, офицер выстроил всех в два ряда над самой ямой. И начался треск... Ужасный треск...

Абрам упал, придавленный большим и тяжелым телом какого-то старика. И вдруг стало тихо. Тихо и страшно. Было даже слышно, как где-то вдали беспечно журчит ручеек. Абрам поднял голову. Вначале он увидел зеленую траву и желтый одуванчик на тонкой ножке, потом множество спящих вповалку людей. Мальчик с трудом встал и огляделся вокруг. Чуть сбоку спала мама. Он приблизился к ней, наклонился и вздрогнул: глаза у мамы были выколоты. И Абрам закричал во весь голос: «Мама! Мама!..»

От звонкого крика задрожали стекла в окнах, и все мгновенно проснулись. Галя вскочила, прижалась к Мехринисе.

А ту трясло в ознобе. Махам-ака пытался успокоить Абрама.

—Лампу зажги,— сказал он жене, но Мехриниса не могла двинуться.

Махам-ака сам зажег лампу.

Абрам задыхался, стонал, но глаз не открывал. Первой, кажется, пришла в себя Галя.

—Вы испугались, мама? — заботливо спросила она Мехринису.

—Ложись, доченька.

—А вы не бойтесь. У Абрама бывает так. Было и в дороге. Ой, и ты тоже испугался, Витя? — Галя заметила, что Витя таращит глаза и ничего не понимает.

—Подумаешь... испугался. Думал, вору лезут,— сердито ответил Витя.

—Дада, положите Абрама в постель.— Галя советовала серьезно, деловито, как взрослая.

Махам-ака ходил из одного конца комнаты в другой, прижав к

груди Абрама, и никак не мог успокоиться.

—Он уже опять заснул, дада. Положите его.

Махкам-ака послушался девочку, уложил Абрама. Галя склонилась над братом, погладила по голове.

—И почему ты кричишь, Абрам? Здесь дада, мама, мы все. Ни один фашист тебя не тронет...

—Пускай он спит, доченька,— сказал Махкам-ака.

Галя не отходила от Абрама.

—Нет, нет, пусть лучше проснется. А то опять ему будет сниться страшный сон.

Абрам открыл глаза и увидел перед собой Галю.

—Мы доехали, Галя?

—Куда доехали? Мы уже дома. Дада с нами, мама.

Абрам закрыл глаза и уткнулся головой в подушку, а Галя заплакала:

—Бедненький Абрам... Ему по-прежнему фашисты снятся.

—Иди ко мне, доченька.— Мехриниса обняла Галю.— И не плачь. Абрам проснулся, сейчас уснет снова. И сны будут сниться ему только хорошие.

—В вагоне он тоже так кричал,— сквозь слезы рассказывала Галя и льнула к матери.

Махкам-ака погасил лампу. Опять стало темно и тихо. Дети вскоре заснули, а муж и жена не могли спать, ворочались, вздыхали и думали об одном и том же: как лучше справиться с такой большой семьей?

Внезапно с улицы донесся гул машины и голоса людей. Встревоженный Махкам-ака начал торопливо одеваться.

—Куда вы? — забеспокоилась Мехриниса.

—Тише, дети могут проснуться. Выйду посмотрю. Кто-то, видно, приехал,— шепотом ответил Махкам-ака.

На цыпочках он вышел во двор и сразу же узнал голоса Абдухафиза и Арифа-ата. «Что же могло случиться ночью? А что-то определенно случилось!» Махкам-ака открыл калитку. Улица тонула в темноте — фонарей не было, луна спряталась за тучи.

Махкам-ака пригляделся. У соседней калитки двигались люди. Кузнец подошел к ним ближе и различил Арифа-ата.

—Что случилось, ака?

—Эвакуированных привезли. Оставлять их до утра под открытым небом не хотелось. Намаyajлись люди... Ночь почти вся впереди. Пусть

отдыхают.

Незнакомый человек стаскивал с машины тяжелый узел.

—Погоди, этот узел понесем вместе.

Ариф-ата поспешил на помощь, подхватил узел с другой стороны, и вдвоем они потащили его в дом Таджихон. Махкам-ака понял, что его помощь здесь уже не нужна.

Вскоре подъехала еще одна машина, и по тротуару застучали костыли Абдухафиза. С ним была и Икбал-сатанг. Последнее время Махкам-ака сильно недолюбливал эту женщину, но сейчас подумал: «А ведь иногда и она становится отзывчивой и доброй».

—Уста, ассалому алейкум! И вас, оказывается, мы разбудили,— с виноватой ноткой в голосе сказал Абдухафиз, увидев кузнеца.

—Нужно было разбудить раньше — помог бы...

—Вы теперь человек многодетный. Все время в хлопотах. Беспокоить вас просто неприлично,— заметила Икбал-сатанг с усмешкой.

«Все-таки ужалила!» — подумал Махкам-ака, но промолчал.

Однако Абдухафиз со смехом заметил подошедшему Ариф-ата:

—Придется еще раз собрать актив в совете. Некоторые граждане, а особенно гражданки, до сих пор не понимают, какого уважения заслуживают люди, взявшие эвакуированных детей под свой кров.

Икбал-сатанг сделала вид, что это сказано не о ней.

—Слушай, Абдухафиз, ты будешь с утра занят, твой секретарь тоже. А как же с хлебными карточками для приезжих? — озабоченно спросил Ариф-ата.

—С этим управится Икбал-апа. Другого выхода нет.— Абдухафиз посмотрел на Икбал-сатанг, и та поспешно закивала головой.— Вам придется взять двух мальчиков, апа, и вместе с ними пойти по дворам, чтобы уточнить, сколько человек в каждой семье, и составить поименные списки.

—Всего к нам прибыло двадцать семь семей,— со знанием дела сообщила Икбал-сатанг.

—Это известно. Надо уточнить, сколько человек в этих семьях.

—А что, Абдухафиз, с дочерью Шахабиддина? Ты уже назначил похороны? — спросил Ариф-ата.

—Еще ничего не решил,— ответил Абдухафиз и потер ладонью уставшее лицо.

Махкам-ака замер на месте — до того неожиданной была эта весть.

—Где же нашли девушку? — хрипло и с трудом выговорил он.

—Вы еще не слышали?! — всплеснула руками Икбал- сатанг.— Нашли ее в Сырдарье. Привезли только вечером. Так изменилась, что трудно и опознать.

—И она... мертвая? — еле выдавил из себя Махкам-ака.

—Как же быть ей живой, если ее нашли в реке! Ее уж и узнать-то нельзя. Не придумаем вот, как отдать тело матери, Она с ума сойдет от горя,— хмуро пояснил Абдухафиз.

—О аллах! И как только она попала туда, бедняжка! — Махкаму стало холодно, он передернул плечами.

...Закрыв на цепочку калитку, кузнец шел по двору, тут к нему спустилась с крыльца Мехриниса.

—Неужели ее в Сырдарье нашли? — В ужасе Мехриниса воздела руки к небесам.— О горе! Несчастливая мать! Нет, не вынесет она такой беды. А тут еще похоронную получила.

—И откуда ты все знаешь? — удивился Махкам-ака.

—У калитки в темноте стояла, когда вы разговаривали.

—Человек тверже стали, все выдерживает,— грустно проговорил кузнец.

Они вошли в дом. Дети крепко спали. Махкам-ака осторожно откинул одеяло и лег на свое место рядом с Абрамом. Мехриниса погасила лампу.

—О страдальца... Какое горе! У матери слез не хватит...— шептала Мехриниса.

Махкам-ака лежал молча, смотрел в темноту, тяжело вздыхал. Вспомнился Шахабиддин. Сколько лет было прожито с ним бок о бок... Вместе чаевничали, готовили плов, вместе ходили на собрания. В махалле Шахабиддин пользовался всеобщим уважением. Мечтал о женитьбе сына, о внуках. А теперь вот и самого нет, и дочери нет... О аллах!.. Что заставило такую цветущую девушку пойти на самоубийство? А может быть, какой-нибудь злоумышленник утопил ее?..

Мехриниса не сдерживала слезы. Она снова и снова вспоминала Салтанат... В тот день девушка подошла, смущенно поздоровалась, не поднимая головы, передала письмо и так застенчиво улыбнулась... Бедная, бедная Кандалат-биби — потерять такую дочь! Есть ли на свете горе ужаснее?!

Мехриниса нервничала все сильнее. А что, если Икбал- сатанг

проболталась о письме, которое девушка по ошибке отдала Мехринисе? Что, если сообщила она о Салтанат не только в милицию, но и ее матери? Как посмотрит Мехриниса тогда в глаза несчастной?.. Ведь, наверное, и Кандалат- биби будет думать, что беда произошла из-за Батыра. Ну и каналья же ты, Икбал-сатанг!

Глава тринадцатая

Махкам-ака поглядел в окно кузницы, прищурился с удовольствием на солнце, сказал:

— Похоже, что весна в этом году ранняя. Смотрите, как тепло. И почки на деревьях уже набухли, травка вылезает.

— Хорошо, когда весна ранняя да теплая, а бывает и так, что побьет все холодом в самую пору цветения.— Хамидулла раздувал горн, летели искры.

— Пожелай доброго, братец! Пусть на счастье вдов и сирот будет хоть урожай на фрукты.

Мастерская артели была расположена на оживленной, многолюдной улице. За долгие годы работы эта мастерская стала Махкаму такой же родной, как и кузница в собственном дворе. Только в домашней кузнице был один горн, а здесь шумно вздыхали сразу восемь мехов, установленных в ряд. Махкам-ака любил свое рабочее место. Все здесь — от простого гвоздя, вбитого в стену, до тента, который растягивали в жаркую пору,— было дорого кузнецу. И не только мастерская, но и улица тоже была близка и знакома до мелочей. В последнее время она стала очень оживленной. Грохот трамваев, звонки, скрип колес, шум бесконечной вереницы машин заглушают порой даже стук в мастерской.

Напротив большая чайхана. В последние годы рядом с ней построили продовольственный магазин. Рядом с магазином парикмахерская, киоск, где продают книги, газеты и журналы.

Махкам-ака теперь все чаще работал дома, вместе с женой. Если не считать хлопот, связанных с переборской готовых изделий, это вполне устраивало его. Но когда работы становилось много и поступали очень срочные заказы, Махкам- ака всегда приходил в мастерскую. Здесь, при строгом распределении заказов между подмастерьями, дело шло, конечно, быстрее. К тому же молодые кузнецы ушли на фронт, остались

старики и подростки, и его опыт, его точный глаз и уверенные руки очень требовались мастерской.

Махкам-ака положил молот, бросил клещи в ведро и вытер поясным платком пот. В минуты передышки Хамидулла обычно торопился к горну — очищал его от золы, подбрасывал уголь, раскладывал инструменты по местам, и мастеру были по душе ловкость Хамидуллы, его умение держать рабочее место в чистоте и порядке.

Махкама-ака снова потянуло к окну. Одна половинка его открыта. Льется в окно солнечный свет, струится легкий ветерок. Махкам лег на подоконник, выглянул на улицу. В облике улицы появилось что-то новое, хотя приметы вроде бы все те же: трамвай, вдали чайхана, магазин, книжный киоск, парикмахерская... Несколько минут Махкам-ака присматривался к жизни улицы. Понял наконец, что за перемены произошли в ней: люди стали иными.

Нет прежней шумной толпы, не слышно смеха и оживленного говора. Не доносится из чайханы звон чайников и пиал, стук шумовки о котел. И магазин раньше был другим. Люди потоком тянулись туда. Выходили со свертками, радостные, общительные. А теперь... Теперь магазин опустел. Соль и та отпускается по карточкам. Нет больше в продаже патыра, сдобных лепешек, разных затейливых булочек. Один хлеб, да и тот черный, как смоль, и липкий, как клей, и тоже по норме.

Люди спешат. Возьмут по карточкам положенное и скорее либо домой, либо на работу.

Три парикмахера, отложив в сторону свои бритвы и ножницы, уехали на фронт. Долго парикмахерская стояла закрытой. А потом место уехавших заняли две женщины. Но и они часто сидят без дела, грустно рассматривая себя в зеркалах.

В облике улицы осталась неизменной одна деталь: Миршарифходжи, продавец газетного киоска, как и прежде, низко склоняющийся над развернутой газетой, внимательно читающий ее сквозь толстые стекла очков. Все, как раньше... Только голова у Миршарифходжи совсем поседела.

Стены домов и магазинов обклеены плакатами. Теперь к этим плакатам уже привыкли, а вначале люди не могли пройти мимо, подолгу стояли возле них... Гневные слова о гитлеровцах, призыв не щадить в борьбе с ними ни сил, ни жизни никого не оставляли равнодушным...

И тут Махкам-ака заметил мальчика лет семи-восьми, судя по внешности — казаха. Он вертелся около магазина. Грязный, в замусоленном, рваном пиджачке, мальчик протягивал руку к каждому, кто выходил с хлебом из магазина.

Самые сердобольные останавливались, давали кусочек. Мальчик торопливо съедал подаяние и снова подкарауливал выходящих. Вот вышла из булочной старушка. Она остановилась и стала рыться в своей сумке, потом пошла дальше. Махкам-ака хорошо видел, как из сумки выпала карточка. Он уже приготовился крикнуть, но не успел и рта раскрыть, как мальчик поднял карточку и кинулся вслед за старушкой. Старушка растрогалась и отблагодарила мальчика большим куском хлеба. Зажав в руке хлеб, мальчик повернулся лицом к мастерской и увидел кузнеца. Махкам-ака улыбнулся ему. Мальчик тоже улыбнулся в ответ. Махкам-ака пошел на свое рабочее место. «Славный парнишка, неиспорченный», — думал кузнец. Щипцами он взял раскаленное железо из горна, положил его на наковальню и хотел уже ударить молотком, как вдруг услышал голос:

—А попить можно, амаки?

За окном стоял все тот же мальчуган. Махкам-ака поспешно кинул раскаленный кусок обратно в огонь.

—Пожалуйста, пей! — приветливо сказал он, зачерпнул кружкой воды из ведра и подал ее мальчику.

И именно в этот момент в мастерскую вошел Витя в новой тубетейке, в чистом костюмчике, с узелком в руке.

—Дада! — прямо с порога звонко крикнул он.

—Заходи, сынок, заходи, — обернулся к Вите Махкам-ака.

Витя бросил на незнакомого мальчика, сидевшего на подоконнике, довольно недружелюбный взгляд, поздоровался со всеми, кто был в мастерской, и опустил на скамейку.

—Что же ты один пришел, сынок? — удивился Махкам-ака.

—Мы вместе с мамой. Она на базар пошла.

Старик, работавший у среднего горна, шутя спросил Витю:

—Ты, малец, обед принес всем нам или только папе?

Все рассмеялись, а Витя в растерянности опустил глаза.

Махкам-ака заметил, как незнакомый мальчик при упоминании об обеде проглотил слюну.

—Где ты живешь, дружище? — спросил Махкам-ака у мальчика, подходя к окну.

—В Джусалы.

—Это же далеко! Как ты приехал сюда?

—Поездом.

—Отец у тебя есть?

—Погиб на фронте.

—А мать?

—Умерла.

—Будешь со мной есть?

Мальчик отрицательно покачал головой.

—Дада, идите же! — Витя нетерпеливо звал отца.

Услыхав эти слова, мальчик с независимым видом отвернулся и прыгнул с подоконника. Махкам-ака вернулся к Вите, развернул узелок и принялся за еду. Незаметно для других он следил в окно за мальчиком. Тот теперь стоял на тротуаре, не трогаясь с места и глядя куда-то в сторону. Судя по его настороженному виду, он прислушивался к разговору кузнеца с сыном.

—Ты тоже поешь.— Махкам-ака протянул Вите кусок мяса с костью.

—Это вам, дада, я уже дома ел.

—Ешь еще. Хватит нам обоим.

Мальчик, уныло опустив голову, отошел от окна.

...Вскоре в мастерскую зашла Мехриниса. Она рассказала мужу, что утром приходила Назарова — директор детского дома. Вечером зайдет еще раз: есть какое-то важное дело.

Когда Мехриниса и Витя ушли, Сали-ата, обращаясь к Махкаму, с удивлением заметил:

—Говорили, что мальчик ваш урус⁴⁴. А он не похож на русского и бегло разговаривает по-узбекски.

—Нет, он русский. А к нашему языку способный. Дети быстро учатся чужой речи,— ответил Махкам-ака.

—Способный мальчик. И какой воспитанный!

—Птенчик повторяет то, что видит у себя в гнезде, Сали- ата,— вмешался Хамидулла.— Очень хороший мальчик! Приветливый. Как меня увидит, обязательно подбежит поздороваться.

—Другой у вас тоже русский? — поинтересовался Сали- ата.

—Тот еврей. Ах, сколько он, бедный, пережил! Их всех выстроили

---

⁴⁴ Урус — искаженное слово «русский».

над траншеей и открыли по ним огонь. Какой-то старик, падая, закрыл мальчика своим телом. Когда Абрам открыл глаза, оказалось, что он один живой...

Кузнецы прервали работу и столпились вокруг Махкама-ака.

—О аллах, о аллах! Такой маленький мальчик!

—В ужасе он стал разыскивать мать и увидел ее невдалеке. Она была мертва.— Голос Махкама-ака дрогнул.

—О бедный малыш! Он ведь был уже в могиле. Да будет этот мальчик жив-здоров! — обхватив руками голову, вздыхал Сали-ата.

—И он все еще не может прийти в себя. Бредит во сне, кричит, зовет мать,— продолжал рассказывать Махкам-ака.

—Дай бог вам терпения и выдержки, уста! Ни на том, ни на этом свете не видеть вам нужды! А дочка ваша русская? — спросил Хамидулла.

—Пока не смогли уточнить. Думаю, или русская, или украинка. Документов никаких нет. Сама о себе говорит: я узбечка, дочь моего папы. Ласковая она. Стоит чуть задержаться на работе, она уже сидит у калитки, ждет.

Немногословный Махкам-ака, с тех пор как стал отцом большого семейства, с удовольствием рассказывал о своих детях.

—Полюбили вы их, как родных! Вырастут, на руках будут вас носить, вот увидите! — воскликнул Сали-ата.

—Пусть сбудутся ваши слова! — счастливо рассмеялся Махкам-ака.

—Сбудутся! Никогда не знать вам горя, мулла Махкамбай! Вы совершили доброе дело. Пусть будут живы-здоровы ваши дети, пусть живут в покое и мире.— Хамидулла посмотрел на часы.— Ого, пора уж и домой... Только бы Гитлера разгромить, а там...

—Отольются врагам слезы невинных,— твердо сказал Махкам-ака.

Люди начали собираться домой, но тут появился председатель артели Исмаилджан. Он целый день отсутствовал.

—Немного задержитесь,— попросил он кузнецов и уселся на стул. Чувствовалось, что он смертельно устал.

—Собрание решил на часок-другой устроить,— снимая спецовку, пошутил Сали-ата.

Привычка Сали-ата шутить и к месту и не к месту порой раздражала Махкама-ака, и он неодобрительно взглянул на товарища. Видит же, что Исмаилджану сейчас и без того трудно работать, зачем так бестактно подтрунивать над ним?

—А президиум избирать будем? — не унимался Сали- ата.

—Не оставляете вы своих шуток, отец. С одной стороны, это и хорошо,— добродушно рассмеялся Исмаилджан.

—Птица может умолкнуть, но Сали-ата молчать не в силах,— сказал кто-то.

—А дело, товарищи, серьезное,— тихо заговорил Исмаилджан.— Для нового эвакуированного завода нужны еще десять человек. Десять мастеров!

—Десять мастеров?! — удивился Сали-ата.— Помилуй, Исмаилджан, но под твоим председательством мы слышим только: «Дай, дай». Когда же скажешь: «Бери, бери»?

Исмаилджан пожал плечами: что, мол, поделаешь!

—В таком случае лучше закрыть мастерскую. Ведь это не парикмахерская.— Сали-ата указал в окно на противоположную сторону улицы.— Туда пришли женщины, чуть подучились и начали работать. У нас годы нужны, чтоб стать мастером.

—Пойми, Сали-ата, завод просит.

—Объяснять значение завода не надо. Оно понятно каждому. Но что будешь делать с планом мастерской? Ведь мы обязаны выполнять его в любых условиях!

Исмаилджан и сам знал, что план мастерской никто не пересмотрит и не изменит.

—Сам Кадырходжа-ака меня вызывал. Надеется, что не оставим завод без помощи,— более горячо заговорил Исмаилджан.

—Если надо, значит, надо,— громко, на всю мастерскую сказал Махкам-ака.

Упоминание о Кадырходже изменило настроение и Сали- ата. Он оглядел товарищей, широко развел руками:

—Кадырходжа ничего не делает необдуманно. Значит, надо. Наше слово такое, председатель: отдадим двоих из первой смены. Что скажете, товарищи?

—Пусть и другие смены подумают, как помочь заводу,— добавил Хамидулла.

—Спасибо, товарищи, за почин.— Исмаилджан встал, пожал руки Сали-ата, Махкаму-ака, Хамидулле.

Уже наступили сумерки и на улице зажглись фонари, когда Махкам-ака вышел из мастерской. Смена давно кончилась, но пришлось задержаться и обсудить, как расставить рабочих, чтоб не пострадало

дело из-за ухода двух мастеров.

В ста шагах от мастерской Махкам-ака встретил мальчика-казаха. Оба остановились. Мальчик доверчиво смотрел на кузнеца блестящими узенькими глазенками. Возможно, он даже поджидал его здесь.

—Ты где живешь, милый? У тебя ночлег-то есть?

Мальчик молчал, и Махкам-ака окончательно убедился: паренек бездомный, у него нет ни крова, ни хлеба.

И снова не раз уже испытанное чувство сострадания стиснуло сердце Махкаму:

—Пойдем ко мне, сынок. Будешь хоть не первым, но желанным.

Несколько секунд мальчик смотрел на кузнеца, потом порывисто взял его за руку.

Худенькая ладошка ребенка утонула в большой мозолистой руке Махкама-ака.

—Как тебя звать-то?

—Сарсанбай.

—Ну, пошли, Сарсанбай.

Они шли по полутемной и пустой улице, вдоль трамвайных путей, сверкающих под фонарями.

Открыв в темноте калитку, Мехриниса не сразу заметила, что Махкам-ака не один.

—Кто это? — спросила она, разглядев наконец мальчика.

—Еще одного сына привел тебе,— спокойно, как о чем-то самом обычном, сказал Махкам-ака.

—Еще одного?! — Мехриниса уставилась на мальчика, пытаясь разглядеть его в сумраке.

—Ты ведь не поздоровался, сынок.

—Салям,— тихонько проронил Сарсанбай.

Мехриниса приветливо ответила.

—И я привела еще одного,— робко прошептала она, поднимаясь вслед за Махкамом-ака на айван.

—Гм-м,— протянул Махкам-ака, удивляясь тому, как быстро увеличивается семья.

—Украинец. Зовут Остапом. Вы, оказывается, его знаете.

—Не может быть.

—Знаете. Вот послушайте. Вечером Назарова пришла опять. Долго ждала вас, рассказала про Остапа, про людей, которые его взяли, про то, как он обратно в детдом вернулся... Жалко мне стало его. Пошла с

Назаровой и привела мальчика к нам. Привести-то привела, а он все никак не может развеселиться. И не разговаривает, и не ест. Тяжело, видно, у него на душе.

Махкам-ака наклонился к уху жены:

—Раз уж так получилось, отведу завтра Сарсанбая в детдом. А сегодня пусть переночует.

—Что вы, отец? Разве так можно? Получится, что мы его выгнали. На всю жизнь обиду запомнит и прав будет.

—Боюсь, не совладаешь ты с такой семьей. Видишь, я-то как занят работой! Обихаживать детей надо, кормить, одевать...

—Оставьте! Только что при Назаровой осуждала я приемных родителей Остапа... Нет, нет, нельзя ни в коем случае выгонять мальчика! Чем он хуже остальных? Да и не останется он у нас без куска хлеба.

—Подойди-ка, сынок, ко мне.

Мальчик подошел к Мехринисе.

Она погладила его по голове, по плечам, задумалась:

—Пожалуй, помоем тебе пока только лицо и руки. А утром уж искупаем. Поздно сейчас.

Глава четырнадцатая

Мехриниса, как обычно, поднялась чуть свет. Она поставила самовар и попросила мужа:

— Сегодня вы вроде собирались работать дома... Побрейте голову Сарсанбаю. Грязный он, будто вылез из паровозной топки. Постараюсь искупать его до завтрака.

—Чего же ты хочешь? Скитался по поездкам, по дорогам. Разбуди его.

Мехриниса вошла в комнату и наклонилась к Сарсанбаю, спавшему у входа. Мальчик быстро вскочил с постели.

—Вот молодец, с первого слова поднялся. Эй, Витя, вставай и ты! Слышишь, Витя!.. Никак не проснется...

Махкам-ака усадил Сарсанбая на айване и намочил ему голову. Сарсанбай опасливо спросил:

—А что, если не брить, амаки?

—Нельзя, сынок. Голова у тебя очень грязная. А разве больно?

—Больно!

—Потерпи немного.

В дверях появился заспанный Витя. Он сделал шаг вперед и остановился, увидев Сарсанбая.

— Что, еще одного привели? — оторопело спросил мальчик.

Вслед за Витей на айван вышел Остап. Он с любопытством смотрел и на Махкама-ака и на Сарсанбая.

— Меня этот дядя привел первым, понял? — повернулся к Остапу Витя. — Он мой папа, понял?

Кончив брить Сарсанбая, Махкам-ака подошел к Остапу.

— Ну, сынок, узнал меня?

— Узнал. Видел вас в детдоме.

— Молодец, не забыл. Как ты спал? Останешься здесь или и от нас убежишь? — ласково спрашивал Махкам-ака.

Остап засмутился, промолчал.

— Эй, мать, можешь купать Сарсанбая.

Мехриниса принесла ведро воды, мыло, мочалку и положила все рядом с тазом. Позвав Сарсанбая, сняла с него рубашку, затем попыталась снять штаны. Но Сарсанбай крепко ухватился за пояс штанов и молча пыхтел.

— Вода остынет! Что ты делаешь?

— Не сниму. — Мальчик вцепился в штаны еще крепче.

Махкам-ака подошел к Мехринисе.

— Отойди-ка, сам искупаю. Снимай, сынок, штаны!

Как только Мехриниса вышла, Сарсанбай разделся и влез в таз. Махкам-ака зачерпнул чашкой воду из ведра и вылил на него. Сарсанбай вздрогнул, изо всех сил закрыл глаза.

— Витя, иди сюда. Бери мыло и мочалку. Потри-ка ему спину.

— Фу, какой грязный. — Витя брезгливо поморщился и продолжал стоять, задрал нос.

— Такой и ты был, когда пришел к нам. Давай лей скорее.

— Мылом его все равно не отмыть, — сказал Витя.

— А чем же?

— Скребницей. Чем лошадей чистят.

— Перестань болтать, потри ему спину.

— Да ну его. Пусть сам и трет себя, если надо. — Витя упрямо заложил руки за спину.

— Ах ты, неумеха! — рассердился Махкам-ака и позвал Остапа: —

Иди сюда, сынок, возьми мочалку.

Остап нехотя подошел, взял в одну руку мочалку, в другую мыло, начал тереть Сарсанбая.

—Сильнее, сынок. Что ты как неживой?

Остап стал тереть сильнее, но вдруг у него на глазах появились слезы и потекли по щекам. Махкам-ака не успел спросить, в чем дело, потому что громко заплакал Витя, обиженно сидевший на краю айвана. Подбежавшая к Вите Галя тоже захныкала. Махкам-ака растерянно оглянулся и крикнул Сарсанбаю:

—Что же ты молчишь? И ты плачь.

Сарсанбай принял его слова за чистую монету и заревел во весь голос. Вбежала испуганная Мехриниса.

—Ой! Что тут случилось?

Махкам-ака пожал плечами, недоуменно обводя взглядом плачущих детей. С его мыльных рук капала пена. Так ничего и не поняв, он повысил голос:

—Хватит! Замолчите сейчас же!

Дети моментально умолкли.

—Ну, почему ты плакал? — спросил кузнец у Вити.— Ну, скажи!

—Зачем вы Остапа стали звать сынком? Ведь я ваш сын.

—И ты мой сын, и он, и Абрам, и Сарсанбай. А Галя моя дочь. Понял? Все вы мои дети.— Махкам-ака старался говорить спокойно, мягко, ласково улыбался.

Витя еще больше надулся и продолжал сидеть, свесив ноги и шмыгая носом.

—Ну, доченька моя, тараторка, ты почему заплакала? — обратился Махкам-ака к Гале.

—Из-за Вити. Я подошла к нему, спросила: «Почему плачешь?» А он больно ущипнул меня.

—Вот как! — Махкам-ака бросил на Витю сердитый взгляд.

—Ну а с тобой что произошло? — обратился кузнец к незаметно появившемуся среди них Абраму.

—Да я же не плакал, дада,— ответил тот удивленно.

—Он только ночью плачет,— буркнул Витя.

—А ты почему плакал? Такой большой мальчик! — спросила Мехриниса, подходя к Сарсанбаю.

—А мне сказали: плачь, вот я и заплакал.

Все весело и дружно рассмеялись.

Когда дети смолкли, Махкам-ака решил расспросить Остапа. Тот по-прежнему был молчалив, и даже общий смех не развеселил его.

—Один Остап не сказал нам, почему он плакал. Скажи, сынок.

—Сестренка...— Остап снова зарыдал.

—Что сестренка? Расскажи-ка нам.— Мехриниса обняла мальчика, приласкала его.

— У меня сестренка потерялась.

—Где же она потерялась?

—Здесь, на вокзале. Когда мама умирала, она сказала: «Нет у тебя никого, кроме Леси. Будьте всегда вместе».— Остап заплакал еще сильнее.

—Перестань плакать, будь мужчиной. Слезами горю не поможешь. Сейчас вот позавтракаем и пойдем искать твою сестренку. Согласен?

Махкам-ака торопливо домыл Сарсанбая и после того, как тот оделся, показал его детям:

—Посмотрите на Сарсанбая! Какой он чистенький, красивый стал!

—Фу, тоже мне красивый! Голова как белый арбуз,— не удержался Витя.

Махкам-ака был очень недоволен поведением Вити, ему хотелось прикрикнуть на мальчика, но он сдержался:

—Вот и неправда, Витя. Посмотри, какая у него круглая, славная головка. Ну, что, мать, будем завтракать или мне тоже заплакать?

—Дада, ну, дада, поплачьте разок! — хватаясь за полы его халата, восторженно закричала Галя.

—Не надо, доченька! Пусть уж лучше такое никогда не случится. Когда мужчина плачет — это совсем плохо. Пошли в дом, попьем чаю. Остап, выше голову, сынок! Сестренку поищем. А пока убери-ка это ведерко. Вот и молодец! Хорошо!

После завтрака Махкам-ака быстро собрался и ушел, ведя за руку Остапа. Мехриниса не советовала мужу отправляться на поиски:

—Зря только убьете время, устанете! Остап же говорит, что ее уже искали. Если бы Леся была в городе, найти ее было бы просто. Но наверное, девочку увезли куда-то в районы.

Кузнец не послушался жены.

—Без надежды один шайтан живет.

Махкама-ака очень тронуло отношение Остапа к наказу матери. «С такого возраста он считает священными материнские слова! Хороший из него человек вырастет! Поищу хоть для успокоения

его души».

Шли молча. Вероятно, Остап был по натуре немногословен, а может быть, его крохотное сердце так сжимало горе, что и слова-то никакие не рождались. Кузнец же был поглощен своими мыслями.

В трамвае оказалось пусто. Поток людей, спешивших на работу, уже схлынул. Махкам-ака с Остапом поехали.

Вот и знакомый детский дом на Самарканд-Дарбазе. Взяв Остапа за руку, кузнец направился к директору.

К счастью, директор Назарова оказалась на месте, хотя, судя по застегнутому портфелю на столе, вот-вот собиралась уйти. Выслушав просьбу Махкама-ака, она долго листала большую книгу. Остап сидел на стуле, крепко сцепив руки и не отрывая взгляда от большой книги,— надеялся, что тетя непременно скажет, где его сестренка.

Тщательно просмотрев бумаги, Назарова покачала головой:
—Нет, Лесю Трищенко к нам не привозили.

Остап окончательно пал духом, как-то весь сжался в комок.

Прощались. Вышли во двор. Махкам-ака принялся успокаивать мальчика:

—Не огорчайся, сынок, не теряй надежды. Послушай, что я вспомнил.

Желая развлечь Остапа, Махкам-ака рассказал историю, происшедшую с ним, когда он впервые пришел в этот детдом на Тахтапуле. Кузнец рассказывал длинно, весело и кончил только тогда, когда они подошли к следующему детдому. И здесь директор так же обстоятельно листал толстую книгу, озабоченно морщил лоб, а под конец сказал:

—У нас Леси Трищенко не было. Попробуйте зайти в двенадцатый.

Они опять двинулись в путь. Махкам-ака попытался занять Остапа новой смешной историей, но и на этот раз не имел успеха: мальчик два раза улыбнулся, но веселее не стал.

—Зайдем-ка, дружок, выпьем чаю,— предложил кузнец и круто повернул к чайхане.

Едва они переступили порог чайханы, началась передача последних известий. Седобородый старик с пиалой в руке уставился в громкоговоритель. Его сосед замер с чайником в руке. Чайханщик, вытирая посуду кончиком перекинутого через плечо полотенца, тоже застыл, не отрывая глаз от репродуктора. У входа торопливо ели женщины в спецовках. Они оставили тарелки, примолкли. На приход

Махкама- ака никто не обратил внимания. Кузнец посадил Остапа на низкую деревянную кровать, застланную ковром, уселся рядом с ним.

«После ожесточенных боев наши войска оставили город...» — разносилось по чайхане.

Все сурово молчали. Только одна из женщин громко всхлипнула и заплакала. Все поняли, что город, захваченный врагом, почему-то ей особенно дорог. Может быть, там родилась, училась, а может, и теперь в этом городе жили близкие люди...

Передача окончилась, и репродуктор выключили. Молчание нарушил старик с пиалой в руке.

—Большой кусок захватил, шакал,— сказал он тревожно и вздохнул.

В разных углах чайханы его слова вызвали взволнованные отклики:

—Подавится он, отец! Рано или поздно подавится!

—Города берет, а народ покорить не сможет.

—Пусть никогда не оскудеют наши силы!.. Людей у нас много.

Махкам-ака в разговор не вмешивался. Он развернул поясной платок, высыпал на поднос разломанную лепешку, сушеный урюк.

—Бери, сынок, ешь с урюком. Сытнее будет.— Он налил чаю в пиалу и подал Остапу.

Затем Махкам-ака постучал крышкой о чайник, подозвал чайханщика, принялся угощать его:

—Посидите с нами, отведайте наших гостинцев.

Чайханщик, узнав кузнеца, с удовольствием присел. Махкам-ака подробно рассказал об Остапе, о поисках его сестренки. Потом заговорил чайханщик:

—Уста Парпи с Пасткуча тоже взял ребенка. И еще: помните усатого сапожника, у хауза⁴⁵ жил? Он тоже взял, говорят, девочку. Потом... еще учитель, в очках такой, когда- то преподавал на курсах ликбеза. Тоже взял ребенка. Не знаю вот, девочку или мальчика. К нему вам надо бы зайти... Многих он сирот по людям пристроил.

—Спасибо за совет. Авось помогли нам напасть на след. Доедай, сынок, да пойдём,— заторопил Махкам-ака Остапа:

Чайханщик погладил мальчика по голове, подбодрил:

—Найдется твоя сестренка. Не иголка все-таки — человек!

---

⁴⁵ Хауз — бассейн, искусственный водоем.

Остапу очень понравился чайханщик, и не только потому, что укрепил его надежду на встречу с сестрой. Ловок он! С тяжелым чайником в руке чайханщик двигался легко, быстро, играючи наливал в чайник кипяток из огромного самовара и к тому же бесшумно появлялся перед посетителями, стоило только постучать крышкой.

Мальчик даже повеселел и, отодвинув от себя пустую пиалу, сказал:
—Очень я наелся. Спасибо.

Взявшись за руки, они пошли на Пасткуча. Но и тут их ожидала неудача: оказалось, что уста Парпи взял мальчика, а не девочку.

Махкам-ака и Остап двинулись дальше, к дому у хауза. Разыскав одностворчатую низенькую калитку, постучали. Вышла женщина средних лет и с ней девочка — дошкольница, в новом платье из атласа. Женщина сочувственно выслушала Махкама-ака и сказала:

—Наша девочка вот она — перед вами... И к учителю бесполезно идти. У него дочь большая, ей не меньше десяти лет.

Махкам-ака задумался.

—Что же нам делать, сынок?

Остап молчал, но в глазах у него уже стояли слезы.

—Пойдем заглянем еще в клуб. Люди говорили, что там тоже разместили детей. А ты не устал? Ведь целый день колесим.

Остап был готов всю ночь напролет ходить по окраинам, лишь бы не прекращать поиски.

Когда Махкам-ака и Остап добрались до клуба, было уже совсем поздно. Темноту разрывали редкие огоньки. На крыльце клуба сидел сторож, низенький и очень толстый, словно обложенный подушками.

—Здравствуйте! Чем могу быть полезен? — вежливо спросил он.

Махкам-ака объяснил, в чем дело.

Сторож близко принял к сердцу чужую беду, заволновался:

—Вот не знаю, как быть... Директора уже нет. С детьми одна воспитательница. Они все спят. Если только мальчик сам посмотрит...

—Это было бы замечательно. Дай аллах вам счастья!

—Что вы, что вы! И не благодарите! Пойдемте поскорее. И пожалуйста, тихонечко... Совсем тихонечко...

На цыпочках вошли в клуб. В просторном зале на плотно составленных койках спали дети. Коек не хватало, и кое-где ребята лежали по двое. В полумраке зала, освещенного одной маленькой лампочкой, Остап, пробираясь между койками, терпеливо заглядывал в лица спящих. Мальчик обошел несколько раз весь зал, но Леси не было.

— Нету, — Остап понурил голову.

Сторожу стало жалко мальчугана, захотелось хоть чем-то помочь ему.

— А были в третьем детдоме? — спросил он у Махкама-ака.

— Были.

— А в шестом?

— И там были.

— А не пробовали искать ее в детдоме на Тахтапуле?

— Мы побывали, пожалуй, во всех детдомах.

— Еще бы на вокзал заглянуть.

— Да, остался только вокзал. Но стоит ли туда ехать ночью? — вслух размышлял Махкам-ака.

— А на вокзале что ночь, что день. Там жизнь никогда не затихает, — резонно возразил сторож.

— Давай, сынок, попробуем на вокзал съездить. Может, повезет нам.

Махкам-ака, прихрамывая от усталости, направился к трамвайной остановке. Остап медленно брел за ним.

Привокзальная площадь и все близлежащие скверы были забиты народом. Люди сидели на скамейках, на мешках, на чемоданах, боясь встать со своего места, чтобы его не заняли другие.

Невозможно было без жалости смотреть на эту пеструю толпу. Женщины, старики, дети. Изношенная одежда, рваная обувь, плохо спасающие от холода. Почти у всех опухшие лица, утомленные, страдальческие глаза.

Ташкент уже несколько месяцев непрерывно принимал под свой кров эвакуированных. Казалось, город перенасыщен людьми, задыхается от тесноты, но постепенно всех прибывших все-таки размещали. Каждую крохотную комнатку, каждый свободный угол местные жители уступали эвакуированным, делясь с ними последней ложкой постного супа, последней горстью сушеного урюка.

И все же сотни людей надолго застревали на вокзале: временно они жили здесь, прямо на площади, на скамейках, на жухлой, прихваченной морозом траве. Махкам-ака, конечно, не ожидал увидеть такого скопления беженцев. Он крепче сжал руку Остапа и, обходя тех, кто спал прямо на тротуаре, медленно двинулся к зданию вокзала.

Вдруг перед ними с земли поднялась женщина в ветхой одежде, с худым лицом и большими блестящими глазами. Она сдернула с пальца золотое кольцо и протянула Махкаму-ака:

— Денег не беру. Хлеба, хлеба... для моего мальчика... — Женщина расплакалась, указывая на ребенка, лежавшего поверх какого-то мешка.

Кузнец отвел ее руку, развязал поясной платок, достал два кусочка хлеба, остатки сушеного урюка. Широко раскрытыми глазами женщина смотрела на Махкама-ака.

— Берите, берите! Что ж здесь особенного? — сказал он.

— Возьмите кольцо, — тихо, но настойчиво попросила женщина.

Махкам-ака взял. Только тогда она успокоилась и подала хлеб и урюк ребенку. Махкам-ака не спешил уходить. Медленно он протянул руку женщине. Решив, что незнакомец хочет попрощаться с ней, женщина тоже подала руку. Кузнец вложил в ее ладонь кольцо, сжал пальцы и, подтолкнув Остапа, быстро пошел, не оборачиваясь. Мальчик схватил Махкама-ака за руку, и по тому, как он сделал это, как прижался к нему, кузнец понял: ничто не ускользнуло от зорких детских глаз.

Эвакопункт Махкам-ака и Остап нашли довольно быстро и сразу объяснили девушке с красной повязкой причину своего прихода. Девушка открыла книжку — тоже толстую — и стала ее перелистывать. Махкам-ака и Остап в это время разглядывали детей — они лежали по углам на матрацах. Видимо, малыши были больны, никто из них не поднимал головы, некоторые тоненько хныкали. Две другие девушки с красными повязками успокаивали детей.

— В списках такой девочки нет, амаки, — услышал Махкам-ака. — А объявления вы не читали?

— Какие объявления? — не понял огорченный кузнец.

— Те, что на улице. Они расклеены повсюду.

— Не заметил, доченька.

— Темно, поэтому вы и не заметили. Масуда, иди-ка сюда, — позвала дежурная одну из девушек, склонившихся над больными детьми. Девушка тут же подошла и поздоровалась с Махкамом-ака. — Фонарь при тебе?

— А что?

— Возьми фонарь и покажи этому амаки все объявления.

Масуда вывела Махкама-ака и Остапа на улицу. Все стены огромного здания были обклеены объявлениями.

Масуда подняла фонарь.

«Коля! Каждое воскресенье в шесть часов вечера я жду тебя здесь. Твоя мама Мария». Огонек высветил тетрадочный лист в клетку: «Доченька Оксана! Мы с твоей бабушкой устроились в заводском

общежитии. Наш завод тот же самый. Адрес узнай в эвакуопункте. Евдокия Горбатенко». «Ищу сына,— крупными буквами было написано на газетном клочке,— ему шесть лет, волосы курчавые, на носу с левой стороны родинка. По гроб буду благодарна тому, кто сообщит о сыне. Заранее спасибо ему. Елизавета Синикайте. Мой адрес: махалля Гайрат, дом 134...» «Тамарочка! Я буду у входа в шестой зал. Твоя мама Валентина».

—Про вашу девочку здесь ничего нет,— сказала Масуда и повела Махкама-ака и Остапа к столбу. Его тоже облепили объявления. Масуда пробежала их глазами — и здесь ничего о Лесе не было. Потом они втроем подошли еще к одному столбу, еще к одному, осмотрели стены всех зданий на площади. Махкам-ака чувствовал, как у него сжимается от боли сердце: за каждым объявлением стояла человеческая судьба. Кузнец живо представлял себе несчастных детей, истосковавшихся в разлуке с родными, слезы их матерей. Сколько надежд у каждого было связано с этими клочками бумаги!

Читая объявления на стене двухэтажного дома, Масуда невольно рассмеялась:

—Послушайте, что пишет одна девица: «Всю дорогу я думала о тебе. На вокзале потеряла из виду. Я не могу жить без тебя. Олесь, дорогой, приходи к нам, ладно? Мы живем на заводе. Адрес наш возьми в эвакуопункте, знаешь, да? Жду тебя, жду... Галя Проценко».

—Молодость, доченька,— усмехнулся Махкам-ака.— Возможно, они и найдут друг друга. А почему во многих письмах адрес велят узнавать в эвакуопункте?

—Среди эвакуированных заводов есть оборонные. Называть их адреса нельзя. Сами знаете, всякие люди бывают,— сказала девушка серьезно.

—Правильно,— согласился кузнец.

Они подошли к деревьям, росшим вдоль тротуара. И вдруг из темноты к ним бросилась женщина.

—Я Марина! Это я! — закричала она, протянув руки к Масуде.

—Знаю вас, помню,— спокойно ответила Масуда.

—Дочь сейчас придет. Она уже где-то здесь.— Женщина вдруг умолкла и кинулась к обочине тротуара, села там и застыла в страшном напряжении как вкопанная.

Масуда подвела Махкама-ака к стене ближайшего здания, негромко прочитала:

—«Доченька, если ты в Ташкенте, приходи в восемь часов к этому дереву. Я каждый день буду ждать тебя. Я твоя мама Марина». Это как раз ее письмо.

—Кто эта женщина? — спросил Махкам-ака.

—Помешалась она. Каждый день в восемь часов приходит сюда. Сидит, сидит, пока не продрогнет вся. Иногда заходит в эвакуопункт. Спрашивает про дочь. Мы успокаиваем ее, утешаем.

—Бедняжка! А розыски ведутся?

—Дочь ее умерла.

—И она не знает?

—Дочь ее, уже взрослую девушку, фашисты застрелили прямо у нее на глазах...

—О аллах! И после всего этого она еще держится на ногах!

—Ей все кажется, что дочь жива... Сноха ее работает на фабрике, а живут они по ту сторону вокзала. Иногда сюда приходит сноха, уговаривает ее, уводит домой,— рассказывала Масуда.

—Ужас, доченька, ужас! Неслыханно, невиданно... О аллах...— шептал Махкам-ака.

У дверей эвакуопункта Махкам-ака и Остап расстались с Масудой.

—Если что-нибудь узнаем о вашей девочке, я сама вам сообщу,— пообещала Масуда на прощание.

Усталые и голодные, Махкам-ака и Остап сели в трамвай. Остап совсем скис, тихонько и жалобно посапывал. Устроившись у открытого окна, он грустно разглядывал вечерний город. Махкам-ака снова был занят своими мыслями: «Сколько людей я потревожил, сам целый день мотался, и все зря. Так уж устроен человек... Появляется в этом мире — и постепенно сам, со всеми своими заботами, становится целым миром... Вот и эта кроха Остап — он тоже целый мир. А те, кто остался дома? Веснушчатый Витя, конечно, целый мир. Маленький, но с характером, ревнивый, злючка. А Абрам! Бедный мальчик! Будто с того света вернулся... Столько пережить... А курносая? А Сарсанбай? Бедовый, проказник. Постеснялся снять штаны. Значит, уже большой стал... Надо принаравливать к настроению каждого, знать, что любит, чего не любит... Дети — украшение земли. Что она без них? Пустыня! Неужели Гитлер не знает этого? Прости, аллах, уж не зверь ли он в человеческом облике? Но власть его ненадолго. Не зря говорят люди: слезы овцы заставляют слепнуть даже волка!

Вдруг Остап увидел на тротуаре женщину с девочкой. Он взгляделся

в них и, вскочив, закричал:

—Леся! Вон она — Леся!

Трамвай поворачивал за угол. Махкам-ака, хоть и не поверил Остапу, бросился к водителю.

—Будьте добры, остановите трамвай!

—Нельзя,— категорическим тоном ответил водитель.

—Мы ищем сестренку вот этого мальчика, и, представьте, он увидел ее сейчас. Остановите, пожалуйста.

Вагоновожатый бросил взгляд на Махкам-ака, на Остапа и затормозил. Мальчик спрыгнул на землю и стрелой помчался назад вдоль трамвайных путей. Кузнец бежал следом, но скоро начал задыхаться и остановился.

—Хватит, сынок! Наверное, тебе показалось! — крикнул он Остапу.

—Это она, Леся,— откуда-то из темноты ответил Остап.

—В каком направлении они пошли?

—Вот сюда, за угол. Вы подождите меня здесь. Я пробегу подальше. Ле-е-е-ся! Я Остап!

Голос Остапа гулко разносился по безлюдной улице. Мальчик бежал по аллее маленького скверика. Внезапно аллея разделилась на две уходящих в разные стороны. Остап остановился в растерянности и опять громко выкрикнул имя сестры.

И вдруг из глубины аллеи донесся голос девочки:

—Я здесь!

—Ле-е-е-ся!

—Ос-та-а-ап!

Дети встретились у памятника в центре скверика. Леся повисла у брата на шее. Остап крепко обнял ее и долго не отпускал. Трудно было понять, плачут они или смеются. Взволнованный Махкам-ака с трудом обрел дар речи.

—Слава аллаху, нашли друг друга! — Он снял поясной платок и утирал пот с лица.

Женщина озадаченно смотрела то на детей, то на Махкама-ака, дышавшего шумно и с трудом.

—Что теперь делать? Что же делать? — с беспокойством заговорила она наконец.

—Хорошо, что дети нашли друг друга. А что делать дальше, подумаем,— успокаиваясь, сказал Махкам-ака.

—Если брат останется у вас, а Леся у меня... Согласятся ли они?.. А

вы что, заменили ему отца? — вдруг спохватилась женщина.

—Радуйтесь, сестренка, что они нашли друг друга. Настрадались дети. Видите, боятся разойтись. Назарова, директор детдома, уж так будет довольна! А моя жена просто не поверит. Ах, какой большой праздник!

Махкам-ака чувствовал сейчас такую радость, что всю усталость как рукой сняло. На душе стало легко, и он не понимал в этот миг до конца, отчего тревожится женщина.

—Ну, Остап, хватит тебе, хватит обнимать сестренку. Дай и нам поздороваться с ней.

—Поздоровайся, Леся. С этим дядей мы ищем тебя с самого утра.— Остап не снимал руку с плеча сестры.

—Хорошая ты моя, золотая ты моя! — Кузнец взял девочку на руки, гладил ее по голове своей широкой ладонью.

Женщина была подавлена всем происходившим. Она не сводила глаз с Леси, нервно комкала платок. Махкам-ака опустил девочку на землю, и та снова прильнула к брату.

—Теперь их никакая сила не разлучит,— шепнул Махкам-ака женщине.

—Понимаю вас. Взяла бы я брата, да, боюсь, трудно будет. Одна я...

—Тогда я возьму девочку,— сказал Махкам-ака.

—Что? Ой, нет, нет... Я уже привязалась к ней, полюбила ее.— Женщина говорила с трудом, слезы душили ее.

И тогда Махкам-ака обратился к Остапу:

—Слушай-ка, сынок: тетя, оказывается, живет совсем одна. Сегодня ты оставайся с Лесей у тети. Побудешь с сестренкой, поговорите. Завтра я навещу вас. Если понравится, останешься там. Не понравится, возьму вас к себе. Ну, а если не понравится и у нас... подумаем.

Женщина была довольна таким решением.

—Спасибо вам. Пусть будет так. Ну, пошли, дети...

Но вдруг Остап прижал к себе Лесю и твердо сказал:

—И сам не пойду, и ее не отдам. Хочу домой, к Вите, к Абраму, к Гале...

Махкам-ака взглянул на женщину, пожал плечами.

—Доченька моя, неужели оставишь меня одну? — Женщина кинулась к девочке, принялась ее целовать. Но та стояла не шелохнувшись, крепко держалась за брата.

И тут в разговор снова вступил Махкам-ака:

— Не горюйте, приходите к нам, станем друзьями, а с моей женой будете названными сестрами.

— Спасибо, амаки, приду.— Женщина открыла сумку, под фонарем, горевшим на столбе, записала на клочке бумаги адрес. Потом она долго стояла посередине сквера, опечаленная, подавленная, махала рукой, готовая по первому знаку броситься вслед за девочкой и вернуть ее...

Спустились сумерки, и Мехринису охватило страшное беспокойство. Махкам-ака и Остап точно сгнули. Ужин в котле разварился, и она, накормив детей, отправила их спать. В тишине тревога стала еще острее. Нервничая все больше и больше, Мехриниса то и дело выбегала во двор, прислушивалась и торопилась обратно. Перед глазами стояла жуткая картина: закрытый гроб с телом Салтанат, арба, на которой девушку привезли из морга.

За калиткой слышались голоса и шаги. Мехриниса застыла на крыльце. Вот наконец вошли Махкам-ака, Остап и, кажется, кто-то третий.

— Где же вы запропали? С утра у меня дергался глаз и на душе было тревожно, поэтому я не хотела вас отпускать!

— Нашли! — радостно воскликнул Остап, пропуская сестренку вперед. Он подвел ее к Мехринисе, тоном взрослого сказал: — Это наша мама. Поздоровайся с ней, Леся. Она очень, очень добрая.

— Здравствуйте! — тихо проговорила девочка, побаиваясь Мехринисы и все еще прижимаясь к Остапу.

— Здравствуй, здравствуй, маленькая. Ну-ка, ну-ка, дай я на тебя посмотрю.— Мехриниса опустила на корточки, и девочка вдруг доверчиво бросилась ей в объятия.

— Какая ты хорошая, ласковая девочка! Где же ты была? Искали тебя, искали... Теперь мы тебя изо всех сил беречь будем...

«Странные люди эти женщины,— думал Махкам-ака, наблюдая за женой.— Как быстро у них гнев сменяется радостью, тревога спокойствием. Вот и сейчас: забыла обо всем на свете Мехриниса, не выпускает девочку из объятий, будто и в самом деле встретилась с родной дочерью».

Суматоха в доме, говор, громкий, радостный смех Остапа подняли детей. Да они и не думали спать, тревога матери передалась им, прогнала сон.

Увидев в объятиях Мехринисы Лесю, Галя тоже подбежала к матери и обхватила ее за шею.

—Ойи! Ойиджан!

—Вот тебе и подружка, доченька. Играйте вместе, растите как сестренки.— Мехриниса выпустила наконец Лесю из объятий и поднялась за мужем на айван.

—Знаете, дада, без вас приходил фотограф. Сфотографировал нас всех. Сказал, что еще придет,— поспешно сообщил отцу Вита.

—«Отец ваш герой, ребята»,— сказал он. Это правда, дада? — заглядывая в глаза Маххаму-ака, спрашивал Абрам.

—«И мама героиня»,— сказал фотограф.— Это поспешил добавить чуткий Сарсанбай.

Маххам-ака, снимая халат, вопросительно посмотрел на жену, не понимая, что происходит.

—Они правду говорят. Приходил какой-то товарищ из газеты. Расспросил обо всех детях, записал, сфотографировал, велел вам привет передать,— подтвердила жена.

—Для чего же?

—Сказал, еще придет. Хочет поговорить с вами. Думаем, говорит, написать о вас в газете, о том, что вы усыновили детей, воспитываете их...

—Да мы ли одни делаем это? — удивился кузнец.— О чем тут писать? Лучше бы написали, какие мытарства перенесли дети. Пусть знают люди по всей земле о муках, что принес нам Гитлер.

—Ну, ладно! Нечего волноваться! Как захотят, так и сделают. Может, и ничего не напишут,— успокаивала мужа Мехриниса и позвала его ужинать вместе с Лесей и Остапом.

Глава пятнадцатая

Кадырходжа нервничал. Он вставал, ходил по кабинету, пытаясь собраться с мыслями. Неприятности, казалось, обступили его со всех сторон, и нет сил от них избавиться. Он взял из пепельницы потухшую папиросу, сунул в зубы и чиркнул зажигалкой. Зажигалка не работала — видимо, кончился бензин.

Кадырходжа повернулся к телефону; набирая номер, он машинально крутил колесико зажигалки, все крепче сжимая зубами

папиросу. Номер не отвечал. Кадырходжа раздраженно швырнул зажигалку на стол и зашагал по кабинету.

—Правильно вчера сказал Махкам-ака, с таким углем какая может быть производительность! Только дым и чад.

Кадырходжа вспомнил возмущенного кузнеца: угрюмый, по глубоким морщинам на лбу бежит пот, руки в копоты... Махкам-ака раздувал мехи, а уголь не разгорался, черный дым валил все сильнее, заполняя кузницу...

Кадырходжа вышел в приемную, где секретарша печатала на машинке.

—Муяссар, доченька...

Впрочем, тут Кадырходжа понял, что фразу можно и не продолжать: у молодой некурящей женщины не может быть ни спичек, ни зажигалки. Махнув рукой, он направился в плановый отдел, молча прикурил от козьей ножки Ивана Ивановича и поспешно, точно боясь вопросов, ушел.

Посмотрев вслед директору, Иван Иванович переглянулся с сослуживцами: чем-то, видно, обеспокоен Кадырходжа.

В кабинете с зажигалкой в руке стояла Муяссар:

—У бухгалтера иногда бывает бензин. Я схожу.

Муяссар догадалась, что Кадырходжа ее не слышит, углубившись в свои мысли, и выскользнула в открытую дверь.

В это время зазвонил телефон. Кадырходжа поднял трубку:

—Слушаю. Здравствуйте! На вокзале? Извините, я не понял — именно на вокзале?.. Буду... Да, да... Спасибо.

В недоумении директор пожал плечами: «Почему заседание бюро будет на вокзале? Если речь пойдет о работе железной дороги, то при чем тут мы? И в девять. Главное, что в девять... Ведь в девять уезжает Мутабар...»

Вошла Муяссар.

—У бухгалтера тоже бензина не осталось, но он дал кремень. Вот...— Муяссар положила на стол безжизненную зажигалку, два кремневых камешка и железную трубочку с торчащим из нее фитильком.

Кадырходжа смотрел перед собой, машинально трогая рукой чернильный прибор, и, казалось, ничего не слышал.

Муяссар хорошо знала своего начальника: расспрашивать его ни о чем не нужно, захочет — сам скажет. Она делала вид, что наводит

порядок в кабинете: выбросила окурки из пепельницы, взяла подписанные бумаги, еще не просмотренные отложила в сторону.

Забыв о присутствии Муяссар, Кадырходжа достал из коробки папиросу, протянул руку к зажигалке. Тут опять вмешалась секретарша:

— Вот же кремьень. Дайте я вам зажгу.— Она ловко высекла огонь из кремня, зажгла фитиль и подала Кадырходже.

Кадырходжа неволью улыбунулся:

— И ты, оказываеюся, научилась, дочеюнка.

— Мой Турбаджан тоже пользуется таким кремнем. Когда нет спичек, я и сама его употребляю.

— Да, война нас многому научила. Ничего, переживем и забудем эти дни, дочеюнка...

Муяссар была довольна, что Кадырходжа заговорил. Воспользовавшись этим, она хотела было открыть ему и свое горе, но не решилась. Казалось, выскажи она беду словами — и то, чему сама до сих пор не хотела верить, станет явью.

Муяссар тяжело вздохнула. Кадырходжа посмотрел на нее и вдруг заметил, как она бледна.

— Дочеюнка, что с тобой? Посмотри-ка на меня.

Муяссар отвернулась, закрыв лицо руками, и убежала из кабинета. Кадырходжа вышел в приемную, взял плачущую навзрыд Муяссар за руку, увел к себе, усадил на диван.

— Что случилось, дочеюнка? — Кадырходжа налил в стакан воды, но Муяссар не могла успокоиться. Рыдания сотрясали ее тело.— Ну, говори же! Что случилось? — требовательно повторил Кадырходжа.

— Мой муж,— с трудом выговорила Муяссар,— уезжает... На фронт...

Кадырходжа встал с дивана, на котором сидел рядом с Муяссар, подошел к столу, взял папиросу, протянул было руку к зажигалке, но, вспомнив, что она не действует, прибег к кремню.

— Когда? — обернулся он к Муяссар.

— Вечером. В девять.

— В девять! Что же ты сидишь здесь? Почему до сих пор не сказала?

Муяссар молчала, не отрывая глаз от чернильного пятна на гладком ковре.

— Слушай, собери свою работу и немедленно уходи домой,— мягко сказал Кадырходжа.— Турабджан уезжает, а она... Ну, сейчас же!..

Муяссар была уже у двери, когда Кадырходжа остановил ее:

—Ты сказала, в девять, да? Возможно, дочка тоже уедет этим поездом.

—Кто? Кто? — не веря своим ушам, всполошилась Муяссар.

—Мутабар.

—Ой, Мутабар? Как же так? Не окончив института? — Потрясенная Муяссар стояла, широко раскрыв глаза.

Кадырходжа ничего не мог ответить на этот вопрос. Заложив руки за спину, он снова начал расхаживать по комнате.

—Почему же вы мне не сказали раньше? — с сочувствием глядя на начальника, еле слышно спросила Муяссар.

—Стало известно, доченька, только вчера вечером. Ну, давай, не задерживайся. В девять, в девять. Все в девять! Иди!

Кадырходжа положил руку на плечо застывшей без движения Муяссар и легонько подтолкнул ее к двери.

Вот так и бывает — все сразу сваливается, все беды, все неприятности... Угля нет. Металла хватит только до конца месяца. А кузнецы, способные одним ударом молота развалить надвое наковальню, ушли на фронт. Остались старики, дети и женщины. А тут новый заказ...

И еще вдобавок Мутабар. Единственная его дочь — счастье, жизнь, свет его очей...

Кадырходжа сидел на стуле, уставившись невидящим взглядом в окно, и думал, думал...

Сокровище наше... Бывало, чуть задержится где-то — и большой дом сразу словно опустеет, и мать уже не отходит от ворот. И вот теперь, точно мужчинам, способным крошить горы, сплющивать железо, как тесто, пришел черед идти на фронт и его дочери. Не ждали этого родители: ведь до окончания института еще целый год... Вчера Мутабар сообщила о своем решении матери. Этибор выслушала дочь, побледнела и упала без чувств возле арыка. Только к вечеру она пришла в себя. Кадырходжа, услышав слова Мутабар, тоже чуть не лишился сознания. Если бы дочь не обняла его сразу, как только он вошел, не положила голову ему на грудь, кто знает, может, и он упал бы рядом с матерью. Мутабар почувствовала, как сильно забилося сердце отца. Медичка, она сотни раз склонялась ухом к груди пациента, но такие частые, громкие удары девушка слышала впервые.

Мутабар тихонько приподняла голову с груди отца, с вымученной улыбкой взглянула на него. Кадырходжа тоже пытался улыбнуться, не переставая гладить ее по голове.

— Будь жива-здорова, доченька, береги себя... — повторял он бессвязно.

Мутабар испугалась, что и отцу будет плохо, крепко обняла его.

— Идемте к маме... — ласково сказала она и повела его на айван.

— Ладно, доченька, ты иди займись своими делами.

Кадырходжа поднялся на айван, поздоровался с соседками, сидевшими возле кровати Этиборхон, и наклонился к жене.

— Вот тебе и на! Что же это? Или ты думаешь, что когда дочь окончит учебу и станет доктором, она засядет дома и станет лечить только твой ревматизм? Раз она доктор, значит, и на войне будет работать в каком-нибудь медицинском учреждении. Думаешь, ее так и отправят прямо в огонь? Она будет работать в госпитале, помогать раненым, в тылу лечить... В тылу!

Этибор сразу как-то успокоилась от последних слов мужа, подняла голову с подушки. В это время появилась Мутабар.

Кадырходжа из соседней комнаты позвал дочь. Серьезно посмотрев в глаза Мутабар, он негромко, чтоб не услышала жена, сказал:

— Деточка моя, береги себя. Будь и смелой! Но о том, что ты едешь прямо на фронт, мать не должна знать ни в коем случае... Говори ей, что будешь работать в госпитале в тылу. Все равно ведь у любого госпиталя адрес — полевая почта. А сейчас иди к ней, а мне дай чаю — я немного поработаю...

Всю ночь Кадырходжа не сомкнул глаз. Сквозь стенку он слышал, как в соседней комнате до утра шептались мать и дочь, иногда останавливая друг друга: «Тс-с, папа...»

Утром, наспех позавтракав, Кадырходжа скорее ушел на работу, пряча от жены и дочери осунувшееся лицо с глубоко запавшими глазами.

Вот и Турабджан, его шофер, которому Кадырходжа был как отец, сегодня тоже уходит на фронт.

Кадырходжа курил папиросу за папиросой, погружившись в свои мысли, вспоминал и вчерашний день, и несчастные, заплаканные глаза Муяссар, упрекал себя в черствости. Механически он то и дело высекал огонь из кремня, зажигал чадающий фитиль, гасил его, пачкая пальцы в саже.

Его мысли прервал приход Исмаилджана. Поздоровались.

—Как ты вовремя, братец,— радушно сказал Кадырходжа, усаживая Исмаилджана.— Ну, председатель, как дела?

Исмаилджан выглядел уставшим, расстроенным.

—Кадырходжа-ака, вы сегодня дочь...— начал он с трудом.

—Пришел и ее черед. Поедет, как все, братец. А что у тебя?

—Лучше не говорить сегодня о делах. Я сейчас вот здесь узнал, что Мутабар уезжает...

—Погоди, а сам-то ты зачем пришел?

—Да я пришел...— Исмаилджан мялся, скручивая пальцами какую-то бумажку.

—Ну, выкладывай.

—Может, завтра поговорим, Кадырходжа-ака?

—Почему? Что же мне, по-твоему, отложить все дела на несколько дней из-за того, что дочь уезжает? Разве в наше трудное время можно так? Говори.

Исмаилджан развел руками, опустив голову. Кадырходжа встал, закурил папиросу и снова заходил вокруг стола, не отрывая пытливого взора от собеседника.

—Освободите меня от обязанностей председателя.— Исмаилджан шумно вздохнул, резко поднял голову.

Кадырходжа, ожидавший, что Исмаилджан скажет ему что-то уж очень неприятное, с облегчением рассмеялся. Потом он положил руку на плечо гостю.

—Ты что же, недоволен должностью? Может, сядешь за мой стол?

—Я не шучу, Кадырходжа-ака.

—Я тоже не шучу.

—Хочу на фронт.

—Тогда поедем вместе. Но только так: куда партия пошлет, туда и поедем.

—Никто не волен держать меня здесь.

—Сказал же, поедем вместе. А теперь вот что: ты побывал у кузнеца Махкама?

—Мы каждый день видимся. Чего ж еще?

—А был ли ты у него дома? Навестил ли его детей?

—Я поражаюсь этому человеку,— вдруг оживился Исмаилджан.— Сколько лет мы работаем вместе, а, оказывается, я и не знал его.

—А что?

—Ведь он был кроткий, как овечка, мягкий, словно шелк, и мухи в жизни, я думаю, не обидел. Даже молока, наверное, не пил, считая, что оно по праву принадлежит теленку...

—Ну, а теперь стал пить? — улыбнулся Кадырходжа.

—Он раньше знал только свой дом и работу,— продолжал Исмаилджан.— Что творится вокруг, его не интересовало, он был убежден: все от аллаха, все разумно.

—Ну, а теперь? — уже нетерпеливо спросил Кадырходжа.

—Он стал другим. Ночами мне не спится, и я часто думаю о нем. Не верится даже, что это тот же человек. Представить только: он взял одного ребенка, потом второго, третьего... А сейчас у него под крылом шесть детей. Их нужно накормить, напоить, одеть; каждый требует заботы, душевного внимания. Как река, как безбрежная река, сердце этого человека. Я сам многодетный отец. Но одно дело — свои дети, а другое — чужие. Тут надо быть не только отцом, но и педагогом. Вот Макаренко... Вы читали, наверное, Макаренко?

—Читал.

—И Махам-ака, как Макаренко, педагог от рождения, поверьте мне. Откуда у него столько любви, терпения, выдержки? Он только и твердит: «Сейчас самое важное — забота о них, об их судьбе». Мне кажется, он готов раскрыть объятия всем сиротам на свете.

—А жена, как она? — заинтересованный рассказом Исмаилджана спросил Кадырходжа.

—Меня и жена поражает. Как многие бездетные женщины, она была скуповата, эгоистична, да и детей вроде не любила. Посмотрите, какова Мехриниса сейчас. Эге! Совершенно другой человек. Или ее просто не знали, или она, как и муж, переменилась. Моя старуха мать твердит: «Сынок, это аллах зажег в их сердцах огонь любви и сказал: «Согрейте своей любовью вот этих сирот...»

—Я видел, как трудно Махаму-ака,— продолжал Исмаилджан,— поэтому был не очень требователен к нему. Ведь он работает и в цеху и дома. Вообще он здорово выручает нас. Уста заметил мое снисходительное отношение к себе и позавчера отчитал меня, да еще как!

—Неужели?

—Говорит мне: «Братец, слава аллаху, руки мои еще сильны, глаза не ослепли. Дети детьми, а работа работой». Я прямо остолбенел.

Дымя папиросой, Кадырходжа внушительно заметил:

—Война и на фронте и в тылу стала испытанием для людей. Испытывает их стойкость, совесть, любовь, нравственную чистоту. Отбирает: хорошее к хорошему, плохое к плохому.

—Одно очень беспокоит беднягу Махкама-ака,— возвращаясь к разговору о кузнеце, сказал Исмаилджан.— Вот уже четвертый месяц нет писем от сына.

—От племянника, что ли?

—Да, но он же усыновил его. Беспокоится Махкам, но старается не показывать своей тревоги.

—Бедняга...— сочувственно вздохнул Кадырходжа и взглянул на часы.— Ну, пошли, братец, поговорим по пути.

Глава шестнадцатая

До отправки эшелона оставалось около часа. Кадырходжа убедился, что Мутабар и Турабджан уезжают вместе. Шепнув дочери, что скоро вернется, он пошел в вокзал.

У входа в зал эвакуопункта Кадырходжа встретил Салиеву из горкома партии и спросил про бюро.

—Приглашены руководители республиканских и городских организаций. Бюро будет проводить сам Усман-ака,— сообщила Салиева.

—Ах, как неудачно! Так совпало, что в девять часов и дочка на фронт уезжает, и заседание бюро. Не знаю, что делать,— огорчился Кадырходжа.

—Понимаю, понимаю...— задумалась Салиева.— Погодите! Аксакал ведь здесь. Можно его спросить...— Она потянула Кадырходжу за рукав.

—Нет, нет, неудобно,— начал упираться Кадырходжа.

—Ну, ладно, раз вы такой робкий, пойду сама спрошу,— сказала Салиева.

Через несколько минут, показавшихся Кадырходже очень долгими, она вернулась.

—Просит вас к себе.— Женщина улыбкой старалась ободрить Кадырходжу, у которого от такого известия лоб покрылся испариной.

Кадырходжа вошел в зал, битком набитый детьми. Они сидели, стояли, лежали. Кадырходже показалось, что многие из них мертвы — настолько безжизненны были их позы и застывшие глаза.

Кадырходжа пришел в такое смятение от этой картины, что не сразу увидел приближающегося к нему Ахунбабаева. Лицо у Аксакала было бледное, бескровное и усталое. Он шел медленно, чуть пошатываясь.

—Ишан⁴⁶, вы обязательно проводите дочь,— сказал Ахунбабаев, пожимая руку Кадырходже.— Идите, идите, ишан. Если не успеете на бюро, я буду здесь, и мы потом поговорим.— Помолчав, Ахунбабаев добавил: — И не забудьте дочери передать от меня привет.

Кадырходжа поблагодарил Ахунбабаева и бросился на перрон. В шумной толпе возле какого-то вагона он разыскал, дочь. Мутабар радостно улыбнулась отцу, не переставая оживленно разговаривать с провожавшими ее подругами. Тут же около вагона стоял и Исмаилджан. Увидев при свете фонаря хмурое лицо Кадырходжи, он с тревогой спросил:

—Что-нибудь случилось?

Кадырходжа отвел Исмаилджана в сторону.

—Я был в аду, братец, в настоящем аду! — Он несколько раз жадно затыкнулся папиросой.— Мы еще удивлялись Махкаму-ака! Самый жестокосердный человек не устоит, увидев этот ужас!

Исмаилджан впервые наблюдал Кадырходжу таким взволнованным и растерянным.

—Где же вы были, ака?

—Вокзал забит детьми. Почти все лежат. Бедняжки не подадут и голоса. У них нет сил даже попросить воды. Живые трупы. А ведь они люди, дети человеческие, братец!.. А Ахунбабаев там...

Исмаилджан все понял: не было нужды спрашивать...

И вдруг послышалась команда: «По вагонам!»

Исмаилджан взял Кадырходжу за руку и тихо сказал:

—Ака, пусть ваша дочь не заметит...

—Нет, нет... Ни в коем случае...— Кадырходжа поправил воротник, вытер платком лоб, глаза.

Перед тем как вскочить в вагон, Мутабар попрощалась с друзьями, крепко обняла отца, а потом бросилась к матери и долго не могла оторваться от нее. Только она шагнула наконец к вагону, как Этиборхон громко застонала и лишилась чувств. Женщины подхватили ее, дали понюхать нашатыря, привели в себя, стараясь, чтобы дочь

---

⁴⁶ Ишан — служитель мечети, здесь вежливо-почтительное обращение к собеседнику.

ничего не заметила, но Мутабар, стоявшая на подножке, все увидела, все поняла.

Протяжно погудев на прощание, поезд тронулся и пошел, быстро набирая скорость. Кадырходжа долго смотрел ему вслед. Блестели при электрическом свете рельсы, перемигивались семафоры, пересвистывались на путях маневровые паровозы. Кадырходже казалось, что поезд навсегда увез частицу его сердца. Он попросил Исмаилджана отвезти жену, а сам торопливо зашагал к зданию вокзала.

Заседание бюро, видимо, началось недавно. Кадырходжа хотел присесть на стул у входа, но Ахунбабаев увидел его и жестом указал на свободное место в первом ряду. Ступая как можно осторожнее, Кадырходжа прошел вперед.

Председательствовал Усман Юсупов. Обсуждался вопрос о приеме и размещении детей, прибывающих из пострадавших от войны городов и деревень. Заслушивались короткие сообщения специальной республиканской комиссии по размещению. Представитель Наркомпроса⁴⁷ республики, член комиссии Хамидов доложил об увеличении количества мест в детских домах, об открытии новых детдомов, об одежде, топливе и продовольствии для прибывших детей.

—На сегодняшний день,— сказал Хамидов,— приняты и размещены двадцать семь тысяч триста девятнадцать детей, не считая тех, кого жители города взяли на воспитание.

—А дети, лежащие здесь, в соседнем зале, в какой счет они включены? — жестко спросил Усман Юсупов.

—Сегодня прибыло два эшелона, товарищ Юсупов. Не успели. Мы-то успели бы, но транспортное управление задержало,— виновато опустил голову докладчик и сошел с трибуны.

—Товарищ Хамидов! — горячо заговорил Юсупов.— За стеной стонут дети. Преступление, что они еще здесь! Преступление перед народом, перед Родиной, перед нашими фронтовиками! — Юсупов, сжав пальцы в кулак, резко под нимал и опускал руку, сопровождая слова жестом. Он говорил громко, отрывисто, точно вбивая фразы: — Когда в Государственном Комитете Оборона нас спросили, сколько людей узбеки могут принять под свой кров, мы сказали: примем столько, сколько будет нужно...

По залу словно волна прошла. Многие вскочили со своих мест,

---

⁴⁷ Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения.

заговорили одновременно. Стало шумно.

—Тише! — крикнул Юсупов.

Все вмиг смолкли, и в напряженной, наэлектризованной тишине опять зазвучали веские слова, сопровождаемые энергичными жестами:

—На работников, не чувствующих ответственности за это дело, надо накладывать партийные взыскания. Руководитель, проявляющий бездушное отношение к детям, заслуживает беспощадного осуждения.

Гнетущее безмолвие, опустившееся на зал после речи Юсупова, нарушил начальник управления Наркомздрава Аминов. Он говорил тихо, точно боялся разбудить спящего ребенка. Подробно рассказал Аминов о том, как налажено лечение больных и раненых. Кадырходжа узнал, что организовано специальное медицинское наблюдение за грудными детьми, взятыми на воспитание, налажено снабжение их молоком. И опять Кадырходжа тепло подумал о Махкаме-ака: побольше бы таких!

Соседом Кадырходжи оказался немолодой, тучный секретарь райкома Шакасымов. Он тоже попросил слова.

—Я хочу внести несколько конкретных предложений по вопросу о размещении вновь прибывающих детей и по вопросу об усыновлении детей населением. Предлагаю принять обращение к населению, призывающее взять детей на свое попечение, опубликовать это обращение на страницах газет и передать по радио.

В зале поднялся шум. Кто-то громко спрашивал: «Ну, а что потом будет? Потом?» И опять Юсупов призвал зал соблюдать тишину.

—Очень уместный вопрос: что же будет потом? Изложу конкретно,— сказал осмелевший Шакасымов.— Население каждого района должно обсудить обращение и решить, что оно сможет сделать для прибывающих детей.

Шакасымов сел, но зал продолжал шуметь, и вскинутых рук оказалось не меньше десяти. Юсупов, пробежав глазами по рядам, предупредил:

—Говорить нужно кратко, конкретно... Товарищ Салихов.

—Я категорически против предложения Шакасымова о поголовной «мобилизации» населения,— с места сказал Салихов.

—Товарищ Миркаримов.— Юсупов уже не садился.

Поднялся худой человек очень маленького роста. Его голова едва возвышалась над сидящими.

—Шакасымов сам, по-моему, не до конца осмыслил свои

предложения. Такое дело, как принятие детей в семью, не осуществить с помощью постановления.

—Товарищ Стрельцов!

Встал голубоглазый мужчина с рыжеватыми, прокуренными усами.

—Я знаю кузнеца Махкама-ака. Познакомился с ним здесь, на перроне, в тот день, когда прибыл первый эшелон. Пришел он с женой. Никто к нему не обращался, и он не давал никакого обязательства. Просто услышал и не смог усидеть дома... Пришел прямо сюда. Если бы ему дали волю, он тут же взял бы из вагона первого попавшегося ребенка и увел с собой. Вы его помните, наверное, Юлдаш-ака? — Стрельцов посмотрел на Ахунбабаева. Аксакал утвердительно кивнул головой, и Стрельцов продолжал: — Желающих взять детей и в тот день пришло сюда немало. А что было потом? Что теперь? Каждый день сотни, тысячи людей выходят встречать детей. Повторяю, выходят и без всяких торжественных обещаний берут ребят на воспитание. Без всякой шумихи берут, без оговорок. Знают ли руководители районных организаций о том, что Махкам-ака усыновил шестерых? Кто-нибудь побывал у него дома? — Стрельцов взглянул на районных руководителей в надежде услышать от кого-нибудь из них «да». Но все молчали.— А ведь навестить кузнеца следовало бы, ну, скажем, надо было, по крайней мере, прийти поздравить с ребенком, по замечательному узбекскому обычаю. А руководитель организации, где работает Махкам-ака, не знаю, присутствует ли на бюро этот товарищ...

Кадырходжа невольно заерзал на месте, опустил голову, стараясь быть незаметным.

—Известно ли ему, какая Махкаму-ака нужна помощь? Усыновление или удочерение — это дело, совершаемое по зову сердца. Таких людей, как Махкам-ака, приласкавших, пригревших детей, мы должны почитать, поощрять всемерно, но никаких поголовных обязательств брать нельзя.

—Считаю, что вопрос ясен,— сказал Юсупов, обращаясь к поднимавшим руки.— Давайте прекратим прения. А в заключение слово предоставим товарищу Ахунбабаеву.

—Недавно мы были на фронте,— не спеша начал Аксакал.— Поехали туда не с пустыми руками — повезли фронтовикам подарки. В составе нашей делегации были работники искусств, писатели. Думали, что и подарки и концерт поднимут настроение солдат, воспрянут они духом. Так и получилось. Наши подарки оказались очень нужными,

выступления всем пришлось по душе. Но особенно большую радость нам доставило другое. При встрече с каждым бойцом, с каждым офицером мы слышали: «Спасибо, что приютили наших детей. Это самый бесценный подарок».

В городе мы пока разместили более тридцати тысяч детей. Только в городе. Тридцать тысяч — это не просто голая цифра. Тридцать тысяч душ. Попробуйте представить, что у многих живы матери, отцы, деды, бабушки, сестры, братья. Все они или на фронте, или работают для фронта. И все они станут сражаться и трудиться упорнее, яростнее, если будут знать, что их дети в безопасности. Вот это и есть тот бесценный подарок, о котором говорили фронтовики. Дети вырастут, станут взрослыми, нашими наследниками, преемниками. Вы ведь понимаете, как много это значит... Здесь говорили об обращении, об обязательствах. Какое обращение, какие обязательства? Все это, на мой взгляд, ненужная выдумка.— Аксакал показал рукой на видневшийся из окна перрон.— Приходите на вокзал каждый день — и увидите сами, как течет сюда рекой людская толпа. Пойдите в детские дома — узнаете, что и туда непрерывно стекаются люди, чтобы усыновить чужих детей. В этом живое сердце народа, его добрая и щедрая душа.

Государство в состоянии содержать детей. Найдем и помещение для них, и одежду, и продовольствие. Но детям, лишенным родителей, насмотревшимся на ужасы войны, детдом не заменит материнскую ласку и отцовскую любовь. Надо понимать разницу между содержанием и воспитанием. Важно, чтоб люди брали ребенка на воспитание по велению сердца, твердо решив стать этим детям отцами и матерями.

Кадырходжа, не шевелясь, слушал и думал о детстве Аксакала, вышедшего из семьи бедного чайрикёра⁴⁸, думал с восхищением о том, сколько душевной доброты в этом обремененном многочисленными обязанностями, загруженном важной работой человеке.

—Народ мудр, он знает, что делает. Сейчас не только в Ташкенте — во всей республике тысячи семей окружают лаской сирот. В иных семьях по два-три осиротевших ребенка. Если простой кузнец, усадив вокруг дастархана шестерых детей, делит с ними свой хлеб насущный — низкий наш поклон такому человеку. Мы должны всячески поддержать бесценное начинание нашего земляка. В сущности, его поступок — это и есть норма родственных связей, дружбы, братства.

---

⁴⁸ Чайрикёр — издольщик.

Это обычай, присущий новым людям новой эпохи. Весь народ, все человечество одобряет этот обычай, восхищается им... Злое дело недолговечно. Война окончится, и изверги будут уничтожены. Наступят мирные времена. Но эти дети, став взрослыми, до конца жизни будут помнить любовь и ласку узбекского народа. Они ничего не забудут сами и будут свято передавать эту память из поколения в поколение.

Каждое слово Ахунбабаева выражало сокровенные мысли присутствующих. Это чувствовалось по выражению их лиц, по глубоким вздохам, раздававшимся время от времени в зале. Кадырходжа был взволнован. Ему казалось, у него шире раскрылись глаза на мир, теперь он сможет видеть и то, что прежде было скрыто временем, расстоянием, повседневными заботами.

Заседание бюро приближалось к концу. Секретарь горкома зачитал список организаций и фамилии их руководителей, ответственных за встречу и размещение эвакуированных. Среди этих фамилий удивленный Кадырходжа услышал и свою. С этой минуты Кадырходжа Абдуллаходжаев уже в полной мере отвечал за каждого ребенка, за его настроение, самочувствие. Кадырходжа понимал, что новых забот будет много, но он был горд, что и его не забыли, что и он будет участвовать в огромном и важном деле.

Люди расходились не спеша, с воодушевлением обсуждая решение бюро. Кадырходжа топтался на месте, не зная, следует ли ему подойти к Аксакалу. Ахунбабаев сам заметил его.

— Ну как, проводили дочь? — приветливо спросил он.

— Проводил. Передал от вас привет. Она очень благодарила.

— Пусть будет жива-здорова! — И Аксакал, кивнув Кадырходже, вышел из зала.

Глава семнадцатая

Абдухафиз, как и его отец, долгие годы работал на кожевенном заводе. Как только в Ташкент прибыло оборудование первого эвакуированного завода, Абдухафиз вместе с товарищами принял участие в восстановлении предприятия. За восемь дней закончилось возведение одного из основных цехов; не прошло и двух месяцев, как завод начал вырабатывать продукцию для фронта.

Кто поверил бы раньше, что за такой короткий срок можно собрать сотни сложнейших машин! Абдухафизу сделанное казалось чудом. Люди не считались со временем; день был или ночь — это никого не интересовало. Оставались ночевать здесь же, у рабочих мест, или в брезентовых палатках и бараках, наспех сооруженных неподалеку. Холод, непогода, скудная еда не влияли на энтузиазм рабочих. И те, кто, словно мать свое дитя, бережно перевез завод в Ташкент, и те, кто с распростертыми объятиями встретил приехавших, работали на одном дыхании, не жалея сил.

Беда свела в столице Узбекистана братьев одной великой семьи. Только не позволила им сначала весело поговорить о житье-бытье, а потом уж дружно приступить к работе. Бралась за работу сразу, с первой же минуты.

После восстановления завода Абдухафиз мог бы вернуться к прежнему — к ремеслу кожевника. Но за эти два месяца новое предприятие и его люди стали ему так близки, что оставить их Абдухафиз считал нечестным. Дело дошло до райкома: там ведь заботились и о кожевенном заводе тоже. Но Абдухафиз был непреклонен и остался работать на эвакуированном предприятии. Что он там делал, какую должность занимал, что выпускал его завод, об этом никто не знал. Ариф-ата, больше всех старавшийся разузнать у Абдухафиза про его жизнь, так ничего и не добился.

—Как поступил ты на этот завод, стал вдобавок еще и немым,— сердился Ариф-ата, намекая на хромоту Абдухафиза.

—Я механик. Разве вам этого мало? — отшучивался Абдухафиз.

—Или и тут ты дубишь кожу? — не сдавался Ариф-ата.

—Еще как дублю! Такую кожу дублю! — И Абдухафиз, смеясь, спешил перевести разговор на другое.

Постепенно Ариф-ата перестал спрашивать. На эвакуированных заводах, на других крупных предприятиях работали тысячи людей, но никто не говорил, что они выпускают. Понятно, эти предприятия изготавливали не коромысла и совки, а важную продукцию для фронта.

Замира, жена Абдухафиза, пошла работать на эвакуированный завод, за ней потянулись соседки. Те, кто не мог идти на завод, брали работу домой. Абдухафиз диву давался, глядя на женщин. Когда-то невозможно было их уговорить вступить в артель, где стегают одеяла, а сейчас они сами добровольно дни и ночи сидели за работой.

Тревога за близких, ушедших на фронт, трудная жизнь лишили

людей душевного покоя, сделали их нервными, раздражительными. Надо было с ними разговаривать особенно тактично, уметь ободрить умным словом — это теперь стало важно, как воздух и вода. Старый Ариф-ата был в таких делах незаменим. Он умел найти подход к человеку, умел расположить к откровенной беседе.

Вот и сегодня Абдухафиз спешил на встречу с Арифом- ата, с которым они договорились навестить Кандалат-биби.

— Слава аллаху, — сказал Ариф-ата, увидев Абдухафиза.

— Пойдемте быстрее к Кандалат-биби. Меня эта забота давит, как гора. Весь день Думал только о ней.

— Э, кому такое по душе? Но что же делать! Если мы не скажем ей про похоронную, не постараемся утешить ее, кто сделает это? А с чего начинать, я и сам не знаю.

— Ну, пошли. — Абдухафиз поудобнее взялся за костыли.

— Послушай-ка, давай позовем и атын⁴⁹. Все же лучше, если мы придем с женщиной! — предложил Ариф-ата.

Ариф-ата был прав, и Абдухафиз не стал возражать. Решили по пути зайти за Икбал-сатанг.

После похорон Салтанат Кандалат-биби сильно сдала. Выглядела плохо — болезненно-желтая, исхудавшая, морщинистая, она одиноко сидела в своем просторном дворе, облачившись во все черное. Абдухафиз добился разрешения привезти тело Салтанат домой, однако заупокойную молитву пришлось читать над закрытым гробом: врачи категорически запретили открывать его. Кандалат-биби, увидев гроб с телом дочери, упала тогда замертво. Абдухафиз боялся, как бы и сейчас не случилось того же.

Кандалат-биби, увидев гостей, медленно поднялась, поздоровалась с ними и направилась было к тахману⁵⁰, но Икбал-сатанг опередила ее. Ловкими движениями Икбал достала и расстелила курпачу. Прочитав короткую молитву, Ариф-ата стал расспрашивать Кандалат-биби о здоровье, о жите-бытье.

— Все никак не могли выбраться навестить вас, — извиняясь, говорил он. — Заботы, общественные дела. Не время сидеть сложа руки. Абдухафиз тоже работает с утра до ночи, так что простите, что давно не были.

---

⁴⁹ Атын — форма уважительного обращения к женщине.

⁵⁰ Тахман — большая ниша в стене для одеял.

—Я не обижаюсь, пачча. Спасибо вам. Хорошо, что не забыли меня. Читаю за вас молитвы...— слабым голосом отвечала Кандалат-биби.

—Давно ли нет писем от Сираджиддина? — спросил Ариф-ата.

—Как случилось... с дочкой, было одно письмо, и на этом все. Отправила ему шесть писем, ни на одно нет ответа.

—Так бывает. Долго не пишут — и вдруг приходит письмо. Некоторые приезжают и сами... Вот от племянника Махкам-бая тоже давно нет вестей,— утешал женщину Ариф-ата.

—От сына Карима-палвана⁵¹ уже пять месяцев нет ни строчки,— вмешалась в разговор Икбал-сатанг.— А помните Султанхана с Пасткучи? Так его сын, оказывается, был ранен, а теперь сам приехал в отпуск.

—О, бедняга... Значит, есть и такие, что приезжают? — У Кандалат-биби в глазах впервые мелькнул живой огонек.

—Конечно! И Сираджиддин вернется.

—Да сбудутся ваши слова! Пришло бы хоть письмо,— сказала, утирая слезы, Кандалат-биби.

—А вы не пробовали написать командиру? — спросил Абдухафиз, думая о том, что вряд ли хватит у них сил сообщить этой несчастной женщине о новом горе.

—Нет. А как это сделать, кому писать, Абдухафиз?

—Надо писать по тому же адресу, но на имя командира части. Дайте адрес, я сам напишу.

—Спасибо, сынок, хорошо, что ты у меня есть.— Кандалат-биби, не вставая с места, отвернула край кошмы, достала несколько конвертов, и отдала Абдухафизу.

Ариф-ата незаметно бросил взгляд на Икбал-сатанг, как бы спрашивая: «Мне начинать или вы сами?» Та прикусила губу и слегка качнула головой, что означало: «Я не могу». Ариф-ата нервничал, не зная, как подступиться. Сейчас самое время, а то Кандалат-биби вот-вот заговорит о муже и о том, что от него тоже нет писем. Тогда будет еще труднее.

—Я говорю, вашей дочери так уж было написано на роду,— начал Ариф-ата издали,— она достойна попасть в рай, янга. Словно русалка, попавшая в рай, она...

—Лучше бы мне лечь в могилу вместо нее... Не верится, что она

---

⁵¹ Палван — богатырь.

умерла, кажется, вот-вот войдет в калитку, улыбнется...— Крупные слезы опять потекли по впалым щекам бедной женщины.

— Не горюйте, янга, что поделаешь!.. От Шахабиддина, кажется, давно нет писем? — решился наконец Ариф-ата.

— Да! — сказала Кандалат-биби.

— Что ж, янга...— Ариф-ата с трудом подбирал слова.— Дай аллах вам терпения, выдержки. Будьте крепки как сталь. Мы пришли к вам, услышав одно известие...

— Значит, правда? — угасшим голосом произнесла Кандалат-биби и низко опустила голову.

Ариф-ата с удивлением посмотрел на Абдухафиза. Икбал-сатанг тоже ничего не могла понять. О чем она? О какой правде говорит?

— Да что ж вы молчите, пачча? — спросила Кандалат-биби, не меняя напряженной позы.

— Нет, это самое... Вы слышали что-нибудь? — растерянно выдавил из себя Ариф-ата.

— Слышала... Значит, и вам пришло письмо?

— Пришло,— развел руками Ариф-ата.

— От кого? От того же пулеметчика?

— Нет. От самого командира.

— Похоронная? — Кандалат-биби подняла в короткий миг еще больше осунувшееся лицо. Потом она снова резко уронила голову на грудь. Из глаз покатались слезы.

Шли минуты, но женщина сидела неподвижно. Все молчали. Наконец Кандалат-биби выпрямилась, снова подняла край кошмы, достала письмо. Абдухафиз взял его, начал читать про себя. Кандалат-биби сжала руки и, казалось, забыв, что у нее люди, не обращая ни к кому, запричитала:

— И в чем же я провинилась... Не сказав ни слова, отец и дочь... Точно сговорились... Уж раз сговорились, что ж меня-то оставили, взяли бы с собой...

— Не убивайтесь, апа, сейчас такое горе у многих. У вас есть сын. Пусть он будет жив-здоров! И вы свое здоровье поберегите! — не выдержав заунывных причитаний, воскликнул Ариф-ата.

— Ой, на что мне здоровье? Кому я нужна? Пусть аллах пошлет мне скорую смерть,— с отчаянием проговорила Кандалат-биби и перестала причитать.

Прочитав письмо, Абдухафиз глубоко вздохнул и положил конверт

рядом с Кандалат-биби. Ариф-ата держал в руке похоронную, не зная, отдать бумагу вдове или повременить немного.

—Есть у Шахабиддина две сестры,— тихо заговорила Кандалат-биби, взяв себя в руки.— Обоих он сам выдал замуж, обоим заменил отца. Их мужья и дети тоже на фронте. Я еще не говорила им ничего. Теперь нет другого выхода... О аллах, придется и им перенести горе!

Погрузившийся в глубокое раздумье Ариф-ата сидел, не отрывая взгляда от похоронной, и перед его глазами стоял Шахабиддин. От слов женщины у старика сжалось сердце. Какая выдержка! Сама перенесла одно за другим два несчастья, а еще жалеет сестер мужа...

Икбал-сатанг и Абдухафиз молчали. Что они могли сказать? Не было на земле слов, способных утешить несчастную женщину.

—И народу бы надо объявить о его смерти, оплакать, как полагается, покойника...

Кандалат-биби не могла больше говорить, снова умолкла. Опять наступила гнетущая тишина. Абдухафиз тайком глянул на Арифа-ата. Тот, в свою очередь, сдвинул брови и выразительно посмотрел на Абдухафиза. Этот взгляд Абдухафиз понял так: пусть выскажется, пусть ответит душу, нам спешить отсюда не следует.

—Пачча,— снова послышался печальный голос Кандалат-биби,— как это сделать, как поступить, когда покойника нет дома?

—С муллою Шахабиддином мы были как родные братья. Пусть его нет с нами, все равно надо проводить его на тот свет. Соберемся, помянем. Это наш долг и обязанность. Сам возглавлю поминки, как сумею.

—Спасибо вам. Вот, оказывается, что значит иметь добрых друзей. Я поняла это, когда постигло меня горе. Вроде ничего я не сделала хорошего людям, а все — стар и млад — приходят, навещают.

Абдухафиз громко проглотил слюну и перевел дыхание. Словно язык прилип к горлу у Икбал-сатанг. Только Ариф- ата, тяжело вздохнув, несмело сказал:

—Вам бы кого-нибудь из эвакуированных взять к себе.

—О, я бы рада! Сама не решилась сказать об этом. Есть же, наверное, еще неустроенные люди... Может, такую, как я, старушку... Все равно кого...

—Мы подумали, что вы в таком горе, не до того вам.— Ариф-ата заговорил увереннее, ободренный словами самой Кандалат-биби.

—До того или не до того, а это лучший выход, пачча. Вон сколько

комнат пустует. Не забирать же мне их с собой в могилу...— взволнованно сказала Кандалат-биби.

—Подумаем, хола,— успокоил ее Абдухафиз.

—Я согласна, а вы уж поступайте как угодно. Спасибо вам... Да, Абдухафиз, когда будет какой-то ответ от командира моего Сираджиддина, сообщи, пожалуйста, сразу.

—Обязательно, хола. А письмо напишу сегодня же.

—Дай аллах тебе счастья в жизни, сынок!

Все встали с места. Ариф-ата прочитал краткую молитву. Кандалат-биби, склонившись, сложив руки на груди, снова застыла. Заныло ее сердце, чуть отогретое дружеским теплом. Она опять осталась одна...

Домой возвращались молча. Ариф-ата шел по дороге; Абдухафиз, постукивая костылями, шагал по тротуару, а где-то позади медленно, устало плелась Икбал-сатанг.

В конце улицы Ариф-ата внезапно остановился и так глубоко вздохнул, что Абдухафизу показалось, будто рядом фыркнула лошадь.

—Честь и хвала... Откуда у человека столько выдержки, а?

—Я тоже поражен, отец.— Абдухафиз прислонился к столбу, разминая затекшую руку.

—Оказывается, она все знала, а мы тут ломали голову, как ей сообщить о муже,— промолвила, подходя, Икбал-сатанг.

—Как вынести такое? — заговорил Ариф-ата.— Я знаю Кандалат-биби с того дня, как она вошла в этот дом. Она была всегда неуравновешенной, часто волновалась без повода. Бывало, покойный Шахабиддин чуть задержится в чайхане, она тут же начинает нервничать. Шахабиддин знал это и всегда спешил домой. Помнишь, Абдухафиз, составляя подворный список, мы поздно вечером заходили к Кандалат-биби?

—Да, в тот вечер, когда провожали Батыра...

—Ну, вот. Кандалат-биби сидела тогда у порога, ожидая дочь. Ведь знала, куда и с кем ушла Салтанат, а готова была уже бежать в милицию, сообщать, что дочь пропала. Мы тогда так ей и не сказали, зачем пришли, наврали и ушли,

обманув, как маленькую...

—Надо будет скорее поселить к ней кого-нибудь. Слышите, Икбал-

сатанг? — Абдухафиз обернулся к Икбал.

—Слышу, слышу. Через три-четыре дня, говорят, еще люди придут.

Они двинулись дальше.

—Если найдем подходящую женщину, это поддержит ее... Абдухафиз, а кто написал ей о гибели мужа? — спросил Ариф-ата.

—Солдат по фамилии Кулаковский. Они с Шахабиддином-ака были пулеметчиками. Пишет, что во время боя осколок мины попал Шахабиддину в голову.

—О аллах! В голову?

—«Мы,— пишет солдат,— были с ним названными братьями, собирались после войны вдвоем приехать в Ташкент». Шахабиддин часто повторял имена жены, сына, дочери. Сам этот парень отнес тело Шахабиддина в березняк, похоронил его вместе с боевыми товарищами. В конце письма Кулаковский написал, бедняга, и о своем горе.

—Что он написал? — заинтересовался Ариф-ата.

—Его родное село сожгли фашисты, а жителей куда-то угнали. Тех, кто успел скрыться, отправили в тыл. Он просит выяснить, нет ли в Ташкенте его жены и двух малышей. Из Белоруссии... А еще пишет, что на фронте много говорят о нас, ташкентцах. «Радует ваша забота о детях» — так и пишет.

—Выходит, и на фронте об этом знают? — удивилась Икбал-сатанг.

—Как же! Читают в газетах. А потом, те, кого вы сами размещали, пишут мужьям, братьям, сыновьям,— объяснил Абдухафиз.

—Послушай, Абдухафиз, не написал ли тот парень имена своих детей? — робко спросил Ариф-ата.

—А зачем они вам? — спросил Абдухафиз.

—Поискали бы! Вдруг отыщутся? Мулла Махкам вот так и нашел одного ребенка...

—Имена детей Кулаковский не назвал. Но я буду писать ему, поблагодарю за внимание к Шахабиддину-ака, тогда спрошу и про детей.

—Было бы замечательно! Если найдутся его дети, представляешь, как будет счастлив боец!

Незаметно собеседники приблизились к чайхане. По той стороне Анхора — заметил зоркий Абдухафиз — шел Махкам-ака и нес что-то на спине. Кузнец перешел мост, и тут его увидели Ариф-ата и Икбал-

сатанг.

—Куда держите путь, мулла Махкам? Я только что говорил о вас. Легки вы на помине.— Ариф-ата пожал руку кузнецу.

—Добрый день. По какому делу я потребовался вам? — спросил Махкам-ака.

—Просто вспомнили вас. А куда путь держите?

—К перекупщику Туле. Хочу сдать вот это.— Махкам- ака указал на мешок, из которого виднелся край свернутого ковра.

—Счастливой дороги. Дома все благополучно? Как растут малыши? Есть ли письма от сына?

—Спасибо, ака... Дети растут, а сын что-то перестал писать. Послал письмо в часть — тоже молчат.

—Пусть будет жив-здоров! Ну, до свидания, не будем задерживать вас,— сказал Ариф-ата.

Когда кузнец скрылся из глаз, Абдухафиз сочувственно вздохнул:

—Видно, трудно ему жить стало.

—Легко ли накормить и одеть столько детей? Они как раз в той поре, когда нужно хорошее питание. Тут и горы запасов не хватит... Мехриниса на днях продала ювелиру жемчужную нить и два браслета.— Ариф-ата, как обычно, был в курсе жизни всей махалли. Это всегда удивляло Абдухафиза.

Абдухафиз не знал, что Махкам-ака продает свои вещи, и теперь очень огорчился. Чем же помочь кузнецу? Медленно ступая за Арифом-ата, Абдухафиз поднялся в чайхану. Икбал-сатанг ушла домой. Ариф-ата у самовара принялся заваривать чай.

Присев на краю террасы, Абдухафиз печально уставился в землю. Люди... Стойкость... Жизнь и смерть... Благородство... Нужда. Абдухафизу казалось, что он бережно берет в руки каждое из этих слов, стирает с него налет обыкновенности и медленно постигает истинный смысл, таящийся в нем. Абдухафиз размышлял об этом, наблюдая, как снизу вверх по его костылю, прислоненному к столбу, ползет большеголовый муравей и с великим трудом, собрав все силы, то волочит, то перекатывает, то подталкивает сзади кусочек урюка. Вот так теперь и Махкам-ака тащит на своих плечах непосильный груз и все-таки справляется с ним.

Мысли Абдухафиза прервал Ариф-ата. Он подошел с чайником и пиалами и устроился рядом.

—Попьем горяченького чайку. Очень успокаивает,— сказал старик

и понюхал пучок райхана, вытащив его из-за уха.

Глава восемнадцатая

Заходит солнце, опускается вечер, отдыхают птицы, все живое отдыхает, а Мехриниса и вечером не знает покоя. Не замечает, как пролетают дни. Кажется ей, что засверкавшее утром на верхушке черного тополя солнце в одно мгновение передвигается в другой конец двора; не успеет остынуть вода в самоваре, поставленном к завтраку, как Мехриниса уже разводит огонь в очаге, чтобы готовить обед.

Но Мехриниса не сетовала на свою долю. (Кстати, на то, чтобы сетовать, тоже надо иметь время.) Огорчало ее только одно: нехватка денег и продуктов. Обед пришлось заменить чаем из сушеных яблок и яблочных листьев с кишмишом и урюком. Горячая еда на ужин тоже стала большой редкостью. Мехринису расстраивало, что она не может досыта накормить детей.

Как-то в свободную минуту, сидя у очага, она вспомнила прежние времена. Эх, хорошая была жизнь! О еде она вообще никогда не думала. Мехринису тогда волновало другое: ровно ли надвинута на лоб тилла-каше — металлическая; подвеска с бирюзой, хорошо ли на ней сидит платье из атласа? А мечтала она... Даже стыдно вспомнить, что мечты её не шли дальше жемчужной нити, которую она видела на шее у супруги торговца мануфактурой. Махкам-ака, узнав об этом, сказал, ласково улыбаясь: «Жена, твоя шея и грудь в тысячу раз краше любого жемчуга... Жемчуг только стесняет дыхание». Тогда кузнец просто не мог еще подарить Мехринисе жемчуг. Он сделал это позднее...

И даже в те годы, когда все подорожало, Мехриниса не знала нужды, и всегда на столе в ее доме были кукурузные лепешки, а на плечах сатин и шелк...

Мехриниса вздохнула и с грустью отвела взгляд от догорающих в очаге углей. И вдруг ей стало стыдно. Словно раздвинулись стены — и она увидела объятую пожаром огромную страну и тысячи голодных, измученных людей, лишенных крова.

Она встала, оглянулась на подозрительно притихших детей и сказала вслух:

—Какая же я неблагодарная! Напилась чаю с урюком и гляжу в огонь от безделья! Ну и пусть мы хлеба с маслом не видим, зато каждый

день едим свеклу! И хоть один сундук уже пуст, зато другой еще от добра ломится!

—Мама, ты что? — с испугом спросил Мехринису Витя.

—Да так, сама с собой разговорилась, сынок,— горько усмехнулась Мехриниса.— Сарсанбай! Дети! Давайте чистить тыкву!

Это занятие стало уже привычным для детей, но лучше других с ним справлялся Сарсанбай. Зато Остап и Витя стали непревзойденными мастерами по чистке свеклы. Галя и Абрам обычно собирали в корзину кожуру и следили за очагом. Для всех находилось дело. Только маленькая Леся путалась под ногами, вмешивалась во все и при этом умудрялась испачкаться с ног до головы. Мехриниса смотрела на детей и радовалась: большая у нее семья, дружная!

Отдыхал душой дома и Махкам-ака. Придет с работы усталый, выжатый как лимон, вроде и шевелиться-то сил нет, а посмотрит на веселые детские лица, прикоснется к шелковистым волосикам Леси, и, кажется, кровь начинает быстрее течь в жилах. Чувство блаженства охватывает кузнеца, он готов снова идти в кузницу и работать еще смену... Но надо помочь Мехринисе — это Махкам-ака хорошо понимал. Чаще всего кузнец брал на себя заботу о покупках на базаре. Правда, ходил он по базару долго, а покупал все втридорога, за что и попадало ему от жены. На базар Мехриниса старалась теперь ходить сама, но возвращалась всегда печальная и неразговорчивая. Мешок нынче трудно было наполнить продуктами доверху, а пачка денег таяла на глазах — не оставалось даже на спички. Однажды не осталось и на трамвай. Мехриниса заметила это не сразу, вошла в трамвай, и тут вдруг обнаружила, что платить нечем. Краска залила ее лицо. Она хотела вместо денег отдать кондукторше купленный картофель, но кондукторша, видно, узнала ее и поняла, в чем дело. «Заплатите в следующий раз»,— сказала она и быстро отошла от Мехринисы.

До сих пор Мехриниса вспоминает и другую историю, которая произошла с неделю назад. И, вспоминая, то смеется, то плачет.

Мехриниса возвращалась с базара. В одну руку взяла мешок со свеклой, в другую — с кукурузой, а тыкву пристроила на голове. С такой ношей она подошла к книжному магазину. Немолодой продавец отложил газету, снял с головы Мехринисы тыкву, помог сложить в угол мешки и, видя, что женщина устала, любезно предложил ей присесть. Мехриниса охотно опустилась на табурет, вытянула усталые ноги.

—Хочу детям купить книги, тетради, отец,— сказала она, вытирая

пот со лба.

—Пожалуйста, мать. Какие книги, тетради? — Продавец только теперь понял, что женщина зашла не для передышки, а за покупками.

—Буквари для первого класса.

—Вот, мать.— Продавец подал ей книгу.

—Дайте три,— попросила Мехриниса,— и на русском языке.

—Пожалуйста,— перебирая книги и с удивлением, поглядывая на покупательницу, ответил продавец.

—Мне нужны еще тетради, чернильницы, ручки.

—Пожалуйста.

Продавец сложил книги и тетради в стопку и начал щелкать на счетах. Мехриниса полезла в правый карман безрукавки за деньгами, но кармана не оказалось — он был срезан.

—Ой! — в ужасе воскликнула Мехриниса.

—Что случилось, мать?

—Ничего...— Мехриниса с трудом взяла себя в руки.— Зря беспокоила вас. Отложите мне все это. Я приду через несколько дней и заберу,— как можно спокойнее сказала она.

«Ей тяжело нести, решила взять в другой раз»,— подумал продавец, но, заметив, что женщина нервно роется в карманах, понял, что деньги пропали.

—Что случилось, мать? Не стесняйтесь, говорите!

—Деньги я выронила,— виновато сказала Мехриниса, стараясь закрыть рукой срезанный карман.

—Много ли было денег, мать?

—Одна тридцатирублевая.

Продавец сочувственно посмотрел на покупательницу и вышел на улицу.

—По какой дороге вы шли?

—Да разве найдется, отец!

—Без надежды — один шайтан.— Продавец пошел по тротуару, внимательно глядя под ноги.

—Не утруждайте себя, отец! — печально пробормотала смущенная Мехриниса.

Продавец прошел до угла и вернулся.

—Видимо, деньги вы уронили на базаре, мать.

—Ладно, отец.

—Э-э,— протянул продавец и вдруг сказал:— Книги вы забирайте,

деньги отдадите, когда пойдете в следующий раз на базар. А вот вам мелочь на трамвай.— Он протянул Мехринисе три монеты.— Не стесняйтесь, мать, не стесняйтесь... Хорошая вы женщина: у вас такая тяжелая ноша, а вы еще выполняете чью-то просьбу.

Мехриниса не могла понять, о чем говорит продавец. Вопросительно посмотрела на него.

—Я догадываюсь, мать, что книги вы купили не для себя. Хотите выручить знакомых, да?

—Нет, отец. Купила для своих детей.

Как?!

—В школу идут трое. Поэтому и попросила всего по три...

Продавец уставился на Мехринису, пытаясь уяснить, почему же эта странная узбечка покупает русские буквари.

—Пусть будут здоровы ваши дети, пусть здоровы будут... Пусть доставят вам спокойную жизнь.— Так ничего и не поняв, продавец помог Мехринисе поднять мешки, и она медленно двинулась к трамвайной остановке.

Едва Мехриниса скрылась, как продавец вдруг все вспомнил. «Да ведь это жена того самого кузнеца! Эх, а я-то, недотепа, не сообразил сразу». Он перерыл кипу старых газет и нашел страницу, где на фотографии в окружении старших детей сидели муж и жена. Младшие разместились у них на коленях. «Она самая. Деньги за книги и тетради не возьму. Пусть это будет подарком ее детям...»

А Мехриниса всю дорогу думала о добром продавце и о том неизвестном, который срезал карман: кто он, этот жулик, и как докатился до такой жизни? Странно, почти не было жалко денег, жалела Мехриниса лишь маленькие щипчики для подравнивания бровей, служившие ей с девичьей поры.

Она всегда тщательно следила за собой. Даже и теперь, когда совсем не было свободного времени, Мехриниса урывала все же минутку, чтобы привести в порядок одежду, волосы, лицо. Разглядывая ровные дуги ее бровей, слегка подкрашенные сурьмой, Икбал-сатанг как-то сказала:

—И когда это вы все успеваете?

—Апа,— ответила тогда Мехриниса,— дети мои растут, и я просто обязана быть всегда подтянутой и аккуратной. Они ведь берут с меня пример.

Что там дети, сама Икбал-сатанг после этого разговора чаще стала

разглядывать свое лицо в зеркале, подолгу разглаживая морщинки у глаз.

Сейчас, подшивая Сарсанбаю брюки, Мехриниса опять вспомнила про щипчики. Все-таки жаль их. Блестящие бока у щипчиков облезли, потемнели, зато кончики были остры как бритва...

«Ну ладно, в другой раз буду внимательнее, не зевать!..»

— На, примерь-ка свои брюки, — подозвала Мехриниса Сарсанбая.

Мальчик надел брюки. Они оказались немного длиннее, чем надо.

— Когда вернешься из школы, подверну внутрь и снова подошью.

Взяв щетку, Мехриниса начала чистить ваксой поношенные Витины ботинки. Конечно, вакса не скрыла дыр на ботинках, и Мехриниса впала в полное уныние.

— Все обещали: купим, купим, а до сих пор не купили, — ворчал Витя, завязывая шнурки.

— Ну, что ж делать, сынок, нет в магазине. Как появятся — сразу купим. А пока можно поносить и такие.

Что еще могла сказать мать сыну? Разве поймет он, что не только ботинок в магазине, но и денег на их покупку нет.

Махам-ака и Мехриниса тщательно собирали детей в школу, но сделать удалось далеко не все. Не сумели купить Вите ботинки, не у всех были и портфели. А тянуть со школой дальше было нельзя: дети могли отстать от своих сверстников. Вот потому-то Мехриниса решила вести их в школу.

Пока Остап и Сарсанбай заворачивали свои книги в газету, Леся приставала к брату:

— А когда я пойду в школу, ака?

— Через три года.

— Через сколько дней будет три года?

Остап растопырил свою пятерню, начал объяснять сестренке, загибая пальцы.

— Ой... как много, ака!.. — огорчилась Леся.

— А я через год пойду, — похвастался Абрам.

Мехриниса принесла три ломтика хлеба.

— Это вам, дети. Поедите на перемене.

Остап и Витя завернули хлеб в газету, Сарсанбай же тайком от матери приложился к своему куску.

—Мама, а Сарсанбай уже ест хлеб,— поспешила доложить Леся.

Сарсанбай хмуро посмотрел на нее.

—Ты ведь только что позавтракал, сынок. А что будешь есть в школе? — мягко сказала Мехриниса.

Сарсанбай неохотно завернул в бумагу надкушенный ломтик, положил в портфель.

—Ну, вы готовы? Пошли! Абрам, Галя, на улицу не выходите, играйте здесь, на айване. Я скоро вернусь.

Мехриниса взяла Лесю за руку. Витя, Остап и Сарсанбай шли впереди, гордые и довольные.

—Ассалому алейкум, Мехриниса! — поздоровалась соседка Захира. Она стояла возле своей калитки.— Куда это вы путь держите?

—Веду детей в школу.

—Вот как! А ты, красавица моя, тоже идешь учиться? — Захира обняла Лесю.

—Нет, хола. Я пойду учиться еще через три года,— объяснила Леся, растопырив пальчики.

—Вот как! Ах ты милая моя! Ну, будьте все здоровы.

Мехриниса и дети пошли дальше. Захира ласково смотрела им вслед. Неизвестно откуда перед Захирой вдруг появилась Таджихон.

—Да разве такие дадут спокойно жить?

—Ой, откуда вы взялись? Напугали меня. Ну вас,— рассердилась Захира.

—С неба свалилась,— засмеялась Таджихон.

—Похоже! Я тут дивлюсь на Мехринису. Повела детей в школу.

—Ну и что, если даже будут учиться? Разве станут они, ей родными?

—Да вы что говорите, апа?

—Вскормишь осиротевшего теленка — будешь плавать в масле, воспитаешь ребёнка-сироту — только наживешь себе горя.

—Как у вас поворачивается язык, апа, говорить такое? Услышит Мехриниса, будет стыдно!

—Не я сочинила. Исстари так говорится. Наверное, впервые и сказал какой-нибудь бедолага, воспитавший сироту себе на горе.

—Нечего вспоминать старое, не то теперь время. Все нынче по-другому. Вон Мехриниса... Война сделала детей сиротами, а она возвратила им счастье.

—Посмотрим еще, чем все это кончится,— злобно скривилась

Таджихон, повернулась и направилась к своему дому.

—С дурного языка — дурные слова! — крикнула Захира ей вслед.

Двухэтажное здание школы выходило на широкую улицу. Мехриниса не раз проходила здесь и всегда останавливалась у решетки, которой был обнесен двор, смотрела на детей, резвившихся среди клумб. Однако заходить в школу ей не доводилось. Сейчас Мехринису охватило волнение: как примут ее детей, разрешат ли им посещать школу, не отчитают ли за то, что она привела их так поздно?.. Учебный год-то ведь давно был в разгаре.

Мехриниса открыла тяжелую дверь и остановилась. В просторном вестибюле было шумно. Множество детей неумоимо сновали во всех направлениях, звонкие голоса сливались в один веселый гомон, от которого с непривычки сразу

же закладывало уши.

—Ну, пойдем же, мама.— Остап взял Мехринису за руку, и они двинулись по широкому коридору, пробиваясь через нескончаемый живой поток.

Мехриниса шла нерешительно, боязливо озиралась по сторонам, зато дети ее чувствовали себя свободно. Витя шествовал важный, надутый. Остап радостно улыбался, а Сарсанбай, пользуясь растерянностью матери, исподтишка дергал за косички подворачивавшихся по пути девчонок.

Возле двери с надписью «Директор» все остановились. Как раз в этот миг зазвонил звонок, и шум стал смолкать. Мехриниса открыла дверь в кабинет.

—Ассалому алейкум! Можно войти?

—Ва алейкум ассалом. Проходите, садитесь.— В глубине кабинета в кресле с высокой спинкой сидела пожилая женщина.

Мехриниса присела на краешек стула.

—Детей вот привела,— сказала она и смолкла, не зная, что говорить дальше.

—В какой школе они учились? Какова причина перевода?

—Не учились они. Только теперь пойдут в школу.

—Только теперь? Но учебный год, как вы знаете, давно начался. Вы что, только приехали?

Дверь открылась, заглянула Леся. Как и других детей, мать оставила ее за дверью, наказав терпеливо ждать. Леся не выдержала ожидания.

—Входи, девочка. Это ваша дочка?

—Моя. Но учиться я привела других детей. Они в коридоре.

Директор выглянула в коридор, весело сказала:

—Ну-ка, заходите, ребята!

Дети Мехринисы вошли в кабинет. Сарсанбай и тут не мог стоять спокойно. Комкая тубетейку в руке, он бегло оглядел комнату и ткнул Витю в бок.

—Как их фамилия? — спросила директор Мехринису.

—Махкамовы.

—Все Махкамовы?

—Да.

—Погодите, сестричка. Вы не жена ли того самого кузнеца Махкама-ака?

—Да.

Женщина рассмеялась и сразу помолодела. Присела рядом с Мехринисой, положила руку ей на плечо.

—То-то, я смотрю, ваше лицо мне знакомо, только не могу вспомнить, где я вас видела. Я решила, что вы просто уже бывали у меня. Теперь вспомнила. Даже вспомнила ваше имя — Мехриниса. В газете о вас очень хорошо написали. В такое время нет приема в школу, но для вас сделаем исключение. Мы сами, вообще-то, должны были прийти к вам за детьми... Когда начнутся каникулы, отправим их в лагерь. Ну, давайте запишу-ка я ребят.— Директор вернулась к столу и села.

Я хотела посоветоваться с вами,— осмелела Мехриниса.— Эти двое,— она показала на Витю и Остапа,— конечно, будут учиться в русском классе. Не трудно ли будет Сарсанбаю? Может, ему лучше пойти в узбекский класс?

Сарсанбай вскочил с места.

—Нет, мама, я буду учиться вместе с Витей и Остапом.

Во второй половине дня из школы вернулись Остап и Витя.

Леся бросилась к брату:

—Что получил, ака? Пять? Ну, говори же!

—Сегодня отметки не ставили.

—Когда будут ставить, ты пять получишь? Да?

—Да,— снисходительно улыбнулся Остап.

Мехриниса убрала свое шитье, разожгла самовар, потом поставила хантахту и расстелила дастархан. Остап, снимая ботинки в прихожей, рассказывал матери школьные новости.

—Знаете, мама, к нам в школу приходила комиссия.

—Какая комиссия?

—Не знаю.

Остап радостно покрутился на пятке и убежал к детям.

Мехриниса позвала детей к дастархану и тут только обнаружила, что Сарсанбай еще не вернулся. Она вопросительно взглянула на Остапа.

—Не знаю,— пожал плечами Остап.

—Вы же вместе были в классе!

—Вместе, но только после уроков он куда-то ушел,— с равнодушным видом сказал Витя.

—Куда же он ушел? — воскликнула Мехриниса, и сердце ее снова тревожно застучало.— Разве братья так поступают?

Она торопливо вышла за калитку. Длинная, узкая улица была пуста. Она вернулась в дом, поспешно накинула на себя шаль и строго велела детям:

—Сидите смирно, и чтобы никто никуда не выходил!

Когда за матерью захлопнулась калитка, первой молчание нарушила Леся. Она вскочила, вытаращила глазенки и закричала:

—Что же будет, если он потерялся совсем?

— Не потерялся! Нашел же тебя папа, найдет и Сарсанбая,— спокойно возразил Витя.

—Это ты виноват,— сказал вдруг Вите Остап.— Пожаловался, что тесно тебе сидеть, и пересел от Сарсанбая на другую парту.

—Я? Ведь мне велела учительница.

—Сначала ты сам захотел.

—По-твоему, Сарсанбай из-за меня потерялся? — Витя рассердился и даже покраснел.

—Ребята, чай остынет,— вмешалась Галя, пытаясь примирить братьев.

—Сарсанбай тоже проголодался, наверное,— с сочувствием сказал Абрам.

—Сам виноват. Хлеб съел еще в первую перемену,— сердито пробурчал Витя.

Мехриниса тем временем металась по улицам. Побежала в школу —

дети все уже разошлись. Дважды обошла школьный двор — никого.

— Вы не видели смуглого мальчика с книгами и тетрадями в руке? — спросила она случайно встретившегося ей милиционера.

— Нет, не видел.— Милиционер с любопытством глядел на женщину.— Хола, извините, вы не Мехриниса-апа?

— Да. А что такое?

— Узнал вас... А кого из детей вы ищете?

Мехриниса все рассказала милиционеру.

— Вот что, Мехриниса-апа, идите-ка домой, а я займусь поисками. Не волнуйтесь. Мальчика мы найдем.

Мехриниса, устало передвигая ноги, направилась к дому. Несколько раз она оглядывалась назад: не догоняют ли ее милиционер с Сарсанбаем? Но знакомых фигур не было видно.

Присмирившие дети сидели по углам. Увидев, что мать вернулась одна, они даже не решились к ней подойти и только испуганно следили за каждым ее движением. Мехринисе стало жаль их. Она вспомнила, как муж сказал ей, когда она плакала, что нет писем от Батыра: «Не показывай слезы детям, они и так много пережили, их нужно побереечь». Мехриниса взяла себя в руки.

— Что это вы так сидите? Не проголодались?

Увидев, что мать повеселела, дети моментально вылезли из своих углов.

— Проголодались, мама, очень проголодались.— Леся забралась к Мехринисе на колени и принялась обнимать ее.

— Иди скорее, Остап, принеси угля в совке. Самовар-то остыл уже.

После чая дети затеяли какую-то веселую и шумную игру, а Мехриниса села стегать одеяло Лесе.

Работа двигалась медленно. Мехриниса с беспокойством смотрела на часы. Время шло, но ни Сарсанбай, ни милиционер не появлялись. Мысли одна страшнее другой не давали ей покоя.

К вечеру, когда начали сгущаться сумерки, Мехриниса не находила себе места. Не радовали, не отвлекали и шумные игры детей. Мехриниса развела огонь под очагом, налила воду в котел, и тут вбежал взволнованный Абрам.

— Мама, машина приехала!

«Сарсанбая задавило, и его привезли...» — подумала Мехриниса, почувствовав слабость в ногах. Медленно, как во сне, она вышла из дома. Посреди двора стоял улыбающийся Махкам-ака, окруженный

детьми.

— Дада, Сарсанбай пропал! — кричала Леся.

— Мы ходили в школу, — старался завладеть вниманием отца Витя.

— Дада, в школе была комиссия. Приходил и Аскар-амаки, — выложил Остап беспокоившую его весь день новость.

Дети не давали Махкаму-ака открыть рот. И тут Мехриниса вдруг увидела, что у калитки стоят Ахунбабаев и еще какие-то люди, с любопытством глядя на детей и стараясь не мешать их встрече с отцом.

— Ну, хватит, хватит, деточки мои! — наконец освободился из объятий малышей Махкам-ака. — Мать, расстилай курпачу, дорогие гости пришли. — Кузнец обернулся к калитке. — Проходите, проходите, Аксакал. Кадырходжа, Исмаилджан, пожалуйста...

Мехриниса приложила руки к груди, поздоровалась и ушла в комнату стелить курпачу. Дети примолкли, отошли в сторонку и почтительно поздоровались с каждым гостем в отдельности. Ахунбабаев внимательно рассматривал их, ласково улыбался.

— Как тебя зовут, доченька? — спросил он Лесю, приглаживая ей растрепанные волосы.

— Леся.

Ахунбабаев взял девочку на руки.

— А как зовут маму?

— Мехриниса, — сказала доверчиво Леся. Ей понравился этот дядя с большими и теплыми руками. — Мама сегодня расстроена, потому что пропал Сарсанбай, — громко поделилась она с Ахунбабаевым.

— Найдем, найдем твоего Сарсанбая. — Ахунбабаев, смеясь, посмотрел на присутствующих, как бы спрашивая: «В чем дело?» Но никто ничего не знал.

— Если папа пойдет разыскивать сам, сразу найдет. Он меня сразу нашел, — продолжала Леся, чувствуя, что теперь ее слушают все, не только Ахунбабаев.

— Ну, как же не найти такую умницу, такую хорошую девочку!

Леся крепко обняла Ахунбабаева за шею и поцеловала в обе щеки, затем, посмотрев на его колючие усы, осторожно пощупала их. Все засмеялись.

— А хочешь быть моей дочкой? — шутливо спросил Ахунбабаев.

— Нет! — Девочка сразу насторожилась.

— У твоего папы много детей, а у меня никого нет. Иди ко мне жить!

—Нет, нет,— уже сердито повторила Леся и задрогала ногами.— Спустите меня на землю!

Ахунбабаев поставил Лесю на айван.

—Я пошутил, доченька, пошутил.— Он поцеловал девочку и взял из рук мужчины в полувоенном костюме большой сверток.

Дети замороженно глядели, как он развязывал шпагат. В свертке оказались коробочки с конфетами. Ахунбабаев раздал конфеты детям и в недоумении оглянулся: одна коробка осталась у него в руках.

—Это Сарсанбаю,— робко подсказал ему Абрам.

—Да, да... Отдайте Сарсанбаю.— Ахунбабаев протянул коробку Абраму, так и не разобравшись, куда делся загадочный Сарсанбай.

Дети дружно поблагодарили Ахунбабаева, но никто не решился открыть свою коробку, только Леся настойчиво тянула за ленточку, но та, вместо того чтобы развязаться, затянулась узлом.

—Проходите, дорогие гости! Все готово! — Махкам-ака появился на айване.

—В сущности, уста, можно было бы здесь, на воздухе, посидеть,— заметил Кадырходжа.

—Нет, нет! В кои веки собрались вы к нам, и что же — сидеть на улице? Прошу в комнату!

—Действительно, времени для встреч нет, и все-таки встречаться надо. Без этого жить будет еще труднее. Как вы считаете, руководители? — Ахунбабаев, улыбаясь, посмотрел на Кадырходжу и Исмаилджана.

—Работа работой, а дружба дружбой, Аксакал. Мы очень рады, что вы нашли время прийти к нам,— ответил Кадырходжа и тоже улыбнулся.

Все вошли в дом, и в нем сразу стало тесно. Керосиновая лампа тускло освещала комнату.

—Уста, где у вас здесь проходит электролиния? — спросил Ахунбабаев, глядя на лампу.

—На соседней улице. Начали проводить и к нам, да помешала война.

Молодой человек, сопровождавший Ахунбабаева, переглянулся с ним, достал записную книжку и что-то пометил в ней.

Мехриниса принесла самовар, расставила посуду.

—Добро пожаловать!

Блестя огромными черными глазами, она села у стола и, обращаясь

с гостями, как со старыми знакомыми, принялась расспрашивать их о житье-бытье.

—Как вы поживаете, отец? Как жена, дети? — без всякой робости спрашивала она Ахунбабаева.

—Спасибо. Все здоровы. Пусть и у вас все будет хорошо,— отвечал Аксакал.

—А как вы поживаете? Жена поправилась? Получаете ли письма от дочки? — заговорила Мехриниса с Кадырходжой.

—Дочка пишет часто, всем передает привет.

Мехриниса нашла о чем побеседовать и с Исмаилджаном, и с молодым человеком, сидевшим рядом с Ахунбабаевым...

Растерявшийся от встречи с Аксакалом, Махкам-ака был очень рад, что жена оказалась такой любезной хозяйкой и ведет себя просто и естественно. «Молодец, жена, молодец!» — думал кузнец с облегчением.

После того как Ахунбабаев, прихлебывая чай, рассказал смешную историю о сапожнике, выпившем на спор полуведерный самовар, все, в том числе и Махкам-ака, почувствовали себя совсем непринужденно.

—К сожалению, нам нужно ехать, да и вас задерживать неудобно.— Худощавое лицо Ахунбабаева стало сразу серьезным.— Уста, партия и правительство от души признательны вам.— Ахунбабаев потеплевшими глазами смотрел на Махкама-ака и на Мехринису.— Народ не забудет ваши имена. Огромное спасибо вам говорят и бойцы, сражающиеся на фронтах. А в будущем, когда вырастут эти дети, они сами до земли поклонятся вам за то великое добро, которое вы для них делаете. Будем живы-здоровы, увидимся еще...

Ахунбабаев не успел договорить — с улицы послышались крики детей. Мехриниса быстро выскочила из комнаты. У крыльца стоял милиционер, держа за руку Сарсанбая. Мехриниса бросилась к мальчику, прижала его к себе.

—На вокзале он был. Обещал больше таких прогулок не устраивать,— устало сказал милиционер.

—Арестовать бы его! — воскликнула Мехриниса и тотчас испугалась своих слов. Она обернулась к милиционеру и, стараясь оправдать Сарсанбая, заговорила быстро-быстро: — Сам он, наверное, не знает, как это получилось. Конечно, не знает. Извините его, амаки!.. Ты проголодался, сынок? Идем скорее кушать.— Мехриниса снова обняла Сарсанбая.

Крупные, как горошины, слезы закапали из глаз мальчика.

—Пожалуйста в комнату. Выпейте пиалушку чая,— пригласила Мехриниса милиционера, но тот торопился и, отдав честь, ушел.

Из комнаты с шумом вышли гости. Мехриниса что-то шепнула Сарсанбаю на ухо, он подбежал к гостям и поздоровался с ними так весело, точно кто-то другой только что лил горькие слезы.

—Вот какой ты славный мальчик,— ласково похлопал Сарсанбая по плечу Ахунбабаев.— Только больше не убегай, не огорчай маму с папой. Не успеете и оглянуться, уста, как эти парни подрастут. Достойная будет нам смена.

Ахунбабаев снова дружелюбно посмотрел на Махкама-ака и принялся прощаться с детьми за руку, как со взрослыми. Уже у самой калитки он внезапно остановился.

—А что там за дувалом, уста?

—Пустырь, он выходит к арыку.

—Вам этот двор теперь не мал? — спросил Аксакал.

—Ничего, уместаемся,— улыбнулся Махкам-ака.

—Ладно.— Ахунбабаев что-то сказал молодому человеку, и тот опять сделал пометку в записной книжке.— Уста, вот этого молодого человека вы запомните.— Ахунбабаев повернулся к Махкаму-ака.— Он хороший человек и хороший хозяин. Когда нам что-нибудь от него нужно, мы становимся перед ним на колени, складываем руки на груди — и, знаете, он всегда нам помогает.— Ахунбабаев рассмеялся, а молодой человек покраснел до ушей.— Если и вы когда-нибудь обратитесь к нему, думаю, он не оставит вашу просьбу без ответа.

—Спасибо, Аксакал, спасибо.

—И от меня спасибо,— взволнованно сказал Кадырходжа.

—Ваш начальник, уста, человек тоже не маленький.— Ахунбабаев поглядел на Кадырходжу.— Его тоже иногда можно побеспокоить просьбой.

—Да нам ничего не надо. Спасибо за заботу,— благодарил Аксакала Махкам-ака.

Гости сели в машину и уехали вместе с кузнецом. Дети и Мехриниса долго стояли на улице. Уже машина скрылась из виду, улеглась поднятая ее колесами пыль, а они все смотрели и смотрели вслед.

—А почему папа уехал? — спросил Абрам.

—Папа приезжал с работы, сынок, и уехал опять на работу. Вернется утром. Он сегодня снова работает две смены...

Глава девятнадцатая

Не один Махкам-ака — почти вся артель работала теперь по две смены. Случалось оставаться и на третью смену. Порой даже Исмаилджан, председатель артели, сам становился на место уставшего до изнеможения или заболевшего кузнеца. Бумаги, принесенные секретарем, он подписывал тут же, на горячей наковальне. Кадырходжа знал, где разыскать председателя, и шел прямо в кузницу. Работы было много. Военный заказ еще не до конца выполнили, а тут началась горячая пора полевых работ. Приходилось брать заказы и для сельского хозяйства. Рабочих рук не хватало: лучших, опытейших кузнецов направили на военные заводы. Управленческий аппарат сократили до предела. Всех, кто мог работать физически, перевели в кузницу. В конторе сидели лишь бухгалтер да секретарша.

Однажды незадолго до конца второй смены Сали-уста, работавший рядом с Махкамом-ака, вдруг упал без сознания. Его немедленно отправили в больницу. Заменить Сали-уста было некому. Закончив свою смену, Махкам-ака немного передохнул и взялся за работу Сали. Пришлось отстоять и третью смену.

Мехриниса уже привыкла к тому, что муж сутками не появлялся дома.

Как-то утром она встала рано, прибрала во дворе: подмела, побрызгала водой. Только собралась постирать, как вернулся Махкам-ака. Черные тени легли у него под глазами, от усталости он еле передвигал ноги, но был весел.

—Ассалому алейкум, хорманг,— сказала Мехриниса, подходя к мужу.

—Доброе утро! Бери, обрадуй детей.— Кузнец протянул жене сверток.— Вчера ходил в магазин, вот кое-что купил.

Бросив сверток на краю айвана, она пошла посмотреть, кипит ли самовар, а по дороге крикнула в открытую дверь:

—Эй, дети, вставайте, отец пришел! Вставайте! Опоздаете в школу!

Дети крепко спали. Махкам-ака сам принялся тормошить их.

—Выходной же сегодня,— пробормотал Витя и натянул на голову одеяло.

Сарсанбай перевернулся и во сне толкнул Остапа, от этого Остап открыл глаза, но бессмысленно посмотрел вокруг и продолжал лежать

не двигаясь. Только Абрам и Галя сразу проснулись и радостно заулыбались, увидев отца.

Мехриниса тем временем развернула сверток.

—Зачем же это вы? Купили бы не готовое, а материал, я бы сама сшила все, что надо,— недовольно сказала она, прикидывая в уме, сколько денег истратил Махкам-ака,

—Что ты, жена! Не надо, чтобы они, как детдомовские, ходили во всем одинаковом,— возразил кузнец. Он достал из кармана деньги.— Это тебе на расходы.

—Ой, боюсь, не хватит до следующей получки,— огорчилась Мехриниса, пересчитывая деньги.

—Авось хватит. О! Вот и Леся встала!

Девочка стояла на пороге, протирая кулачками глаза.

—А где салом, доченька?

—Я ведь еще не умылась.

—Поздороваться-то можно и неумытой!

—Ассалому алейкум! Ой, папа, почему у вас глаза такие темные?

—Это от усталости, доченька.

—Ложитесь отдыхать. Скорее ложитесь в мою постель, она еще тепленькая...

—Спасибо тебе, доченька. Скажи, а ведешь ты себя хорошо?

—Хорошо,— не очень уверенно произнесла Леся и оглянулась на мать.

—Ну, раз хорошо, то примерь-ка вот это платье.

Леся схватила платье и, напевая, пустилась в пляс. Услышав песенку Леси, появился Остап. Радостное настроение сестренки моментально передалось и ему. Улыбаясь широко, открыто, как умел только он один, Остап подошел к отцу.

—Ассалому алейкум, дада, хорманг.

—Ну-ка, сынок, попробуй надеть вот это.

—Бой булинг!⁵² — на чистом узбекском языке неожиданно сказал Остап, влезая в синюю рубашку.

«Видно, слышал от матери»,— подумал Махкам-ака и протянул подарки подбежавшим Гале и Абраму.

Одевшись в новое, дети кружились друг перед другом. Махкам-ака заворуженно глядел на них, не замечая, что все еще держит в руке

---

⁵² Бой булинг — разбогатеть вам (слова благодарности).

рубашку, предназначенную Сарсанбаю.

— Это кому? — спросил Витя.

— Это Сарсанбаю, соне. А тебе я принес ботинки, сынок.

Витя начал надевать ботинки. Долго он возился с ними, но ботинки были явно малы. Отшвырнув их в сторону, Витя отошел и уселся, надувшись.

— Остап, попробуй ты надеть их.

Остап попытался надеть один ботинок — ничего не вышло. Из комнаты вытащили сонного Сарсанбая. Ему ботинки тоже не подошли.

— Как же теперь быть? — всплеснула руками Мехриниса.— Ботинки-то нужнее всего!

— Не огорчайся, я обменяю их на другие.

Обычно Махкам-ака после ночной смены сразу ложился спать, но сейчас он позавтракал, взял Витю за руку и ушел с ним.

Возле магазина, в котором Махкам-ака купил ботинки, стояла толпа, ожидавшая открытия. Отыскивая конец очереди, Махкам-ака увидел Ивана Тимофеевича. Он еще больше похудел.

— О, Вахаб-ака, как поживаете?

— Здравствуйте, уста! Сколько раз собирался зайти к вам, но все никак не мог выбраться. Мы очень обрадовались, увидев в газете вашу фотографию. Жена вырезала ее и повесила на стену.

Махкам-ака смутился, не зная, что и сказать в ответ.

— Есть ли вести от дочери, от зятя? — спросил кузнец.

— Нет, уста,— вздохнув, ответил Иван Тимофеевич.— Мать совсем извелась. На каждый стук бросается к дверям сама не своя. Хорошо, что мы взяли девочку. Все же как-то отвлекает... Недавно еще и мальчика привели... Мальчик уже большой, школьник. Сегодня выходной, он у тетки в гостях. А я пришел сюда купить ему какую-нибудь обувь.

— И я тоже... Купил вот, да без примерки.— Махкам-ака рассказал о задаче с ботинками.

— Не повезло. Ничего, может, обменяете, уста,— посочувствовал Иван Тимофеевич.— А есть ли вести от старшего сына?

— Ни слова! Написали даже командиру, и тоже пока ответа нет.

— Да, трудная жизнь настала! Что ж, будем ждать и надеяться.

— Лишь бы кончилось все хорошо, Вахаб-ака...

— В Москву он не сумел ворваться, уста. И долго ему тут . не устоять, попомните мои слова. Наши двинулись вперед.

— Да что вы! А я утром не слушал радио.

—Сводка сегодня хорошая: фашисты начали отступать,— с воодушевлением, громко сказал Иван Тимофеевич.

Очередь затихла, прислушиваясь к тому, о чем говорил голубоглазый, с пожелтевшими усами русский.

—Какая радость, Вахаб-ака! Спасибо за добрую весть... Да иначе и быть не могло. Вы посмотрите, сколько мужества, сколько стойкости у наших людей и здесь, в тылу. Я за воротник хватаюсь от удивления: на что способен человек! Недоедает, недосыпает, но готов одним ударом гору стереть в порошок. Падают у горна, а молот не выпускает из рук.

—По трое-четверо суток подряд не отходят от станка люди на нашем заводе,— вмешался вдруг в разговор седой мужчина в испачканном мазутом комбинезоне.

—Ну, вот видите! — с гордостью сказал Махкам-ака.

Двери магазина открылись. Кузнец встал было в общую очередь, но Иван Тимофеевич посоветовал ему подойти к продавцу:

—Вам ведь только поменять.

Махкам-ака не решался, и Иван Тимофеевич сам протиснулся к прилавку.

—Послушайте, доченька, вот этот мой ака хочет обменять ботинки. Помогите ему, пожалуйста.

Продавщица что-то сказала подруге, подносившей коробки, та взяла у Махкама-ака ботинки, взглянула и тут же вернула их.

—Больших размеров нет. Кончились.— Она развела руками, увидев, как у Вити обиженно задрожали губы.

Махкам-ака и Витя вышли на улицу, за ними с трубкой в руке выбрался из толпы Иван Тимофеевич.

—Вот не везет, Вахаб-ака. Попробую зайти в другие магазины.

—Можете не трудиться. Ни в одном магазине ботинок нет. Я вот уже три дня ищу. Где только не был!

—А если сходить на базар? Вдруг с рук купим?

—Там все в десять раз дороже, уста.

—Вы правы. Раз так — дело наше кончено,— невесело улыбнулся кузнец.— Кланяйтесь вашим домочадцам и приходите в гости, Вахаб-ака.— Махкам-ака за руку попрощался с Иваном Тимофеевичем и, глядя ему вслед, объяснил Вите:— Это очень хороший человек.

Витя был мрачнее тучи, сопел, не смотрел на отца. Он шагал медленно, постепенно отставая от Махкама. А тот шел, вспоминая, как уверенно сказал Вахаб-ака: «Прошли те времена, когда наши только

отступали». «Надо будет еще раз встретиться с Вахабом-ака, посидеть, поговорить, он умница, многое знает. Оказывается, он член партии и тоже был на том заседании бюро, куда вызывали Кадырходжу... Какой он отзывчивый, внимательный. Да и Кадырходжа тоже. Видно, все партийные люди такие»,— заключил Махкам-ака.

Вите надоело плестись одному, он догнал отца и шагал теперь рядом с ним, размахивая таловым прутиком.

Через несколько минут они увидели заросшего, грязного мальчугана лет семи. Он сидел на обочине тротуара и с аппетитом уплетал соленый огурец. Мальчуган не обратил ни малейшего внимания на прохожих. Огурец громко хрустел на его зубах. Махкам-ака в одно мгновение охватил взглядом тощую фигуру мальчишки. В глаза ему бросились худые детские ноги, обутые в рваные ботинки, подошвы которых держались лишь потому, что были обмотаны тряпками. Махкам-ака прошагал было мимо мальчишки, но вдруг остановился.

—Пошли, папа, что это вы уставились на него? — потянул Витя отца за руку.

—Погоди! — Махкам-ака вытащил ботинки из коробки и приблизился к мальчугану.

—На, примерь-ка.

Витя рванулся, чтобы выхватить ботинки, но сдержался. Ему показалось, что отец решил подшутить над мальчишкой. «Все равно папа обманет его»,— подумал он и усмехнулся.

Мальчик посмотрел на Махкама-ака испуганными глазами и отодвинулся подальше от протянутой руки.

—Чего ты испугался? Надень.— Махкам-ака положил ботинки мальчику на колени.

Тот радостно схватил их, но все-таки, опасаясь подвоха, с тревогой глядел на Махкам-ака.

—Надевай, что ж ты медлишь?

Мальчик стал торопливо стаскивать старые ботинки. Ветхие шнурки рвались, тряпицы сползли с подошв, пачкая руки.

— Вытри ноги-то, грязные они у тебя,— посоветовал Махкам-ака, терпеливо наблюдая за мальчуганом.

Рваным носком тот обтер ноги и натянул ботинки. Они так ему нравились, что он не утерпел и погладил ладонью гладкую кожу. Потное, раскрасневшееся лицо мальчугана светилось счастьем.

—Вы что, дядя, волшебник? — звенящим голосом сказал

мальчуган.

Кузнецу словно сдавило горло, и он ничего не ответил. А мальчик вскочил и, не отрывая глаз от ботинок, побежал к скамейке, на которой сидела, облокотившись на мешок, молодая женщина — в лохмотьях, болезненного вида, растрепанная.

— Мама, ботинки! — восторженно кричал он на бегу.

Радость мальчика передалась Махкаму-ака, с упоением следившему за ребенком.

— Дада! — вдруг обиженно воскликнул Витя и громко заплакал.

Он все еще надеялся, что это шутка. Отец же совсем недавно говорил, что нет денег. А потом, ботинки были нужны ему, Вите, самому первому и любимому сыну. Что же отец скажет теперь маме?.. Вите не было жаль ботинок — они все равно не подошли ему, — он чувствовал себя обойденным: кого-то другого одарили прежде его...

Махкам-ака шершавой ладонью вытер Вите слезы, строго сказал:

— Ну, что ты распустил нюни? Разве тебе не приятно было видеть, как парнишка обрадовался? Да он этот час на всю жизнь запомнит. И сам, когда вырастет, будет поступать, как мы его сегодня научили.

Витя хлюпал носом и мрачно молчал.

Но возле калитки он схватил вдруг Махкама-ака за руку:

— Добрый вы! Один такой на всей земле!

— Нет, не один. Двое нас: ты и я.— Махкам-ака весело похлопал мальчика по спине, пропустил его в калитку. Тихая, довольная улыбка светилась в его черных, всегда задумчивых глазах.

Глава двадцатая

Прекрасная пора года весна! Поют птицы, вся природа, возрождаясь, благоухает; дворы, обочины дорог, берега арыков, поля и равнины, горы и холмы — все покрыто зеленым ковром, все нежится под лучами ласкового весеннего солнца.

Стоит немного отъехать от города — и взору вашему предстанут бархатные луга, усеянные огненно-красными тюльпанами. Деревья утопают в цветах. Цветы раннего урюка при малейшем ветерке осыпают лепестки, а те, медленно опускаясь на землю, устилают все вокруг белоснежным покрывалом. Природа, словно презрев войну, трудности, красуется весной в ярких нарядах. Каждый день она

надевает новые уборы — один прелестнее другого. В прозрачном воздухе носятся неповторимые ароматы весны, радуя и согревая душу, даруя бодрость и легкость. Для детей это самая счастливая пора. Весной дети всегда непоседливее, шумнее. У Махкама-ака ребятишки каждое утро, как только встанут, бегут считать, сколько новых полевых маков распустилось за ночь на крышах, карнизах и дувалах. Мальчики залезают на крышу и срывают цветы, девочки плетут венки из цветов попеременно с зеленой травкой и ходят в них, гордые и красивые.

Для Махкама-ака и Мехринисы эта весна была особенной. Первая весна большой семьи... Может быть, поэтому супругам казалось, что все в этом году не так: и небо ярче, и цветы пахнут сильнее, и птицы поют звонче.

Дел у них по-прежнему было много. После визита Ахунбабаева приказом райисполкома семье Махкама-ака был отдан большой участок за дувалом, очень грязный, неровный. Он полого спускался к Анхору. Обработать такой участок, превратить в огород или в сад одному человеку не под силу. Поэтому Махкам-ака и радовался куску земли, и нервничал, не зная, с чего начинать. А ведь нужно было еще что-то придумать и с орошением. Маленький арык, протекавший через двор, шел в другом направлении, он орошал и соседние земли, и его нельзя было повернуть. Анхор же проходил слишком низко.

Махкам-ака все собирался посоветоваться с кем-либо знающим, как ему быть, но так и не успел. Однажды утром появились Абдухафиз и Ариф-ата. Оказалось, что собрание активистов махалли решило устроить общественный воскресник на участке кузнеца.

—Я совсем растерялся, не знаю, что и сказать. Неудобно мне, Абдухафиз, стыдно беспокоить соседей,— смутился Махкам-ака.

—Мулла Махкам, я знаю, вы очень скромный человек,— не спеша начал Ариф-ата.— На своих плечах вы самоотверженно несете тяжелый груз. Бьетесь, не щадя себя, хлопчете изо всех сил...

—Не обижайте меня, ака. Я сделал это от чистого сердца и не жалею. Слава аллаху, дети растут.

—Погодите, погодите, разве младший брат может обидеться на слова старшего? Я вам не чужой. Правда, сказано: «Чужое тело не ощутит твоей боли». Но есть и другая поговорка: «Ударишь быка по рогам — зазвонят копыта». Корни у нас одни — вот что я хочу сказать. Вы сердитесь — мол, взял я детей на воспитание сам, сам и позабочусь о них. А вы понимаете, что это дело вы делаете для Родины, для

народа? Раз так, не смущайтесь, если соседи по махалле идут вам на помощь. Жаль, что вас не было, когда мы собирали активистов.

—Конечно, надо было и вас позвать,— вставил Абдухафиз.

—Только я сообщил, что этот участок передали Махкаму-ака,— продолжал Ариф-ата,— мне не дали говорить. Одни завели речь о выравнивании земли, другие о том, где взять арбу для вывоза мусора. Додумались даже и до того, как подать воду из Анхора. Решили установить чигирь⁵³. Так что завтра, в воскресенье, приготовьте барана...

—Барана? — растерялся Махкам-ака.

Ариф-ата рассмеялся:

—Ну, если не барана, то хотя бы чай.

—Чай будет... Конечно, будет чай! — Махкам-ака уже соображал, что сможет он предложить товарищам, кроме чая.

—На следующей неделе монтеры протянут электропровода с улицы в ваш двор,— сказал Абдухафиз.

—Значит, и с этим все в порядке! — Ариф-ата хлопнул себя ладонью по колену.— Говорят же, если пятнадцать дней месяца темные, то пятнадцать светлые; значит, и это дело налажено. Теперь вам не придется ночью искать на ощупь спички, мулла Махкам.— Ариф-ата рассмеялся, довольный своей остроумностью.

«Ну и шутник же мой ака...» — подумал кузнец и тоже засмеялся, бросив взгляд на айван: не слышит ли их разговор жена?

В воскресенье на участок пришли старики, молодые, даже дети — кто с кетменем, кто с лопатой, кто с ведром или с носилками. На двух арбах вывозили мусор. Ариф-ата принес один из своих больших самоваров. Сам вскипятил и непрерывно заваривал чай. Икбал-сатанг установила посреди двора большой котел и приготовила суп-лапшу.

Внезапно появился и Исмаилджан с десятью товарищами из мастерской. Махкам-ака был удивлен: откуда они-то узнали про воскресник? Мало того, оказалось, что именно сослуживцы разработали проект чигиря. Махкаму-ака стоило взять кетмень или еще какой-нибудь инструмент, как его тут же отбирали. «С вас хватит и чай таскать»,— говорили одни. «Идите помогите женщинам раскатывать тесто»,— шутили другие. Работали люди весело, не умолкал смех, гомон, кое-кто даже пел. Махкам-ака был страшно

---

⁵³ Чигирь — колесо с черпалами, вращаемое течением и подающее воду для орошения.

взволнован всем происходящим, минутами ему казалось, что все это снится...

Захламленный, давно уже превратившийся в свалку участок (по площади он в четыре раза превосходил двор) за несколько часов был очищен до самого Анхора, выровнен, вспахан, разрыхлен. Проложили и арык. К полудню работа завершилась. Умолкли шумные разговоры. Все разошлись, несмотря на настоятельную просьбу Махкама-ака остаться на обед.

—Учтите, той за вами,— шутливо предупреждали люди, покидая двор кузнеца.— На свадьбу детей не забудьте пригласить!

Вот уже целую неделю Махкам-ака, Мехриниса и дети сеют на новом участке всякую зелень, высаживают деревья. Теперь наконец сбылась Мечта Махкама-ака посадить черешню в честь Сарсанбая, Остапа и Леси. Скоро и чигирь будет готов, останется установить его и поднять воду. Приходил Ариф-ата, посеял семена своего любимого райхана.

Произошло и еще одно немаловажное событие. Как-то утром, когда Мехриниса стирала во дворе, в калитку вошла, мыча, пегая корова. Стельная, она двигалась неуклюже, покачивая боками, сверкая блестящей шерстью. Дети, окружили корову, замахали на нее руками, чтобы выгнать на улицу, но тут в открытую калитку заглянул незнакомый старик:

—Эй! Кто же выгоняет на улицу свою корову?

—Не наша она, амаки, видать, заблудилась,— объяснил Абрам.

—Нет, не заблудилась. Это умная корова. Она знает, куда идет.— Старик вошел во двор и погладил корову, потом подмигнул Абраму черным, как спелая вишня, глазом.

Дети рассмеялись, но продолжали с тревогой наблюдать за стариком.

«Какой он странный!»—с удивлением подумал Витя и вспомнил отца. Когда тот дарил ботинки незнакомому мальчику, глаза у него были такие же торжественно-радостные, как у этого человека.

Увидев вошедшего следом за коровой старика, Мехриниса вытерла руки и направилась к нему, тщетно пытаясь вспомнить, кто этот пришелец.

—Ассалому алейкум. Эй, где же ваш салом?— напомнила она детям.

Дети поздоровались со стариком.

—Молодцы, молодцы! И я не ошибся! Говорят, расспрашивая, можно и Мекку найти.

—Проходите, садитесь,— приветливо сказала Мехриниса, про себя решив, что старик — какой-нибудь знакомый Махкама-ака.

—Спасибо, дорогая, а только сидеть мне некогда. Корову вот примите — и до свидания.

—Ой как же это?— Мехриниса переводила удивленный взгляд со старика на корову.

—Не видать вам нужды ни на этом, ни на том свете! — певуче пожелал старик, подняв к небу глаза и сложив руки на груди.

—Садитесь сюда, амаки.— Мехриниса поспешно расстелила курпачу.— Сарсанбай, сынок, принеси-ка дастархан.

Старик присел с краю супы, прочитал краткую молитву.

—Ничего не надо. Даст аллах, приду к вам в радостный день — на свадьбу. До свидания, дети!— Старик повернулся к Мехринисе.— Корова на днях принесет вам теленочка. Присматривайте!

Мехриниса и дети проводили старика за калитку.

«Сон это или явь?— думала Мехриниса, возвращаясь во двор.— Чужие люди помогают расчистить участок, дарят корову. За что, за какие заслуги такое внимание? Достояна ли я его? И что мы с Махкамом-ака дадим людям взамен?!»

Только потом Мехриниса вдруг вспомнила, что не спросила старика, какая организация прислала корову. Гадала, гадала Мехриниса и решила, что корову велел привести Ахунбабаев-ата.

Махкам-ака, конечно, обрадовался корове, но жену отчитал за оплошность: «Даже и поблагодарить-то некого»,— хотя в душе он не сомневался в том, что это сделал Ахунбабаев. «Только Аксакал способен на такое»,— думал Махкам-ака.

В школе, Где учились Остап, Витя и Сарсанбай, решили разместить госпиталь. Об этом объявили во время первого урока, а вечером уже должны были привезти раненых. К двенадцати часам дня все классы были освобождены. Парты, столы, стулья складывали во дворе, и Ариф-ата руководил погрузкой их на арбы. Медицинские работники принялись дезинфицировать помещение. После обработки комнат молодые женщины немедленно втаскивали туда койки, матрацы, одеяла.

Работа спорилась. К стремительным темпам люди уже привыкли за

последние месяцы. Так же быстро были проведены сбор теплой одежды, расселение эвакуированных, снабжение их топливом.

Пока эту школу оборудовали под госпиталь, другую школу в соседней махалле готовили для занятий в две смены. Там требовалось срочно расширить раздевалки, улучшить вентиляцию, добавить учебных пособий.

Вместе с Мехринисой, Таджихон и Захирой мыла пол Кандалат-биби. Недавно поселившаяся у нее хрупкая, белолицая женщина по имени Светлана то и дело подходила к старухе и что-то тихо ей говорила. Кандалат-биби по-русски не понимала и только ласково улыбалась. Тогда Светлана поступила проще: взяла Кандалат-биби за руку и посадила на стул у стены.

—Эй, Мехриниса, скажи-ка по-русски этой Салтанатай,— сердито попросила Кандалат-биби,— без движений я совсем превращусь в паралитика. И дома она всегда такая. Стоит мне начать стирать, она тут как тут, берет меня под руку и сажает на супу. Что я, неполноценная, что ли? Слава аллаху, руки и ноги у меня целы, аппетита я не лишилась. Совершенно здорова, бодра. И сюда она не хотела меня пускать.

Мехриниса перевела, что говорила Кандалат-биби, слово в слово. Светлана залилась смехом. Вместе с ней смеялись все женщины.

Светлане нравилось, что Кандалат-биби ее слушается и побаивается. Она чувствовала себя ответственной за старуху.

А Кандалат-биби привыкла к Светлане, увидела в ней надежную опору, полюбила ее как-то сразу. Вначале женщины совсем не понимали друг друга. Затем они стали объясняться жестами, при этом очень смешили одна другую. Но вскоре они стали каким-то образом улавливать смысл сказанного.

—Когда она медленно говорит, я все понимаю, только вот отвечать не умею... — делилась со знакомыми Кандалат-биби.

Муж и сын Светланы погибли на фронте, мать на ее глазах убило осколком бомбы. Последняя радость и надежда — полутораговая дочь заболела по дороге в Ташкент и умерла на руках у Светланы. Глубокой ночью Светлана сошла с поезда на станции Акбулак. Просидела она здесь до утра. Как только рассвело, работницы станции помогли ей похоронить девочку. Одна из них повела ее к себе домой, накормила, уложила в постель. Но сна не было. После долгих бессонных ночей Светлана опять пришла на станцию, подошла к поезду... и упала от изнурения. Очнулась она в больнице. Потом шесть суток женщина

провела на вокзале в Ташкенте, пока ее не устроили в заводское общежитие.

Кандалат-биби не сразу узнала о горе Светланы. Как-то через соседку-школьницу, хорошо знавшую русский язык,

она осторожно спросила:

—Ты не обидишься, дочка, если я буду называть тебя Салтанат? Так дочь мою звали... Полюбила я тебя...

Светлана крепко обняла старуху и вдруг впервые за все время заплакала. Кандалат-биби вытерла Светлане слёзы

кончиком кисейного платка.

—Ойи!— сказала тогда Светлана мягко, нараспев, совсем по-узбекски.

Кандалат-биби вздрогнула: голосом родной дочери говорила русская женщина.

...Закончив мыть полы, все вышли во двор. Остались убирать участок перед госпиталем лишь те, кто пришел позже.

Светлана подошла к Кандалат-биби, сидевшей за партой во дворе:

—Ойи, работу свою мы кончили, домой кетдик⁵⁴.

—Кетдик, кетдик, кизим. Ой, супургини олмадинг-ку⁵⁵.

Светлана поняла, о чем говорила старуха.

—Не оставлю, ойи.— Она взяла веник и повела Кандалат-биби под руку.

Не успели они перейти улицу, как показались две санитарные машины, мягко катившие по мостовой. Светлана сразу догадалась, что везут раненых, но промолчала, боясь, что старушка захочет повернуть назад. Времени до работы у Светланы было в обрез.

Санитарные машины остановились у входа в школу в ту минуту, когда Мехриниса как раз прощалась с Икбал-сатанг. Женщины смолкли, держа друг друга за руки. Суэта вокруг мгновенно прекратилась. Санитары взялись за носилки. Большинство раненых лежали неподвижно и безмолвно. Трудно было поверить, что большой белый кокон, который санитары бережно вытаскивали из машины,— живой человек...

Одна машина, пятясь, вплотную подошла к двери школы. Пожилая

---

⁵⁴ Кетдик — пошли.

⁵⁵ Кетдик, кетдик, кизим. Ой, супургини олмадинг-ку! — Пошли, пошли, доченька. Ой, веник-то мы не взяли!

медсестра в белом халате вынесла из кузова запеленатого младенца, прижимая его к груди. Из кабины выпрыгнула девочка лет десяти. Медсестра отдала ей ребенка и велела подождать во дворе. Сама же она подхватила под руку женщину в сером больничном халате, вылезавшую из автомобиля, и повела ее в здание. Потом санитары вынесли из машины другую женщину, с забинтованной головой, неподвижно смотревшую запавшими глазами в небо.

Девочка с ребенком на руках кинулась к носилкам, но санитары оттеснили ее. Она рукавом вытерла слезы и села на камень у забора, покачивая младенца. Вдруг откуда-то появились Сарсанбай и Остап. Они нерешительно приблизились к девочке.

— Это твоя мама? — осмелился спросить Остап.

— Да, — односложно ответила девочка.

Ребенок заплакал. Девочка встала, принялась ходить, но ребенок плакал все громче.

Пожилая медсестра вернулась и, взяв у девочки ребенка, попыталась успокоить его, но младенец не умолкал.

Мехриниса с болью в сердце наблюдала за всем, что происходило во дворе.

— Капризничает. От жары, наверное, — сказала она с сочувствием, подходя к медсестре.

Медсестра устало взглянула на Мехринису, тяжело вздохнула.

— Этого в Дом ребенка сейчас увезу, там и накормят, и полечат, а вот что с девочкой делать — не знаю. Хочет быть рядом с матерью. — Она сказала это скорее сама себе, чем Мехринисе.

— Послушайте... — Решение у Мехринисы возникло в одно мгновение. — Мы живем в этой махалле, близко. Пока мать поправится, пусть девочка поживет у нас.

— Это было бы чудесно. — Медсестра обрадовалась, посветлело ее усталое лицо.

— Да я сама буду навещать эту женщину... — продолжала Мехриниса.

Медсестра позвала девочку, стала ласково ей объяснять, что тетя зовет ее к себе пожить, обещает ходить с ней к маме.

Девочка, нахмурясь, настороженно оглядела Мехринису и вдруг доверчиво улыбнулась ей.

Остап и Сарсанбай, напряженно смотревшие на беседующих, понимающе переглянулись и тихонько пошли к воротам.

—Как тебя зовут, доченька?— спросила Мехриниса.

—Ляна!

—Имя у тебя красивое. И ты сама тоже славная. Ну, пошли!

И тут произошло неожиданное. Ляна заупрямилась, сказала, что она пойдет с Мехринисой только в том случае, если они возьмут маленькую сестренку. Мехриниса попыталась уговорить Ляну, но та настаивала на своем. Мехринису растрогала просьба девочки.

—Давайте мне младенца.— Мехриниса протянула руки к медсестре.— Попробую, если не справлюсь — в Дом ребенка отвезем.

Едва они вошли во двор, дети с шумом столпились вокруг, один только Витя остался неподвижно сидеть в углу.

—Пришла? — Остап радостно смотрел на Ляну, как на старую знакомую.

Ляна исподлобья рассматривала детей. Леся, ухватив мать за подол, просила сейчас же показать ей малыша. Галя тоже тянулась к ребенку, разматывала пеленки.

Мехриниса распеленала малышку, подогрела сладкий чай, попробовала напоить ее с ложечки. Девочка на несколько минут умолкла, но потом вновь принялась плакать. Прижав младенца к груди, Мехриниса беспомощно металась по двору. Вошла Икбал-сатанг — она проходила мимо и услышала детский плач.

—Погодите, келинпашша⁵⁶,— сказала она, нимало не удивившись тому, что на руках у Мехринисы грудной младенец,— я сейчас вскипячу молоко.

Икбал-сатанг вернулась через несколько минут с пиалушкой в руке. Она остудила ложечкой молоко и осторожно попыталась напоить малышку. Но девочка пить с ложечки не умела и лишь пускала пузыри, чмокая губами.

—Не получится так,— огорчилась Мехриниса.

И тут вдруг Икбал-сатанг вспомнила, что у Салимы, невестки ее знакомой Захиды, недавно родился ребенок. Она лихо хлопнула себя по бедрам и предложила Мехринисе срочно пойти к Селиме.

—Попросить-то можно, но согласится ли она? — заколебалась Мехриниса.

Мехриниса напомнила Икбал-сатанг, что свекровь Салимы страшно суеверна. К тому же не прошло еще сорока «очистительных» дней после

---

⁵⁶ Келинпашша — невестушка (почтительное обращение).

родов. А потом, разве решится она на такое дело без согласия мужа?

—Ведь она же человек! Поймет! Я бы сама с вами отправилась, но нужно срочно размещать семьи эвакуированных. Идите смело, не бойтесь.

Икбал-сатанг ушла, а Мехриниса принялась поспешно переодеваться.

Чем ближе подходила Мехриниса к дому Захиды, тем сильнее ее охватывала тревога. Перед домом она невольно замедлила шаги: может, лучше совсем не ходить, чем оконфузиться? Малышка снова громко заплакала, и это подтолкнуло Мехринису.

Навстречу гостье вышла необыкновенно расцветшая после родов Салима. Она пригласила Мехринису в комнату, как бы не замечая, что у той на руках ребенок.

—Как вы себя чувствуете, милая Салима?

—Спасибо, хорошо.

Салима вышла в прихожую за хантахтой. Она расстелила дастархан, поставила поднос с угощениями и собралась было поставить самовар, но тут Мехриниса взмолилась:

—Милая моя, голубушка, я приду еще как-нибудь. Спешила, чтобы успеть до сумерек...— И Мехриниса напрямик объяснила, в чем дело.

—Пробовала и молоко, и сладкий чай. Нет у меня соски.— Мехриниса торопилась, боясь, что кто-нибудь войдет и помешает.

Салима не задала ни одного вопроса. Она быстро взяла малышку из рук Мехринисы, расстегнула кофту и дала ребенку грудь. Девочка жадно, захлебываясь, стала сосать. Женщины умиленно посмотрели друг на друга.

—Спасибо вам. Жить вам с Абиджаном в согласии и мире до старости лет! Письма от него есть? — не сводя глаз с ребенка, говорила ликующая Мехриниса.

—Всем передает привет.

—Пусть вернется живым-невредимым на ваше счастье, на счастье сына!..

—Да сбудутся ваши слова, апа. А Батыр-ака пишет?

—Молчит. Не можем понять, в чем дело. Сегодня восемь месяцев и девятнадцать дней, как перестал писать.

—Может быть, апа, он в таком месте, что оттуда нельзя и строчки отправить. Так тоже бывает. От сына моей сестры письмо пришло через семь месяцев.

—О, если бы так!..

Малышка сосала, посапывая. Салима хотела было отнять грудь, чтобы не перекормить девочку, но та сразу заплакала.

—Ничего с ней не случится, как вы думаете, апа? — с опаской спросила Салима, но продолжала кормить ребенка.

—Пусть наестся.

—Как вы любите детей, апа! А у этой малышки мать русская?

—Молдаванка. Будь она неладна, война! Всем народам горе принесла.

—Мама часто о вас говорит. Она вас так уважает — курпачу под вашу тень стелить готова. И молится за вас очень часто.

—За меня?— удивилась Мехриниса.

—За вас, апа. Газету с вашей фотографией хранит на полке в нише и все говорит мне: «Вот увидишь, невестушка, дети принесут ей счастье и на этом, и на том свете». Вы же знаете, какая у нас мама: она все мерит тем, как на том свете аукнется,— засмеялась Салима.

Мехриниса-то больше всего боялась как раз встречи с Захидой. К счастью, ее не было дома. Мехриниса не спросила, где она, но знала, что Захида надолго не оставит молодую невестку одну.

После слов Салимы Мехриниса чуть-чуть успокоилась, но все равно на душе у нее было тревожно. Салима по молодости, по доброте ни о чем не подумала, накормила ребенка, но вдруг появится Захида? Не избежать тогда Салиме упреков набожной старухи.

—Где же мама?— спросила наконец Мехриниса.

—Мама стала парашютисткой,— улыбнулась Салима.— Пошла в бригаду к жене председателя махаллинской комиссии.

—Слышала я про эту бригаду. А на завод она не ходит?

—Нет, работает дома. И знаете, как наловчилась! Да и со временем свободнее. Скоро придет.

—До свидания, Салимахон, мне пора. Пусть мать не знает, что я приходила. А завтра понесу крошку к врачу, пусть выпишет искусственного молока.

Мехриниса взяла на руки спящую девочку, но, увидев, что пеленка мокрая, решила перепеленать ребенка. Мехриниса развернула малышку, и как раз в это время в комнату вошла Захида.

—Ой, ой, Мехриниса ли это? Ой, золотая моя... Заставили вы меня краснеть перед вами!

—Вам ли краснеть передо мной! Поздравляю с внуком,— сказала

смущенно Мехриниса и обняла Захиду.

—Спасибо, спасибо.— Захида оглянулась, и брови ее взметнулись вверх. На курпаче она увидела чернобрового беленького ребенка.— И вас я поздравляю! — Захида кинулась к Мехринисе.— Сын? Дочь?

—Девочка, да только опять не моя. Эвакуировали из прифронтовой полосы. Мать тяжело ранена.

—Уж не та ли, которую в госпиталь, в школу, привезли?

—Она. А вы тоже были в школе? Я что-то вас не заметила.

—Народу набралось там тьма. Разве всех заметишь? Ну, садитесь, Мехриниса. Глаз-то у меня не зря подергивался, чуял, что дома гость, я и заторопилась.

—Джан⁵⁷ апа, не браните невестушку. Не отказала в моей просьбе, накормила бедняжку. Ведь все мы люди! — Мехриниса приготовилась к худшему, но старуха к ее сообщению отнеслась спокойно.

—Зачем же бранить ее! Война идет,— сказала Захида.— В чем же согрешили эти малыши? Ее отец,— она кивнула на ребенка,— может, сейчас рядом с моим Абиджаном сражается на фронте. Как же я могу порицать невестку за то, что она накормила обездоленное дитя? Аллаха я боюсь, но все-таки думаю: за добрые дела и аллах карать не станет.

—Правильно, апа,— медленно произнесла Мехриниса.

—А как про вас вспомню, радость наполняет душу. Аллах ниспослал вас в мир на счастье невинных детей. Все знают об этом. И в газете не зря о вас написали!

—Да что особенного я сделала, апа? Не вытерпела беды человеческой, сердце защемило от чужого горя, и только.— Мехриниса смутилась, щеки залил румянец, она опустила голову.

—А скажите, почему же не защемило сердце у этого Гитлера, чтоб он сдох! Он тоже когда-то был вот таким младенцем. Ведь болела душа у его матери и за него... А что с ним стало?! Зверь! И человека и зверя сотворил аллах, но слышали ли вы, чтобы из зверя вышел человек? Такого не было и не будет. А зверь из человека получился. И самый злой! Знала бы мать, какое чудовище выйдет из ее малыша, наверное, своими руками придушила бы его. И аллах пальцем бы не тронул ее за такой поступок...

Захида говорила долго, пылко.

Мехриниса сидела потрясенная. «Неужели человек может так

---

⁵⁷ Джан — душа, дорогая.

перемениться? Что делает война! И как говорит — умно, толково. Напрасно я думала о ней плохо. Совсем другой стала Захида».

Взглянув на часы, Мехриниса поднялась.

—Засиделась я, апа... Детишки, наверное, ждут меня. Вон уж смеркается.

—Малышку вы оставьте у нас. Я присмотрю за ней. Салима, коли потребуется, покормит.

—Нет уж, пусть живет у меня! Спасибо и за то, что сделали. Попробую завтра показать девочку врачу. Да и старшей будет спокойнее.

—Ну, как хотите. А к врачу носить ее ни к чему. Девочка еще маленькая, ей необходимо грудное молоко. Раз не оставляете у нас, Салима будет ходить к вам.— Захида сказала об этом, как о деле давно решенном.

—Беспокойство вам, апа,— пробормотала Мехриниса.

—Пусть Салима кормит малышку. Ее грехи беру на себя!— убежденно произнесла Захида.

—В сто раз грешнее не помочь младенцу,— тихо отозвалась Салима.

—Я на седьмом небе от радости, апа,— взволнованно проговорила Мехриниса.— Желаю от всей души, чтобы вернулся ваш сын и ошастливил вас за вашу доброту,— сказала она, направляясь к калитке.

Свекровь и невестка проводили Мехринису за ворота и вернулись во двор.

—Не делай это святое дело нехотя, доченька: убавится молока. Считай, что родила сына и дочку,— поучающе подняла палец Захида, склоняясь к уху Салимы.

Глава двадцать первая

Школа стояла на горке и выглядела такой же веселой и шумной, как ее обитатели. Окрестные жители давно привыкли к школьному гаму и безошибочно определяли, когда кончался урок и начиналась перемена. Теперь все изменилось: смолкли детские голоса, не раздаются звонки, не слышно смеха. Школьное здание окружает тишина, как будто наступили каникулы. Но стоит подойти ближе, и становится ясно: дело не в каникулах,— окна завешены белыми

занавесками, а вокруг цветника, который в свое время разбили ребята, прогуливаются выздоравливающие в полосатых пижамах. Те, кто еще не может выйти во двор, смотрят в окно, любят цветы, радуются птичьему пению. Школьники каждый день деловито копошатся во дворе: поливают клумбы, окапывают деревья, а старшеклассники под диктовку раненых пишут письма домой, читают бойцам книги, просто сидят рядом с ними, разговаривают. От всего этого у раненых становится легче на душе...

Салима основательно уменьшила заботы Мехринисы, взяв на себя кормление малышки. Но слезы Ляны, то и дело твердившей: «Хочу видеть маму», сжимали сердце Мехринисе. Чтобы успокоить девочку, она три раза ходила с ней в госпиталь. Но дальше vestibюля им пройти не удалось. В последний раз Мехриниса настойчиво пыталась пробиться к больной, но тогда врач отозвал Мехринису в сторону и строгим шепотом сказал:

—Лучше, если девочка не увидит мать. Она в тяжелом состоянии, почти не приходит в себя, вся в бинтах. Надежд на то, что она выживет, мало.

Разве скажешь это Ляне? Да она ничего и не хочет слышать. Просится к матери, и все тут.

—Ведь они же ходят, хола. Почему мне не разрешают? — со слезами на глазах твердит Ляна, указывая на школьников, которые свободно расхаживают по лестнице вверх-вниз.

Когда они пришли в четвертый раз и снова услышали отказ, Мехриниса не выдержала и направилась прямо к начальнику госпиталя. Полковник медицинской службы принял ее любезно, внимательно выслушал. Он, по-видимому, догадался, что перед ним та самая женщина, которая взяла на воспитание нескольких детей, чье фото было в газете. Полковник задумчиво прошелся по кабинету, потом вместе с Мехринисой вышел во двор, где ждала Ляна. Он ласково погладил девочку по голове и повел ее в палату к матери. Мехриниса нерешительно шла следом.

На высокой кровати лежала женщина с перевязанной головой. Не было видно ни лица, ни глаз. У кровати сидела девочка лет пятнадцати, завернув длинные рукава свисавшего до щиколотки халата, и что-то записывала на листке бумаги. Увидев начальника госпиталя, она положила бумагу на тумбочку, встала, опустила руки по швам, вполголоса доложила:

—Товарищ полковник медицинской службы, из школьного отряда медсестер...

Полковник сделал жест, как бы говоря: «Не надо рапорта». Потом взял лист бумаги, пробежал его глазами и покачал головой. Мехриниса узнала девочку. Имени ее она не помнила, но часто видела девочку с отцом — водителем трамвая. Они жили в этой же махалле.

—Мама!— воскликнула Ляна, остановившись посередине комнаты.

Губы женщины зашевелились.

—Ляна... Марика...— чуть слышно вымолвила она.

Ляна закрыла лицо руками, плечи ее затряслись.

Полковник обнял плачущую девочку, утешал ее. Женщина все шевелила губами, видимо пытаясь сказать что-то связанное.

—Марика растет очень хорошо, мама. Мы обе живем у тети Мехри. Она тоже здесь,— наклонясь к кровати, громко говорила Ляна, с трудом сдерживая рыдания.

С минуту все стояли молча, потом начальник попросил посетителей уйти. Тихо ступая, Мехриниса и Ляна вышли в коридор. За ними вышел и полковник.

—Дядя, сидит же та девочка, можно и мне посидеть? Разрешите, пожалуйста! — Ляна смотрела на полковника умоляющими глазами.

—Эта девочка знает, что делать. Она почти медсестра, а ты еще маленькая, доченька. Вот маме станет полегче, тогда и разрешу...

—Дядя...

—Сначала поставим маму на ноги, доченька.

Мехриниса вернулась домой с двойственным чувством:

успокоенная, что выполнила просьбу Ляны, но еще больше встревоженная тем, что увидела. Ляна как-то сразу замкнулась, часто плакала, но ни в этот день, ни в последующие в госпиталь больше не просилась.

Однажды во дворе появилась дочь водителя трамвая. Девочка вызвала Мехринису на улицу и, оглянувшись, зашептала:

—Состояние матери Ляны ухудшилось. Она, вероятно, умрет. Меня послал полковник.

Мехриниса прежде всего решила поделиться этим известием с мужем. Махкам-ака видел, как невыносимо тяжело стало Мехринисе с появлением в их доме двух новых девочек. Но он и мысли не допускал, что можно было поступить иначе. «Как ни трудно, жена, надо тянуть. Там им еще труднее»,— любил повторять Махкам-ака, и Мехриниса

понимала, что «там» означало на фронте, а «им» — нашим людям, фронтовикам.

—Зайдем в госпиталь, мать, а уж потом отправимся на базар,— сказал Махкам-ака, выслушав жену.

—Умерла!— вздохнула дежурная медсестра в ответ на вопрос Мехринисы.

—Бедняжка! Хоть бы глаза открыла, чтобы в последний раз взглянуть на дочерей,— заплакала Мехриниса.

Махкам-ака насупился, опустил голову, подбородок у него задрожал.

—Теперь надо думать о ее детях. Придется разлучить их: большую в детдом, маленькую в Дом ребенка,— озабоченно сказала медсестра.

—Нет-нет, не трогайте детей! — запротестовала Мехриниса.

—Шестерым нашлось у нас место, этим тоже найдется угол и кусок хлеба,— поддержал жену Махкам-ака.

Махкам-ака задумался.

—А что же сделают с ее телом?— спросил он у медсестры.

Та молча пожала плечами. Махкам-ака и Мехриниса посмотрели друг на друга. Думали они сейчас об одном и том же.

—Ее дочери у нас. Близкие мы ей, мы и похороним ее,— сказал Махкам-ака.

—Пойдемте в таком случае к начальнику. Это необходимо оформить.— Медсестра зашагала по коридору, ведя супругов к кабинету полковника.

Махкам-ака, словно одурманенный насваем⁵⁸, сидел на краю супы, углубившись в свои мысли. Мехриниса только собралась открыть рот, чтобы вывести мужа из оцепенения, как во двор вошла женщина-почтальон. Дети с шумом окружили ее.

—Это вам.— Почтальонша вручила Мехринисе пачку писем.— А это перевод. Распишитесь на обороте, вот здесь.

—Перевод?— удивилась Мехриниса и взглянула на извещение.— От Терещенко,— прочитала она вслух.— Ой, это ошибка! Это не нам.

—Здесь ваши имя, фамилия и адрес указаны правильно.— Почтальонша еще раз перечитала извещение.

---

⁵⁸ Насвай — особо приготовленный табак, закладываемый под язык.

Махкам-ака торопливо перебирал конверты. Нет, от Батыра опять ничего не было. Он разочарованно посмотрел на жену.

—Прочитайте, дада, письма ведь с фронта! — Ребята столпились вокруг отца.

—Минутку, дети. Сейчас читаем.

—Убей, не пойму, кто такой Терещенко. Пятьсот рублей! — продолжала недоумевать Мехриниса.

—Наверное, это все же ошибка, жена. Перепутали на почте. С какой стати незнакомый человек будет посылать нам деньги?

—Завтра схожу на почту, объяснюсь. А письма от кого?

Махкам-ака распечатал конверт, начал читать, медленно, негромко:

—«Уважаемые Махкам-ака, Мехри-апа! Мы, группа бойцов, несказанно обрадовались, узнав, что вы усыновили сирот, воспитываете их. Мы почтительно склоняем голову перед вашим благородством. Воины нашего подразделения поклялись и дальше беспощадно громить фашистов, наносить им сокрушительные удары. В атаку мы пойдем с вашими именами на устах. Желаем вам доброго здоровья. Детям, которых вы взяли на свое попечение, мы желаем вырасти настоящими советскими патриотами, такими же добрыми людьми, как вы сами...» — Ого, смотри, мать, тридцать один человек подписался,— гордо сказал Махкам-ака, откладывая письмо в сторону.

Дети заговорили шумно и оживленно.

—Понимаете, они кричат имя дады, а потом прибавляют «огонь!»,— объяснял Остап.

—Что ты, совсем не так: они произносят имя дады, когда поднимаются в атаку,— с видом знатока спорил Витя.

—Имя мамы тоже повторяют, да, Остап-ака?— спросила

Леся.

—А танкисты как?— не мог понять Абрам.

—Командир им дает команду: «За Махкама-ака, за Мехри-апа, вперед!»— выкрикнул Сарсанбай и, высоко подняв руки, побежал по двору.

Дети расхохотались. Не удержались от смеха и Мехриниса с Махкамом-ака.

—Ну, теперь читаем другие письма.— Махкам-ака распечатал второй конверт. «Дорогие, милые мои! Не удивляйтесь, что с этими словами обращается к вам незнакомая женщина. Я горжусь, что у меня такие соотечественники. Его величество Человек — так хочется

назвать мне каждого из вас.

Сын мой был бригадиром в колхозе, дочь работала бухгалтером, зять — трактористом. Молодые, счастливые, цветущие... На другой же день после того, как фашисты заняли нашу деревню, на моих глазах застрелили всех — сына, дочь, зятя... Еще около ста односельчан убили вместе с ними. До сих пор не могу прийти в себя. Неделю я была без сознания, а когда открыла глаза, увидела, что меня перенесли в землянку. Осталась я из всей семьи одна... Только через четыре месяца встала на ноги.

За всю свою жизнь я и мухи не обидела, и курочки не вспугнула. А сейчас, если б хватило у меня сил, душила бы фашистов собственными руками. Но я стара. Только и осталось мне, что слать на фронт письма: «Родимые, отомстите фашистам за смерть моих близких, за страдания детей и стариков». Увидев в газете вашу фотографию, порадовалась всем сердцем. Низко склоняюсь перед вашим величием, дорогие мои. Молящаяся денно и ночью за ваше здоровье Прасковья Маслова...»

—О чем она пишет, ака?— приставала Леся к брату, не понимая еще сурового смысла письма незнакомой женщины. Помрачневший Остап молчал.

—Разве не слышала? Застрелили у бабушки сына, дочь и зятя,— раздраженно отозвался Витя.

—Маму Абрама тоже застрелили,— вмешалась в разговор Галя.

—Хватит об этом,— прервал ее Витя тоном взрослого.

—Ну дада, прочитайте другое, хорошее,— беззаботно ласкалась к отцу Леся.

Махкам-ака взглянул на девочку. Вроде бы из письма она ничего не поняла, но все же уловила, что оно о чем-то страшном.

—Ладно, доченька. Посмотрим, что здесь,— сказал Махкам-ака и распечатал еще один конверт.— «Уважаемый Махкам-ака! Я был в одной роте в вашем сыном Батыром...»

—От Батыра-ака?!— воскликнул Абрам.

—Погоди-ка, сынок.— Мехриниса подошла к мужу, уставилась на него испуганными, немигающими глазами.

— «За короткое время мы стали близкими друзьями... Нет, близкими друзьями — это не точно,— продолжал читать Махкам-ака.— Я рос сиротой. Нет у меня, как у Батыра, любящей матери, заботливого отца, которые писали бы мне, справлялись о моем здоровье. Здесь, в огне боев, мы с Батыром поклялись стать названными братьями, не

разлучаться всю жизнь». Помнишь, Батыр писал нам про этого парня,— напомнил жене Махкам-ака.

—Читайте, пожалуйста, дальше,— торопила мужа дрожащая Мехриниса.

Махкам-ака поправил очки, посмотрел сквозь стекла на притихших детей.

—«Во время очередного боя мы переправлялись через реку. И в воде и на берегу Батыр был рядом со мной. Фашисты напали на нас внезапно, из засады. Бой был коротким, но тяжелым; мы попали в окружение. Вот тогда-то я и потерял Батыра из виду. Пять недель прошло, пока мы вышли из окружения. . Батыра с нами не было. Возможно, он раньше меня оказался у наших. В гибель его я не верю. Очень прошу, пришлите мне адрес Батыра, если он вам известен. С солдатским приветом Виктор Кисляков».— Дочитал письмо Махкам-ака каким-то потухшим голосом.— Остальные потом. Идите поиграйте!— вставая, сказал он детям.

Они почувствовали перемену в настроении родителей и разошлись, с тревогой поглядывая то на отца, то на мать.

Мехриниса стояла совершенно убитая, в лице ни кровинки. Махкам-ака, пытаясь казаться спокойным, заговорил с ней увещающим тоном, точно с ребенком:

—Возьми себя в руки! Дети видят... Этот солдат, Виктор, он только что вышел из окружения. Откуда ему знать, что с Батыром? Может быть, Батыр давно воюет в другом месте?..

—Наивный вы человек! Они же были вместе! Если Виктор вышел из окружения, а Батыр нет, значит, он...— Мехриниса не решилась произнести страшные слова и закрыла лицо руками.

—На войне чего только не бывает!— тщетно пробовал успокоить жену Махкам-ака.

—Если Батыр сумел выбраться, то почему не пишет?

Махкам-ака не нашелся что ответить. Он глядел на жену и молчал.

—Напишу сегодня же Виктору. А плакать пока подождем,— наконец вымолвил кузнец после долгой паузы.

Глава двадцать вторая

Горькая участь осиротевших детей, их тяжкие мытарства связали

семью Махкама-ака и Мубаракхон тесными узами. Услышав речь этой женщины еще при первом посещении детского дома, Махкам-ака проникся к ней большим уважением, а доверительная беседа с Мубаракхон еще больше расположила к ней кузнеца.

—У этой женщины безмерно добрая душа, а сколько выдержки! — восторгался он.

Зная обычное безразличие мужа к чужим женщинам, Мехриниса встревожилась не на шутку и слушала эти похвалы, с трудом сдерживая раздражение.

—На то она и заведующая детдомом, она обязана быть доброй к малышам,— сухо проговорила Мехриниса наконец.

Но Махкам-ака не заметил тона жены.

—Есть разные заведующие. Побывал я и в других детдомах... Знаю, Мубаракхон особая. Она просто рождена, чтобы воспитывать, пестовать детей.

—Да, уж наверное, чистое золото, раз вам так понравилась!— ядовито усмехнулась Мехриниса.

Но Махкама-ака уже нельзя было остановить.

—Да... А вот спросить, есть ли у нее самой дети, не решился... А как она обходительна с людьми, тактична, внимательна, добра!..

Мехринисе стало вдруг невыносимо обидно это восхищение другой женщиной. Она повернулась и вышла из комнаты. Вскоре, однако, она сама познакомилась с Мубаракхон. Заведующая детским домом и вправду была необыкновенно обаятельна. Мехринисе она понравилась с первого взгляда. Несмотря на загруженность работой, Мубаракхон считала своим долгом навещать семьи, усыновившие сирот. Так она впервые попала в дом кузнеца. А вскоре семья Махкама-ака стала для нее родной. Иногда Мубаракхон заходила к супругам посоветоваться и по своим делам.

Еще студенткой педучилища Мубаракхон начала работать в детском доме. Работе она отдавала всю душу, и дети платили своей воспитательнице самой искренней привязанностью. В махалле до сих пор помнили свадьбу Мубаракхон: весь самодеятельный оркестр детского дома явился на торжество и без усталы играл до рассвета.

Теперь у самой Мубаракхон было четверо детей. В самом начале войны ее муж ушел на фронт, и на плечи женщины легли новые заботы. Характер работы тоже изменился: Мубаракхон стала директором специального эвакудетдома. К ней прямо с вокзала привозили

эвакуированных ребятшек, уже отсюда их направляли по детдомам и отдавали на воспитание.

Махкам-ака и Мехриниса горячо интересовались работой своей приятельницы. Только услышат: «Еще прибыли дети»,— сразу заволнуются: как разместят детей, как организуют уход за ними, как сделать, чтоб попали они в добрые и верные руки...

Сегодня весть о прибытии нового эшелона с детьми принесла Салима, и после ее ухода Махкам-ака сразу поднялся, со значением глянул на Мехринису. Та без лишних слов накинула на плечи пуховый платок, велела детям не шалить, и супруги заторопились к трамваю.

—А не зайти ли на почту? Она ведь по пути. Справились бы насчет перевода,— предложила Мехриниса.

—Женщина всегда остается женщиной! Я же сказал: по ошибке принесли,— проворчал Махкам-ака, которому не хотелось задерживаться.

—И я тоже говорю: чужой перевод. Пусть скорее начнут выяснять, кому он предназначен,— чуть схитрила Мехриниса, все-таки питая в глубине души слабую надежду на эти полученные неведомо откуда деньги.

Махкам-ака на сей раз ничего не возразил и повернул к почте.

Они прошли полутемным крытым переходом и по узкой кирпичной лестнице поднялись на балахану⁵⁹. Из открытого окна доносился раздраженный женский голос:

—Вы не указали номер полевой почты. Как же, по-вашему, дойдет посылка? А потом нас будете обвинять.

—Ой, доченька, уж не знаю, как это случилось! Родному сыну посылаю...— слышался робкий ответ.

Махкам-ака открыл дверь, и супруги увидели старуху, которая вертела в руках посылку, недоуменно вглядываясь в строчки, написанные химическим карандашом.

—Что же теперь мне делать, доченька? — спросила старушка.

—Сейчас сама номер полевой почты напишу... А вы его знаете? — сердито спросила женщина из-за барьера.

Старушка развязала угол кисейного головного платка и осторожно достала сложенный конверт.

—Вот тут адрес сыночка. Будь добра, доченька...

---

⁵⁹ Балахана — легкая надстройка над первым этажом.

—Подходите, амаки, с посылкой тут надолго. Говорите, что у вас? — Женщина взглянула на кузнеца.

Махкам-ака достал из кармана извещение о переводе.

—Похоже, что по ошибке нам доставили.

Женщина прочла извещение и бросила на Махкама-ака быстрый, заметно подобревший взгляд.

—Перевод, Махкам-ака, адресован именно вам. Кстати, в свежей почте есть еще один на ваше имя. Паспорт с собой? Заполните оба извещения. Я пока займусь посылкой.

—Спасибо, доченька,— закивала старушка, положила на барьер свой сверток и, повернувшись к Мехринисе, стала восхищаться ее сыном, приславшим сразу два перевода.

—Пусть сопутствует удача вашему джигиту. А кто он, командир, наверное?

—Командир, командир,— машинально сказала Мехриниса, глядя, как Махкам-ака заполняет извещения. Ей было уже совсем невтерпех, хотелось немедленно узнать, от кого и на сколько второй перевод, но она благоразумно помалкивала.

—Впредь деньги мы будем доставлять вам домой,— вежливо сказала женщина кузнецу.

Махкам-ака поблагодарил ее и направился к выходу. Мехриниса шла сзади. Идти вдвоем по узкой лестнице было невозможно. Возбужденная Мехриниса тяжело дышала, проклиная эти бесконечные ступеньки.

Наконец супруги вышли на улицу.

—О аллах! — воскликнул Махкам-ака и поднял руки к небу. Лицо у кузнеца было красное, взволнованное, весь вид выражал крайнее недоумение.

—Что значит «о аллах»? Говорите «слава аллаху»,— улыбнулась Мехриниса.— Мужчина всегда остается мужчиной!

—Не можешь без щипков, а?

—Почему бы и мне не ущипнуть слегка? От кого второй- то перевод? Что на бланках написано?

Махкам-ака достал из кармана бланки.

—Терещенко ничего не пишет, а на втором написано вот что: «Отец, купите детям сладостей. Буду безгранично рад, если примете эти деньги, как от родного сына. Сейчас отдам их почтальону и иду в бой. Младший лейтенант Скворцов...» Представляешь, Скворцов-то этот

даже своего адреса не сообщил,— помолчав, огорченно добавил кузнец.

—Пусть будет он жив-здоров! Пошли аллах счастья и этому Терещенко! — Мехринису так тронули поступки незнакомцев, что она с трудом сдерживала слезы.

Супруги шагали по тротуару в глубокой задумчивости. Махам-ака пытался представить себе людей, приславших деньги. «Кто они? Где находятся в эту минуту? Может быть, именно сейчас они оба сражаются не на жизнь, а на смерть? И ведь подумали о нас, о незнакомых узбеках! Я-то себя считал благородным, я-то готов был низко своей тени поклониться, когда отдал чужому мальчишке ботиночки. А оно вот, истинное благородство! Вот она, настоящая человечность: послать деньги и даже не сообщить обратного адреса!»

Мехриниса размышляла о детях, о домашних заботах и хлопотах. «Как вернусь из детдома,— прикидывала она,— сразу же схожу на базар и куплю чего повкуснее, не думая о расходах. Вот что: приготовлю-ка я детям жирный плов. Пусть наедятся, полакомятся вволю...» Мехриниса чуть не наткнулась на столб, стоявший вплотную к тротуару. Она очнулась от дум, засмеялась, пожурила сама себя: «Не будь безрассудной, Мехри, не транжирь деньги! Разве на свете один только сегодняшний день? Наступит и завтра! Килограмм риса-то уже двести десять рублей стоит! Сумею приготовить плов Асрара — и то будет дело».

—«Плов Асрара»! — повторила вслух Мехриниса.— Шутка шуткой, а блюдо так и назвали по имени мальчика. Когда подрастет Асрар, удивится: «Это я придумал такой плов?» И не будут люди вокруг знать, что не Асрар, а война проклятая его придумала. Плов из лепешек, картофельный плов, вермишелевый плов — вот они, кушанья военного времени.

Плов Асрара родился на свет в их махалле. В одной многодетной семье ребятишкам смерть как захотелось плова. Мать не знала, что делать. В доме ни кусочка мяса. Думала, думала и в конце концов нашла выход. Положила рис, вместо мяса — картошку и сварила плов. Изголодавшиеся дети ели с аппетитом. У дастархана вместе с ними сидел соседский мальчик, товарищ старшего, Асрара. Придя домой, он принялся хвалить угощение:

—Без мяса, но очень вкусный. Сварите такой плов, мама, сварите, пожалуйста! — приставал он.

—Какой плов?

—Ну, такой, как плов Асрара.

С тех пор и стали называть этот плов именем мальчика. Мехриниса тоже слышала о нем. Как-то сестра мужа увезла Витю к себе за город погостить. Вернувшись домой, Витя тоже хвалился, что ел плов Асрара. Мехриниса тогда усмехнулась: «Вот как, плов Асрара уже повсюду готовят».

И сейчас почему-то вспомнился этот плов. Мехриниса вздохнула. Спички теперь тоже заменили фитиль, кремень и кресало, вместо чая настаивали листья яблони или сушеные яблоки, борщ готовили с виноградными листьями... Чему только не научила война! Человек ко всему привыкает...

Махкам-ака и Мехриниса не заметили, как подошли к детдому. Из ворот и в ворота все время шли люди, среди них Мехриниса заметила Светлану, живущую в доме Кандалат-биби. «Что она здесь делает?» — удивилась Мехриниса, но спрашивать женщину ни о чем не стала. Во дворе детдома Мубаракхон разговаривала с каким-то стариком и, заметив друзей, поспешила им навстречу.

—Ой, ападжан, как увижу вас, всю усталость как рукой снимет, на душе становится радостно, легко.— Она обняла Мехринису.— Я знала, что непременно придете... Ассалому алейкум, пачча! Как поживаете? Очень рада вам! — Мубаракхон обернулась к старику, с которым только что разговаривала: — Это тот самый Махкам-ака, отец.

Старик доброжелательно взглянул на кузнеца.

—Беспокойся, что не умеет говорить на языке девочки, которую взял в свой дом,— пояснила Мубаракхон Мехринисе, пока старик и Махкам-ака обменивались приветствиями.

—Не огорчайтесь! Дети очень быстро учатся чужому языку,— обратился к старику Махкам-ака.— Я-то по-русски немного говорил и раньше, а жена почти совсем не умела.

И я тоже боялся, как бы из-за этого не осложнились отношения с детьми. Напрасно боялся. Дети за несколько дней на- - учились самым необходимым узбекским словам. Тем временем и жена подучилась у них русскому. Она меня теперь оставила далеко позади,— усмехнулся Махкам-ака.— Дело не в языке, ака, а в душе. Когда живешь с детьми душа в душу, язык усваивается сам собой.

—Спасибо, обрадовали вы меня,— благодарно отвечал старик и многозначительно кивнул головой Мубаракхон, указывая глазами на Махкама-ака и как бы говоря: «Не зря ты похвалила его».— Ну, теперь

разрешите мне уйти, доченька. А как быть с бумагами?

—Если будет время, приходите завтра. Не сможете, я сама зайду,— сказала Мубаракхон, привыкшая ничего не откладывать в долгий ящик.

—Нет, доченька, я вижу, как вы заняты. Принесу сам.— Старик учтиво раскланялся и пошел к группе детей, собравшихся у столовой.

—Старик этот пришел вместе со мной прямо с вокзала. Понравилась ему вон та девчушка с косичкой.— Мубаракхон кивнула на девочку с желтым бантиком на голове,— Девочка тоже сразу потянулась к нему, стала щебетать, теревить его бороду. Старик в отчаянии, что не понимает ее. «Я-то привыкну, доченька,— сказал он мне печально,— и старуха моя привыкнет, но вот не будет ли она тосковать с нами?» Я только начала успокаивать его, и тут очень кстати появились вы... Что же мы стоим! Проходите, пожалуйста.— Мубаракхон повела гостей в свой кабинет.

Махкам-ака по пути оглянулся на старика, который уже бережно вел за руку девочку.

—Поздравляю с дочкой! — крикнул Махкам-ака.

—Спасибо, спасибо! — радостно отозвался старик.

В кабинете Мубаракхон хотела заварить чай, но Мехриниса остановила ее:

—Выпьем в другой раз, когда будете посвободнее.

—Пожалуйста, пачча, садитесь.— Мубаракхон указала Махкаму-ака на стул.— Ну, все ли у вас в порядке? Как дети? Есть ли письма от Батырджана?

Мехриниса зашмыгала носом, готовясь расплакаться, но Махкам-ака строго посмотрел на нее.

—Спасибо, у нас пока все в порядке.— И он поспешил перевести разговор.— Нашлись ли малыши, доченька?

—Троих нашли. Двоих привели с базара. А один, постарше, улепетнул на вокзал.

—Ну, раз эти нашлись, найдутся и остальные. Дети не иголка,— убежденно сказал Махкам-ака.

—Из сегодняшнего эшелона тоже сбежал один,— огорченно вздохнула Мубаракхон.— Дети есть дети, что поделаешь! Найдись-то они найдутся, но меня пугает другое: как бы не попали под машину, под трамвай, не утонули — город большой, движение, река Анхор..

—Все обойдется. Ну, не будем отрывать вас от работы, вон сколько

забот. Зашли мы просто так, не могли усидеть дома.

—Я вижу, пачча,— улыбнулась Мубаракхон. Она поднялась с места, шутливо заметила: — Я все думаю, не открыть ли нам у вас филиал детдома? Вы стали бы директором, а Мехриниса-апа воспитательницей.

Все трое весело засмеялись.

—Что ж, будет такая надобность — откроем.— Махкам- ака уже серьезно взглянул на жену, как бы спрашивая: «Не так ли?» — Только называть детским домом не станем. Пусть не чувствуют дети своей сиротской доли... Как они жаждут, знали бы вы, доченька, родительской ласки!

—Правильно вы говорите, пачча.—Мубаракхон с нежностью смотрела на супругов, думая о беспредельной их доброте. Вот они перед нею — истинные советские патриоты, чей подвиг и прост и величествен...

—Сколько бы детей ни вошло в наш дом, голодными и раздетыми они не останутся.— Махкам-ака достал из кармана бланки переводов и подал их Мубаракхон.— Прочитайте вот это.. Что скажете?

Мубаракхон от удивления только головой качала.

—Вот какие у нас люди! Сами идут на смерть, а думают о чужих детях, заботятся об их будущем,— с гордостью сказал кузнец.

Со двора доносились детские голоса. Махкам-ака и Мехриниса невольно то и дело поглядывали в окно. Наконец Махкам-ака не выдержал:

—Выйдем-ка, Мехриниса, во двор.

Выйти из кабинета они не успели, потому что на пороге появился милиционер. Он отдал честь Мубаракхон, выглянул в коридор, позвал кого-то, и в комнату нехотя вошел малец лет десяти, с опущенной головой, чумазый, оборванный.

Милиционер оказался знакомым: это он когда-то привел убежавшего Сарсанбая.

—Э-э, ассалому алейкум,— сказал он, приложив руки к груди,— ассалому алейкум, апа. Как поживаете, здоровы ли дети?

Мехриниса ничего не ответила, она только кивнула, милиционеру. Ее вниманием сразу же завладел мальчик. Он смущенно стоял в сторонке, опустив руки, и недружелюбно посматривал исподлобья на присутствующих.

Мубаракхон окинула мальчика строгим взглядом и обратилась к милиционеру:

—Где он был?

—На базаре.

—Что же, он на базаре и спал? — нахмутив брови, спросила заведующая.

—Не на базаре. В саду мы спали,— тихо сказал мальчик, по-прежнему не поднимая головы.

—В саду?

—Да, за чайханой.

—С кем ты был? Назови своих товарищей.— Мубаракхон смотрела на беглеца в упор.

—Нет.— Мальчишка решительно выдвинул подбородок и сверкнул глазами.

—Почему?

—Бить будут.

Милиционер махнул рукой, и по его жесту можно было догадаться, что паренек действительно попал в дурную компанию.

—Ты ведь не знал, кто они такие, правда? — Махкам-ака положил широкую ладонь на плечо мальчика.

Тот еле заметно покачал головой, на глаза его навернулись слезы.

—А как тебя зовут? — спросила Мехриниса, чувствуя, как слезы мальчика пробуждают в ней сочувствие к нему.

—Ренат.

—Что ты думаешь теперь делать? Останешься здесь или опять уйдешь на базар? — Мубаракхон по-прежнему строго смотрела на мальчика.

Ренат молчал.

—Здесь, конечно, останется. Куда же он пойдет? Верно, Ренат? — Махкам-ака ласково заглядывал мальчику в лицо.

Тот благодарно взглянул на незнакомца и прошептал:

—Здесь останусь.

—Тогда иди в свою группу. Умойся, приведи в порядок одежду,— уже мягче сказала Мубаракхон.

Неслышно ступая, Ренат направился к двери, с опаской оглядываясь на милиционера.

—Иди, иди... Их было четверо. Украли курицу, он-то и попался при попытке ее продать,— беззлобно засмеялся милиционер.

—Ренат украл? — удивилась Мехриниса.

—Украли другие, а ему велели продать. Старшие-то, видимо, всегда

шатаются по базару. К сожалению, их я не смог задержать. А этот, я думаю, в компанию к ним попал случайно, неопытный, зеленый.

—Птенец-слеток? — улыбнулся Махкам-ака.

—Вот именно... А теперь разрешите мне удалиться.— Милиционер снова откозырял, попрощался и ушел.

Ренат стоял у окна своей комнаты в кругу ребят, которые с любопытством разглядывали его, пытались расспрашивать. В окно Ренат видел, как супруги Ахмедовы вместе с Мубаракхон пересекли двор и пошли к столовой. Но вот Махкам-ака заметил плачущую девочку, стоявшую чуть в стороне от всех, и направился к ней. Мехриниса и Мубаракхон смотрели ему вслед.

—Что случилось, доченька? — спросил он тихо и попытался погладить ее по худенькой спине.

Девочка, вытирая слезы грязными кулачками, оттолкнула руку кузнеца и заревела во весь голос.

—Погоди, погоди, доченька.— Махкам-ака ласково взял девочку за руку, отвел кулачки от лица и заглянул ей в глаза.— Ну, скажи, о чем ты плачешь?

Девочка никак не могла успокоиться.

—Кто тебя обидел? Ах, понял, понял, ты проголодалась!

Девочка внезапно замолчала и круглыми мокрыми глазами внимательно посмотрела на чужого дядю. Он ей понравился. Девочка улыбнулась и шмыгнула носом. Махкам-ака развязал поясной платок и вытер ей нос. Мехриниса не выдержала и тоже подошла к девочке, присела на корточки возле мужа.

—Как тебя зовут, доченька? — спросила она.

Девочка переводила взгляд с Махкама-ака на Мехринису, но ничего не говорила.

—Скажи, как тебя зовут? Почему ты молчишь? — повторила вопрос Мубаракхон.

—Дзидра,— безучастно ответила девочка, снова насупившись.

Мехриниса достала из кармана горсть урюка и протянула ей. Но Дзидра не взяла лакомство. Она только пристально вгляделась в Мехринису, потом вдруг зажмурилась, вскрикнула «мама!» и закрыла лицо руками. У Мехринисы сжалось сердце, она крепко обняла девочку.

Вокруг них уже образовалась толпа из взрослых и детей.

—Ничего не случилось. Вспомнила девочка мать и плачет. Расходитесь, пожалуйста,— тихо говорила Мубаракхон собравшимся.—

И мы пойдем. Идем с нами, Дзидра.

Но Дзидра продолжала всхлипывать и, казалось, ничего не слышала. Махкам-ака гладил спутанные светлые волосики девочки и уговаривал ее не плакать.

—Пойдем, пожалуйста,— настойчиво сказала Мубаракхон.

Махкам-ака взял Дзидру на руки и направился прямо в кабинет директора.

Мубаракхон окликнула воспитательница, и она задержалась в коридоре.

—Дай-ка я вытру тебе лицо.— Мехриниса вынула чистый платочек.— Хочешь быть моей дочкой? — спросила она, улыбаясь.

Девочка нахмурилась и отчужденным взглядом, словно что-то вспомнила, обвела комнату.

—У тебя будут сестренки и братишки, они веселые, все вместе играют,— ласково, спокойно убеждал девочку кузнец.

Дзидра не отвечала.

—Пойдем к нам. Если соскучишься или не понравится, придешь обратно,— терпеливо продолжал Махкам-ака.

Вместо ответа Дзидра спрыгнула со стула и подошла к чайнику.

—Можно попить воды?

—Я дам тебе чаю,— обрадовалась Мехриниса, налила в пиалу чай и подала девочке.

Дзидра неумело обхватила двумя руками пиалу и торопливо отхлебнула. Чай был горячий, девочка раскрыла рот, часто задышала, из глаз у нее опять брызнули слезы. Мехриниса быстро выхватила у Дзидры пиалу:

—Что ж ты не подула, доченька? Не привыкла ты к чаю. Ну, ничего, сейчас я тебе остужу.— Мехриниса начала переливать чай из одной пиалы в другую.

Не отрывая от Мехринисы глаз, Дзидра высунула обожженный язык, чтобы охладить, и вдруг засмеялась.

—Я уже раз вот так обожглась, когда пила молоко,— бойко, с приятным, певучим акцентом сказала она неожиданно.

— Так, доченька, еще не раз будет, если не станешь дуть.— Махкам-ака широко улыбался: наконец-то девочка заговорила!

—Пей, уже остыл.— Мехриниса подала Дзидре пиалу.

Дзидра залпом выпила чай и сразу повеселела. Глаза у нее засияли, на щеках появились ямочки.

—Ну как, доченька, пойдем домой? — Махкам-ака отряхнул пыль с платица Дзидры.

—Пойдем,— робко согласилась Дзидра, но взгляд ее опять стал настороженным и боязливым.

В это время со двора донесся чей-то голос: «Дзидра! Дзидра!» Девочка подбежала к открытому окну, высунулась по пояс.

—Саша, я здесь! — крикнула она.— Саша, Леша! — Дзидра принялась кому-то махать рукой.

Супруги тоже выглянули в окно и увидели, что через двор к Дзидре бегут два как две капли воды похожие друг на друга мальчика. Удивленные Махкам-ака и Мехриниса переглянулись: в первый момент им показалось, что у них в глазах двоится.

—Это Саша и Леша,— объявила Дзидра, обернувшись.— Они мои друзья.

—Вот как! Очень хорошо,— приветливо заулыбалась Мехриниса. Она поняла теперь, что перед ней близнецы.

—А мы тебя ищем, уже испугались, что потеряли.— Саша и Леша заговорили наперебой, пытаясь влезть на подоконник.— Пошли, что ты здесь стоишь?

Дзидра молчала. Она смотрела то на супругов, то на мальчиков и не знала, что сказать.

—Послушай-ка, Саша,— сказал Махкам-ака, обращаясь к мальчику, вскарабкавшемуся на окно прежде брата.

—Я Леша, а не Саша,— хитровато усмехнулся тот.

—Ну, пусть Леша. Пойдем вместе с Сашей к нам жить, ладно?

Леша повис на подоконнике и с недоумением уставился на незнакомого человека. У него были добрые черные глаза, крупные, сильные руки и широкие плечи.

—Ты что, Дзидра, стала их дочкой, да? — заволновался внизу Саша.— Ты же говорила, что обязательно найдешь маму...

—Если найдет, как будет хорошо! Мы даже поищем ее вместе. Верно, доченька? — Мехриниса наклонилась к Дзидре.

—Обязательно поищем. И наверно найдем,— убежденно сказал Махкам-ака.

—Саша, Леша, пойдете и правда с нами! Ну, пойдете,— умоляла Дзидра.

Саша и Леша согласились. Дзидра ринулась к двери, выскочила во двор и поочередно обняла мальчиков.

Радость детей растрогала Мехринису.

— Вот тебе и на, не хватало только твоих слез,— негромко проворчал Махкам-ака, пряча и свои увлажнившиеся глаза.

Они вышли в коридор. Увидев взволнованные лица супругов, Мубаракхон извинилась перед собеседницей и заспешила к ним.

— Ну вот, апа, наша семья пополнилась еще тремя детьми,— сказал кузнец.

У Мубаракхон изумленно взлетели вверх брови.

— Кроме Дзидры, мы нашли еще Хасан-Хусана⁶⁰,— объяснила Мехриниса.— Да вон они, у крыльца.

— Разрешите, апа, оставить вас.— Махкам-ака повернулся к Мубаракхон: — Документы их...

— Об этом, пачча, не заботьтесь. Приду к вам, как только чуть освобожусь.

Все попрощались с Мубаракхон и уже собрались идти, как вдруг услышали жалобный оклик: «Апа!» За деревом стоял Ренат. Вид у него был растерянный, робкий.

— Что тебе, Ренат? — спросила Мубаракхон.

— И я хочу пойти с ними,— ответил тот упавшим голосом.

Мехриниса вопросительно посмотрела на мужа. Мубаракхон тоже перевела глаза на кузнеца. Близнецы недоуменно хлопали ресницами. Только смышленная Дзидра с мольбой схватила за руки супругов. Ей стало жаль Рената, и она очень огорчилась бы, если б ему отказали.

— Раз Ренат сам решил идти с нами, значит, так тому и быть,— решил наконец Махкам-ака.

«Ой, справитесь ли вы с ним?» — хотела сказать Мубаракхон, но в присутствии Рената произнести такие слова не решилась.

— Иди-ка сюда.— Мубаракхон взяла Рената за руку, отвела в сторонку и стала что-то внушать ему.

Он слушал покорно, время от времени кивая головой, уши его горели, по лицу расплылись красные пятна. Закончив внушение, Мубаракхон отпустила мальчика.

— Ну, ведите детей, апа! Приду к вам не сегодня завтра.

Последние слова Мубаракхон Ренат воспринял по-своему.

«Придет выяснять, как я веду себя»,— подумал он.

Мехриниса и Махкам-ака шли по улице молча, изредка обмениваясь

---

⁶⁰ Хасан-Хусан — распространенные имена близнецов-братьев.

короткими взглядами. Только они одни могли понять, что говорили эти взгляды: «Снова заботы, заботы, заботы... Но как иначе поступить в такое время!»

Между ними, заняв весь тротуар, шагали четверо. Двое удивительно походили друг на друга, зато между ними и остальными не было ничего общего, и это бросалось в глаза. Прохожие останавливались, почтительно уступали дорогу и потом долго смотрели вслед странному семейству.

«Это тот самый кузнец и его жена. Видно, взяли еще детей»,— говорили друг другу люди.

Махкам-ака как-то уже предупреждал жену:

—Нас теперь все знают, мы у всех на виду, надо вести себя обдуманно, ведь лишиться уважения людей — самый большой позор.

Мехриниса тоже хорошо понимала это. Поэтому, когда супругов приветствовали незнакомые, они отвечали радушно, приветливо, как отвечают людям, которых хорошо знают...

Глава двадцать третья

Семья сидела у хантахты за обедом. Вдруг тихо отворилась калитка, и во двор заглянул рослый, худощавый паренек лет четырнадцати-пятнадцати с живыми карими глазами. Первым его заметил Витя. Он привстал и оглянулся вокруг, словно отыскивая палку, чтобы выгнать непрошеного гостя. Но отец строго посмотрел на Витю, и тот снова опустился на место. Скомкав в руке шапку, паренек направился к супе. Не дойдя несколько шагов, он остановился, поздоровался, смущенно опустив голову.

—Я слышал, вы принимаете детей...— сказал он ломающимся баском.

Махкам-ака переглянулся с женой.

—А что ты хотел, сынок? — после некоторого молчания спросил кузнец.

—Возьмите меня, пожалуйста.— Паренек поднял было голову, но, засмущавшись, снова опустил глаза.

Мехриниса оторопела. Витя не выдержал и, задыхаясь, закричал:

—Не надо, не берите! На улице и так смеются, говорят, наш двор стал как детдом.

Махкам-ака бросил на Витю сердитый взгляд. Дети молча ждали ответа отца. Паренек медленно повернулся и пошел обратно к калитке.

—Куда же ты? Как тебя зовут? — остановил его Махкам-ака.

Паренек оглянулся.

—Коля,— ответил он упавшим голосом.

—Иди сюда, Коля, садись,— позвал мальчика Махкам-ака и обернулся к Вите: — Кто говорил тебе эти мерзкие слова?

—Таджи-хола всем говорит. Кудрат, ее сын, тоже...

—Пусть себе говорят. Что ж на это внимание-то обращать? Ведь Коля не будет есть твой хлеб, у него своя хлебная карточка. А если придется нам совсем туго, я стану еще больше работать...— Махкам-ака снова взглянул на Колю.— Садись, сынок, что ж ты стоишь?

—Одежда у меня...— запинаясь, сказал Коля.

—Ничего, ничего, садись, сейчас поешь, а уж потом переоденешься и умоешься. Откуда ты, Коля?

—Из Смоленска,— ответил Коля, робко опускаясь на супу.

—И никого у тебя нет? — заинтересовалась Дзидра.

—Отец погиб на фронте. Маму во время бомбежки...

Заметив, как дрогнули губы мальчика, Махкам-ака поспешил изменить тему разговора.

—Живи у нас, Коля, будь нам сыном, зови нас отцом и матерью, а детей наших считай братишками и сестренками... Ладно?

—Ладно.

—Но запомни: дети у нас привыкли стойко переносить трудности. Жизнь сейчас такая, что, если вода хлынет, надо пить воду, если камень упадет, надо и его грызть. Может случиться, что и одну изюминку придется делить на всех поровну. Понял?

Коля кивнул головой.

Все это вспомнила сейчас Мехриниса...

Свекольная кожура падала в миску, а Мехриниса размечталась о том времени, когда один за другим подрастут дети, женятся, повыходят замуж, обзаведутся ребятишками.

День начинался с обычных утренних забот. Дети под руководством Коли стали убирать постель. Ляна осторожно взяла Марику на руки, перенесла ее на айван и дала девочке игрушки.

Мехриниса положила в котел очищенную свеклу и поискала подойник — пора было доить корову.

—Пока вода не замутилась, Коля, наполни ведра,— на ходу

распоряжалась она.— Галя, вынеси кашкул⁶¹ и таз. Буду стирать белье.

Коля и Галя немедленно взялись за дело. Остальные приступили к выполнению своих ежедневных обязанностей, распределенных между ними Ляной. Только Витя, который должен был подметать и поливать улицу, одиноко и мрачно сидел на айване, прислонившись спиной к столбу. Ренат с ведром скрылся на огороде. Он единственный регулярно увиливал от заданий, стараясь делать не то, что ему поручат, а то, что сам захочет. Замечания старших он всегда выслушивал внимательно, но уже через несколько минут все забывал. Он и в школе был таким же. Учителя жаловались на него, говорили, что мальчик плохо учится. Словом, хоть Ренат уже давно жил в семье Махкама-ака, но никак не мог привыкнуть к порядкам этого дома, и, видно, отцу и матери предстояло еще немало с ним повозиться.

Подоив корову, Мехриниса ушла на огород собирать последние помидоры, кликнув с собой Рената. Наблюдая за медленными движениями сына, Мехриниса старалась понять, отчего он такой ленивый, невольно сравнивала Рената с Ляной и Колей, расторопными, деловитыми, обязательными.

Бросив в ведро последний помидор, Ренат скользнул равнодушным взглядом по пустым грядкам и, убедившись, что больше собирать нечего, радостно улыбнулся.

—Ну, вот и хорошо, сынок, теперь можно позавтракать,— похвалила мальчика Мехриниса.

Ели молча. После завтрака Мехриниса сказала Лесе:

—Сними, доченька, платье, постираю. Пусть Ляна даст тебе желтое. Сарсанбай, ты тоже сними брюки. Совсем замусолились.

—Что ж мне, в трусиках, что ли, ходить? — испугался Сарсанбай.

—Ничего. До вечера высохнут.

—Да ну...

—Ну, тогда надень пока старые Колины брюки.

—Они же рваные.

—Так ненадолго ведь, сынок.

Вскипятив самовар, Мехриниса принялась за стирку. Старшие дети отправились в огород. Ляна присела возле арыка и стала мыть посуду. Младшие, устроившись под развесистым деревом, играли с Марикой. Ренат, считая, что уже внес свой вклад в общее дело, забрался на айван

---

⁶¹ Кашкул — медный сосуд, напоминающий ведро.

и улегся читать книжку.

—Ты бы тоже пошел в огород, сынок.

—Сейчас, мама.

В это время с улицы послышался свист. Ренат приподнял голову, посмотрел в сторону калитки. Над дувалом показалась голова знакомого мальчишки. Ренат покосился на мать и, увидев, что она не обращает на него внимания, незаметно выскользнул со двора.

Стирая белье, Мехриниса размышляла о детях. Она то улыбалась, то хмурилась, натываясь на новые дырки на рубашках и штанах. «Изнашивается»,— с горечью думала женщина, попутно прикидывая, какую ставить заплатку, не пора ли перешивать на младших. Эти серые брюки носил когда-то Батыр; укоротив, она переделала их для Остапа. Однако на коленях брюки уже походят на решето. Если не залатать, совсем расползутся. Батыр... Что с ним? Жив ли?.. Мехриниса испугалась своих мыслей, замерла над тазом, но тут раздался громкий плач Марики. Перепуганная Мехриниса, кое-как выжав брюки, бросила их на грудку мокрого белья.

—Что случилось? — подбежала она к айвану.

—Ничего, ничего,— весело сказала Галя, успокаивая Марику.

Обернувшись, Мехриниса увидела в нескольких шагах от себя соседок Карамат и Захиру, а поодаль — почтальона с письмом в руке.

—От вашего Батырджана, апа,— сообщила Захира.

Мехриниса вздрогнула, из глаз у нее закапали слезы.

—Апа,— Карамат обняла Мехринису,— надо радоваться, а вы плачете...

—Нет, нет, я не плачу,— с трудом проговорила Мехриниса и присела на край супы.

—Читайте, читайте,— торопила Захира.

—Карамат, что-то у меня в глазах рябит. Читайте вы,— попросила Мехриниса, чувствуя, что ни строчки не сможет разобрать.

—«Уважаемый папа, нежно любимая мама, шлю вам привет и наилучшие пожелания!..» — читала Карамат.

Пытаясь не показать, как она взволнована, Мехриниса прикрыла кончиком рукава мокрое лицо.

—«...Я жив-здоров, от всей души желаю и вам крепкого здоровья и благополучия в родном Ташкенте. Не обижайтесь на меня, не думайте, что я забыл о вас. Я написал вам много- много писем. Сосчитал — получилось тридцать семь. Но ни одно из них не мог отправить.

Находился я в таком месте, откуда нельзя было связаться с домом. Писал я вам письма и сам читал их, а прочитав, мысленно сочинял ваши ответы. Тетя Ксения, бывало, смеялась надо мною. «Неплохое утешение ты себе придумал»,— говорила она. Вы не знаете тетю Ксению. Когда приеду, расскажу вам о ней подробно. Она спасла меня от смерти. Тетю Ксению хочется назвать самым лучшим на земле человеком. Она как солнце, которое освещает и греет весь мир. Она как многоводная, бурная река, питающая море. Как-то я сказал ей об этом. «Э, сынок, с ума ты спятил! Сколько святых угодников, сколько полководцев и мудрецов видывал мир! Их-то и вправду можно назвать великими... А я что? Ты вот, сынок, лежишь здесь, в этой землянке, и выдумываешь всякое...»

Мехриниса уже успела успокоиться и жадно слушала. Но вдруг ее охватило сомнение. «Погоди, Батыр ли пишет все это? Совсем на него не похоже. Откуда у мальчика такие слова? Может, за него написал кто-нибудь?» Она взяла письмо, всмотрелась в почерк, взглянула на подпись. «Точно, сам написал...» Карамат стала читать дальше:

—«...Она нам семерым спасла жизнь. Тайно, рискуя головой. Она заслуживает, чтоб ее назвали героем. Никогда в жизни я не видал такого человека, не встречал и в книгах».

Мехриниса убедилась, что письмо написано Батыром, тем красивым почерком, каким он когда-то писал в тетрадках, но все же тень сомнения осталась. Почему о себе в письме ни слова? Где он был, что делал? Но, как бы отвечая на вопросы Мехринисы, Батыр продолжал: «Все равно в одном письме всего не напишешь! Когда увидимся, тогда и расскажу. Ойиджан! Дада! Меня ранило. Семь месяцев я пролежал в землянке. Попал в окружение. Сегодня третий день, как нас переправили в госпиталь. Рана на ноге уже заживает. Милая мама, как получите это письмо, сразу же ответьте. Очень, очень соскучился по вас. Быстрее сообщите о вашем здоровье. Что нового у нас в махалле, есть ли письма от моих товарищей, как они? Пишите обо всем. До свидания. Ваш любящий сын Батыр».

—Ну, теперь вы успокоились? — спросила Захира.

—Успокоилась! — улыбнулась Мехриниса, пряча письмо в карман.— Муж будет счастлив, когда узнает.— Она обернулась к детям, нетерпеливо толпившимся позади.— Вот письмо от вашего брата, от Батыра-ака. Теперь, наверно, он скоро приедет.

Восторженная радость овладела детьми. Шумя на весь двор, хлопая

в ладоши, они кричали:

— Брат приедет, брат приедет!

Из-за шума Мехриниса не сразу разобрала, что кричала ей соседка. Таджихон сообщила, что Ренат слоняется по базару и ворует арбузы.

Мехриниса, забыв переодеться, босая кинулась к калитке. Вышла, оглянулась — никого. Побежала по дороге.

Во дворе остались растерявшиеся Захира и Карамат.

— Давайте лучше побудем здесь, сделаем что-нибудь по хозяйству... — предложила Захира.

В калитку с ведром свеклы вошел Коля.

— Слушай, дети все дома? — спросила его Карамат.

— А что такое?

— Да просто спрашиваю. За маленькими ведь нужно следить.

— А где мама? — с тревогой спросил Коля.

— Она скоро придет.

— Понимаете, нигде нет Рената... Не видно и Саши с Лешей.

— Хасана-Хусана, что ли? — засмеялась Карамат.

— Ну да.

— Поищи, сынок. Как бы они не ушли далеко, не заблудились, — посоветовала Захира.

Коля отнес ведро в кухню и выбежал на улицу.

Базар был велик и многолюден. Он занимал целую площадь, полого спускающуюся одной стороной на широкую мощеную улицу. Повсюду возвышались горы наваленных в беспорядке дынь и арбузов. По краям площади стояли двухколесные арбы, забранные по бортам плетенкой — четаном, запряженные лошадьми, и арбы поменьше, в которые были впряжены ослы. Арбы были тоже наполнены дынями и арбузами. На базаре двигалось, толпилось, шумело бесчисленное множество людей. Вся площадь гудела и шевелилась, как живая. Шла бойкая торговля подержанными вещами с рук.

То тут, то там раздавались голоса водоносов с бурдюками за спиной:

— Холодная вода! Кому воды?

— Кислое молоко со льдом! — старались перекричать водоносов

продавцы айрана⁶².

Мехриниса в растерянности металась по базару. Рената нигде не было. Где-то раздался свисток. Милицейский свисток. Сердце у Мехринисы упало; она с удвоенной энергией ринулась в толпу.

Остановившись, чтобы перевести дух, она вдруг увидела, как невысокий паренек незаметно откатил ногой арбуз от большой горки. Метрах в трех стоял другой мальчик. Он тут же покатил арбуз дальше. Когда тот докатился до ларька, Мехриниса бросилась вперед. Из-за ларька выскочил Ренат и подхватил арбуз. Выпрямившись, он лицом к лицу встретился с Мехринисой. Дрожа от возмущения, потеряв самообладание, та вlepила ему звонкую пощечину.

— Вот, оказывается, чем ты занимаешься! — Голос у Мехринисы сорвался.

Арбуз выскочил из рук Рената, упал и разбился пополам. Испуганный мальчишка отпрянул назад, заплакал, ухватившись за щеку.

— Не бейте меня! Не имеете права! Меня родная мать и то не била, понятно? — звонко выкрикнул Ренат и убежал за ларек.

Два его товарища, быстро смекнув, что перед ними отнюдь не обкраденная владелица, подняли истекавшие соком половинки разбитого арбуза и тоже скрылись за ларьком.

Мехриниса с трудом сделала несколько шагов и, чувствуя, что больше идти не может, прислонилась к столбу, обхватила его рукой. Она не видела, как неся, не разбирая дороги, Ренат, как неожиданно он налетел прямо на торговца арбузами, лохматого мужчину в белом яктаке, как тот, не растерявшись, крепко вцепился в мальчишку и, выворачивая ему руки, потащил в сторону.

— Ага, попался, хулиган! Я тебя давно приметил. Ну, теперь узнаешь, как воровать! Ваня, иди сюда! — позвал торговец парня, который растянулся на арбе, зарывшись в солому.

Парень встал. Он оказался рослым детиной с черной повязкой на глазу, одетым в выцветшую гимнастерку, обутым в кирзовые сапоги. Лениво потянувшись, парень спрыгнул с арбы:

— А ну-ка, пошли в милицию.

Ренат пытался вырваться, но ничего не вышло. Тогда он с громким плачем бросился на землю. Собрался народ. Парень поднимал Рената,

---

⁶² Айран — напиток из кислого молока, разбавленного водой.

который сопротивлялся и падал вновь.

Интуитивно Мехриниса почувствовала, что надо идти в тот конец базара, куда спешили люди. Шатаясь от слабости, она едва дотащилась до арбы и увидела, что огромный парень

волочит по земле Рената.

—У него и сообщники были! Сбежали! — охотно рассказывала какая-то женщина.

—Кто плут — для того кнут. Так ему и надо! — жестко сказал седой торговец арбузами с соседней арбы.

—Виноваты родители. Не смотря!

—Если б были родители, а то ведь сирота, наверное...

Мехриниса дышала, как рыба, вытщенная из воды. Каждое слово болью отзывалось в ее сердце.

Ренат казался ей сейчас беспомощным цыпленком, попавшим в когти коршуну. С силой ухватив парня за локоть, Мехриниса еле слышно пробормотала:

—Сжальтесь...

Парень даже не взглянул на нее. Ренат уже не сопротивлялся, а только плакал навзрыд, беспомощно раскинув руки и ноги.

—Отпусти, говорю! — обретая голос, закричала Мехриниса.

Парень вздрогнул. Обернулся. Увидев женщину с горящими глазами, он выпустил мальчика. Тот медленно поднялся с земли.

—Что ж вы, мать, за вора заступаетесь? Кто он вам, что вы так о нем печетесь? — с упреком сказал парень.

—Сын он мне! Сын! И больше такого с ним не будет!

Ренат понурил голову, не смея взглянуть на Мехринису.

Парень не мог взять в толк, почему мальчишка, пытавшийся вырваться и убежать, сейчас стоял как вкопанный, хотя его больше никто не держал. Молчали и люди вокруг, недоумевающе глядя на женщину и мальчика.

—Правда? Сын? — не верил парень.

—Разве матери лгут?

—Послушай.— Парень взял Рената за подбородок.— Ведь ты порочишь имя добрых людей. Понимаешь ли ты это? Если б не эта женщина, проучил бы я тебя как следует, а потом отвел в милицию. Ну, иди домой! И чтоб больше не смел воровать!

В глубине души парень был уверен, что мальчишка сейчас убежит от женщины, потому что никакой он ей не сын и заступилась она за

него просто из жалости. Но Ренат, вскрикнув «Мама!», бросился к Мехринисе, крепко обнял ее.

Мехриниса только теперь почувствовала, как она устала. Она не в силах была даже открыть рот и только гладила Рената по голове, не двигаясь с места. Спустя минуту, взяв мальчика за руку, она пошла домой.

Возле дома мальчик остановился и глухим голосом начал умолять мать:

— Не говорите папе, ойи!

Мехриниса пообещала, не зная еще, правильно ли поступает. Ступив через порог, она встретилась с Лесей, надевшей на голову чугунный котел и чрезвычайно довольной своим нарядом.

Мехриниса протянула к девочке руки, но Ренат опередил ее, снял с головы Леси котел и поставил на пол.

— Во что ж ты платье-то превратила! Только утром надела чистое, — укоризненно сказала Мехриниса, глядя на измазанную с ног до головы Лесю. — Так ведь несчастное платье в тазу сгинет. А это у тебя что? — повернулась мать к Гале, которая стояла со старым красивым кумганом⁶³ в руке.

— Металлолом, — радостно сообщила Галя. — Будем сдавать в школу.

— Разве можно сдавать совершенно целый кувшин? — всплеснула руками Мехриниса.

— Остап-ака сказал. Я думала, он не нужен, — чуть не заплакала Галя.

Карамат, дополаскивавшая большую кучу белья, засмеялась. Занятая стиркой, она не заметила, как дети извлекли откуда-то все эти вещи.

— Иди сними платье, умойся, — строго сказала Мехриниса Лесе. — Ляна, ты же большая, что ж ты не смотришь за ними?

Ляна молча взяла Лесю за руку и повела на айван.

— Ой, Караматхон, что же это вы делаете? — Румянец выступил на щеках Мехринисы.

Карамат улыбнулась, заканчивая свое дело. Она ни о чем не расспрашивала Мехринису, про себя радуясь, что та вернулась вместе с Ренатом.

---

⁶³ Кумган — медный кувшин с узким горлом.

—Вот видите, апа, всем несчастьям вашим конец, и стирке тоже,— Карамат развесила на веревке белоснежную простыню.— Устали, наверное. День сегодня такой жаркий... Захира только что ушла. Помогала мне.

—Как я вам благодарна! Пусть вернуться ваши близкие живыми!

С улицы, запыхавшись, держа за руки Сашу и Лешу, прибежал Коля. Увидев Рената, он бросил на него грозный взгляд.

—Скоро у отца перерыв, кто из вас отнесет ему обед?

Мехриниса поглядела на Сарсанбая, но он будто не заметил ее взгляда. Сарсанбай капризничал, не желая выходить на улицу в рваных брюках. «В чем ты был, когда пришел сюда, не помнишь?» — чуть было не вырвалось у Мехринисы, но она сдержалась, чтобы не обидеть мальчика. Мехриниса очень любила шустрого Сарсанбая, подвижного, как упругий резиновый мячик, озорного, но доброго и честного. Сарсанбай превыше всего на свете ценил справедливость. Из таких детей вырастают обычно хорошие люди, они низко склоняют голову перед правдой и всей душой восстают против зла.

—Я отнесу,— сказал Коля.

Колю насторожила необыкновенная тишина в мастерской. Только прислушавшись, он различил голоса вдаль. Пройдя всю длинную кузницу, он увидел, что рабочие, тихо переговариваясь, столпились у дальнего окна.

—Он ведь все время думает о детях.

—Как не думать? Ты поставь себя на его место.

—Вот уже неделя, как он работает непрерывно в две смены. Сколько мы ни уговаривали его отдохнуть, ни за что не соглашается.

Коля догадался, что речь идет об отце. Испуганный дурным предчувствием, он начал протискиваться вперед. В это время в дверь торопливо вошла медсестра. Люди расступились, и Коля увидел, что на деревянной лавке лежит, безжизненно свесив руки, Махкам-ака.

—Дада! — Коля рванулся вперед.

Сали-уста удержал мальчика.

—Ничего страшного, сынок. Переутомился он.

От лекарства ли, от крика ли Коли, но Махкам-ака открыл глаза и, точно очнувшись после сна, с улыбкой оглядел окружающих. Потом протянул руку сыну, пытаясь встать.

— Не вставайте, уста, подождите, выпейте вот это, — сказала медсестра, следя за его пульсом.

— Пусть чаю выпьет, вот чай. — Кто-то из рабочих подал пиалу.

— Дада!.. — Коля в страхе вглядывался в лицо отца.

— Устал я немного, Коля. Сейчас пройдет. Как там братишки, сестренки?.. Вот тебе и на! Такой взрослый джигит..

Держась за Колино плечо, Махкам-ака поднялся, сел рядом с сыном. Потом отхлебнул чаю.

— О, я же всех оторвал от работы! Да ничего и не случилось. Просто потемнело в глазах. Спасибо, доченька.

— Отдохните, уста. Сегодня вам нельзя работать! — предупредила медсестра.

— Правда, уста, поберегите себя, — добавил кто-то из кузнецов.

— Ничего, отдохнем, когда война кончится, — сказал Махкам-ака.

Все разошлись по своим местам. Возле Махкама-ака остались медсестра и Коля. Медсестра еще раз взяла руку Махкама-ака, стала считать пульс. Коля развязал узелок с обедом и вдруг, вспомнив, воскликнул:

— Ой, дада, я и забыл! Пришло письмо от Батыра-ака! Оказывается, он был ранен. Теперь скоро приедет.

Махкам-ака оторопело уставился на Колю. На лбу у него выступили капельки холодного пота. Медсестра, заметив, как сразу участился пульс у кузнеца, испугалась, подняла голову.

— Пишет он, куда ранили?

— В ногу. Шлет всем привет и просит быстрее ответить ему.

— Слышала, доченька? От сына письмо пришло. Жив он! Эй, друзья!

В шуме и громе, которые стояли в мастерской, никто не расслышал слабого голоса Махкама-ака. Лишь Сали-ата, случайно заметив, как тот шевелит губами, подошел поближе.

— Приятная новость, дорогой.

Сали-ата громко свистнул. В один миг стук умолк. Все окружили Махкама-ака, стали поздравлять его. Махкам-ака расстелил платок и поставил на него чашку с обедом.

— Ну, прошу, подходите, угощайтесь.

— И вы хотите отделаться этим? — смеялись кузнецы.

— Давайте раскошеливайтесь. Завтра среда, не забудьте сходить на базар. Если барана не будет, мы согласны на козу.

—Заколю барана! — обещал Махкам-ака, сияя от счастья.— Вот Коля молодец! Какую весть принес!

Смех, радость, шутки все еще не кончились, когда в дверь вошел паренек Колиных лет. Он поздоровался и начал перебирать пачку бумаг, зажатую в руке.

—Хамидов! — прочитал он вслух и взглянул на кузнецов.

Вытерев руки фартуком, Хамидов взял бумажку.

—Ахмедов!

Очередь дошла и до Махкама-ака. Ему тоже вручили маленький белый листочек, знакомый в военное время всем,— повестку о явке в военкомат.

В повестке предписывалось явиться с вещами в военкомат на другой день в одиннадцать утра.

Веселый разговор прервался, все разошлись по местам, но никто сразу не взялся за работу. Кузнецы уже привыкли, что их ряды постоянно редуют: одни уходили на фронт, других переводили на военные предприятия. Однако сейчас все разволновались, всех заботила судьба семьи Махкама-ака.

—Ни больше ни меньше — тринадцать душ! Что с ними делать? — встревоженно повторял Сали-уста.

—Ты уже не маленький, сынок. Крепись,— стоя у дверей кузницы, говорил Коле Махкам-ака.— Останешься главой семьи, старшим. Будет трудно, но что делать? Авось вернется и Батырджан-ака... Ну, иди, наверное, мать уже беспокоится. А может, пока ничего не говорить ей?

—Придете домой, сами скажете,— согласился Коля.

—Хорошо, скажу ей осторожно, не сразу. Иди, сынок...— Махкам-ака провожал Колю взглядом, пока тот не перешел на другую сторону улицы. «Хорошо, что он у меня есть. Уже большой, понятливый».

Это был действительно необычный день. Пожалуй, второго дня, до такой степени насыщенного событиями, еще не было в жизни Ахмедовых.

—Ойи, можно я покрашу брови усьмой?⁶⁴ — ласкалась к матери Леся.

---

⁶⁴ Усьма — растение, содержащее красящее вещество, употребляемое для окрашивания бровей и ресниц.

—И я тоже хочу,— присоединилась к Лесе Галя.

—Рано еще тебе, пучугим⁶⁵.— Мехриниса обняла Лесю.

—Не говорите так.— Девочка обиженно взглянула на мать.

—А как сказать? Ну, кичигим⁶⁶.

—Скажите ей лучше «кучугим»⁶⁷,— вмешалась Галя.

—Ты сама щенок, поняла? — Леся бросила на Галю сердитый взгляд.

Галя высунула язык и убежала. Во дворе опять стало шумно. Мехриниса улыбалась, глядя на детей. В руках она вертела рваную рубашку Остапа, прикидывая, куда лучше поставить заплатки.

«Что-то долго Коли нет,— с беспокойством подумала Мехриниса, посматривая на калитку.— Наверное, о письме Батыра разговаривают... Напрасно я не дала письмо... Нет, хорошо сделала. Иначе муж и сегодня остался бы на вторую смену. К вечеру он вернется домой, скажу ему: «Хорманг, отец, с вас подарок за приятную весть». Интересно, что он ответит на это?..»

Ляна, уложив Марику спать, села за уроки. Раскрыла тетрадь, учебник, но вдруг с острой тоской вспомнила родную мать. В последние дни Ляна часто приставала к Мехринисе с просьбой узнать, как чувствует себя ее мама. У Мехринисы от этих просьб больно щемило сердце. Ляна стала грустной, задумчивой. Мехриниса замечала, что девочка иногда плачет, прячась где-нибудь в уголке дома или двора. Мехриниса обычно старалась в эти минуты занять чем-нибудь Ляну, а потом решила сказать ей горькую правду.

—Почему вы не сказали сразу? Зачем обманывали меня? — Ляна зарыдала навзрыд.— Я должна была в последний раз посмотреть на мою мамочку. Неужели вы этого не понимаете?

—Прости, доченька! Другого выхода у меня не было.

В калитку вошел Коля. Он старался держаться спокойно и весело, но вид у него был удрученный. Увидев, как плачут мать и Ляна, Коля подумал: «Неужели узнала? От кого же?» Он тихонько прошел на айван, положил узелок возле столба, но сейчас никто на него не обратил внимания.

Нелегко было утешать Ляну. Мехриниса ласково гладила девочку

---

⁶⁵ Пучугим — моя курносяя.

⁶⁶ Кичигим — моя малышка.

⁶⁷ Кучугим — мой щенок.

по голове, по щекам, вытирала ей слезы, баюкала, прижимая к себе. Постепенно Ляна замолчала, но сидела, уткнувшись в плечо Мехринисы, совершенно потерянная.

Ближе к вечеру во дворе неожиданно появился Исмаилджан. Забыв поздороваться, он возбужденно заговорил:

— Вот беда! Все складывается, как назло, неудачно. Кадырходжа-ака уехал в командировку. Я сам ходил в военкомат, растолковывал им. Никто ничего не хочет и слышать! Приказ! Пошел я в горком партии, да забыл, что сегодня выходной день. Там одна дежурная сидела. Сказала, что с утра доложит секретарю.

Исмаилджан вытер платком пот со лба, закурил. Мехриниса пожалала плечами и, воспользовавшись его молчанием, спросила:

— Исмаилджан, о чем вы так печетесь? Вы еще не слышали? От Батырджана пришло письмо!

— Ого, очень хорошо, это самое... — забормотал Исмаилджан.

— Жив-здоров сын! Ранен был,

— А? Хорошо, хорошо... Это самое... Пойду-ка я к Абду-хафизу, ведь он тоже... — Не договорив, Исмаилджан поспешил за калитку, но тут же вернулся снова. — Эй, Коля! Иди-ка, сынок, покажи мне, где живет Абдухафиз.

Коля вышел за ним. Мехриниса, стоя посреди двора, снисходительно улыбнулась и произнесла вслух:

— Что с ним делается? Бормочет что-то... Куда это он ходил, зачем? В своем ли он уме?..

Глава двадцать четвертая

Вечерело, когда Мехриниса, Коля и сестра Махкама-ака вернулись с вокзала. Необычная тишина стояла во дворе. Мехриниса протянула руку к

замочному кольцу — и у нее сжалось сердце. На миг ей показалось, все уехали из дома и он навсегда опустел. Обернувшись, она с удивлением увидела, что к ним подходит Исмаилджан, тяжело шагая, угрюмо глядя себе под ноги. Мехриниса думала, что все, кто пришел проводить Махкама-ака, разошлись еще на привокзальной площади. Оказывается, Исмаилджан провожал их до дому, а Мехриниса и не заметила. Широко раскрыв калитку, она пригласила Исмаилджана

войти.

Посреди двора Карамат дробила кукурузу. Приунывшие, молчаливые дети сидели в сторонке. Из кухонной трубы валил густой дым, в воздухе стоял запах жареных тыквенных семян. Это Захира запалила сухие листья в печке. Все смотрели на Мехринису и ничего не говорили. Только Леся подбежала к матери и, пряча лицо в подол ее платья, стала громко плакать. Мехриниса погладила девочку по голове, тихонько подошла к айвану и присела. Коля о чем-то шептался с Исмаилджаном. Во дворе появилось еще несколько человек, среди них были Ариф-ата, Сали-уста, Икбал-сатанг.

— Проходите, садитесь. — Карамат указала гостям на курпачу.

Один за другим гости прошли на супу, присели. Что следует делать в подобных случаях, как вести себя, никто не знал. Взрослые тайком поглядывали на детей, сгрудившихся в сторонке. Наконец Сали-уста, кашлянув раз-другой, нарушил молчание.

— Вы, невестка, мужественная женщина. — Он повернулся к Мехринисе. — Вы крепче любой скалы. Есть такое предание. Аллах, когда творил мир, создал горы и скалы, способные выдержать любые испытания. Прошло время, и видит всевышний: стали рушиться горы и скалы, не выдерживают тяжести, взваленной на них. Тогда аллах и переложил груз на плечи своих рабов. Смотрит — люди выносливее гор... Все мы глубоко опечалены отъездом Махкама-уста. Но сложа руки сидеть не будем. Не раз заменяли мы ушедших на фронт, не позволим погаснуть и горну Махкама-ака, остыть его наковальне. Не дадим в обиду его малышей. Ваша семья — родная для нас... Пусть будут стерты фашистские злодеи с лица земли!

Сали-уста попрощался с Мехринисой, за ним потянулись к выходу и остальные. Когда за последним гостем закрылась калитка, Мехриниса наконец осознала, что все происшедшее не сон, что мужа действительно больше нет рядом. И тут она почувствовала, что силы покидают ее. Хотелось заплакать громко, никого не стыдясь, но она молча глотала слезы, помня наказ мужа: «Не плачь в присутствии детей».

Ей хотелось поразмышлять в одиночестве. Но куда уйти? Где спрятаться от детей? В растерянности Мехриниса стояла посреди айвана, и тут к ней подошел Коля, проводивший гостей. Он тихонько положил руку на плечо матери. Такая привычка была и у Махкама-ака. Утешая жену, он говорил с ней так же — положив руку на плечо.

Мехриниса быстро взглянула на Колю. Не по-детски серьезными стали глаза мальчика.

—С завтрашнего дня я не пойду в школу,— неторопливо проговорил Коля.

—Почему, сынок?

—Буду работать.

Мехриниса частенько брала Колю с собой на базар, чтобы он помогал нести покупки. Каждый раз Коля ужасался, видя, как много денег тратит мать. Толстая пачка таяла быстро, а купленных продуктов едва хватало на два дня. Коле было жалко и мать и отца, работавших не покладая рук. Тогда-то и запала ему в душу мысль пойти работать, чтобы приносить домой деньги. Однажды, размышляя над этим по дороге с базара, Коля осторожно спросил мать:

—Ойи, можно мне торговать папиросами или семечками?

Мехриниса резко остановилась.

—Сынок, пока я жива, не позволю, чтобы ты дошел до этого,— упрямо и горько сказала она.— Не за тем я взяла тебя под свое крыло. Учись, придет время — поступишь на работу...

Сейчас Коле казалось, что время, о котором говорила мать, настало.

Мехриниса поняла, что слова Коли шли от самого сердца. Она глянула в его глаза, полные мольбы и сочувствия, и крепко обняла мальчика.

—А как же учеба? — спросила Мехриниса.

—Вот окончится война, вернется отец, вернется Батырджан-ака... Тогда и пойду учиться.

—Пусть будет, сынок, по-твоему, я согласна.

—Исмаилджан-ака мне поможет... Меня возьмут в мастерскую... Со временем я заменю отца,— обрадованно заторопился Коля.

Мехриниса сдержанно улыбнулась: до отца Коле было ох как далеко! Хорошим кузнецом сделала Махкама-ака долгая жизнь и многолетняя работа с молотом в руках.

На другой день утром Коля пошел в школу сказать учителю, что поступает на работу. Дмитрий Николаевич, любимец ребят, расстроился, узнав о намерении мальчика оставить учебу. Но он ничего не сказал, только молча обнял Колю и проводил его до двери:

—Желаю тебе успеха! Верю, что ты не дашь детям почувствовать отсутствие отца.

Прямо из школы Коля направился в мастерскую, однако, войдя,

увидел, что Исмаилджана там нет. В нерешительности он остановился у двери.

—Э, да ты пришел! Надень-ка вот это! — Сали-уста подал мальчику клеенчатый фартук, предложил: — Поработай со мной.

Коля уже не раз помогал отцу в домашней кузнице, но было как-то страшновато встать рядом с Сали-уста. Тем не менее он осторожно спустился к горну, разворошил золу в яме, выгреб остатки сгоревшего угля: и маленькой лопаткой насыпал свежего. Потом принялся подавать воздух мехами. Сали-уста следил за ним со стороны, на время предоставив мальчика самому себе...

С этого дня в табель кузнечной мастерской было внесено имя нового рабочего — Николая Махкамова.

Оставив машину на широкой улице, Кадырходжа пешком двинулся к дому Махкама-ака. Он шел и журил себя, испытывая неловкость от предстоящей встречи. Став директором военного завода, Кадырходжа лишь один раз навестил семью кузнеца, да и то в отсутствие хозяина.

Правда, несколько раз Кадырходжа справлялся о Махкаме-ака у Исмаилджана, дважды передавал кузнецу приглашение перейти на завод. На новой работе дел у Кадырходжи прибавилось. Он уезжал из дома с рассветом и возвращался поздней ночью.

Размышляя обо всем этом, Кадырходжа подошел к воротам дома Махкамовых. С другой стороны улицы к этим же воротам тащился мальчик с ведром, наполненным дынными корками. Он часто останавливался, ловким движением бросал в рот какую-то сушеную ягоду и снова подхватывал ведро. Кадырходже показалось, что лицо мальчика ему знакомо. Пожалуй, это был один из сыновей Махкама-ака. Кадырходжа содрогнулся: неужели семья так бедствует, что дети вынуждены есть дынные корки? Директор крепче прижал к себе сверток с гостинцами, наблюдая за мальчиком, который заметил гостя уже у самых ворот и лишь тогда смущенно поздоровался. Кадырходжа хотел взять у него ведро, но тот отвел в сторону его руку, а за ведро ухватился так, точно там лежал драгоценный груз.

—Не надо, амаки, сам понесу,— твердо сказал мальчуган.

—А где папа? — машинально спросил Кадырходжа.

—Уехал на фронт,— спокойно ответил мальчик, открывая калитку.

—А мама?

—Дома, лежит больная.

—Пойдем,— волнуясь, сказал Кадырходжа.

Вслед за мальчиком он вошел во двор. На айване, накрывшись одеялом, лежала Мехриниса.

—Тебе не тяжело, Остап? — приподнялась она и тут же увидела Кадырходжу.— Ой, ассалому алейкум! — Мехриниса хотела встать, но Кадырходжа остановил ее.

—Что с вами? — спросил он, поднимаясь на айван.

—Что-то нехорошо...— Голос у Мехринисы был слабый, вид больной, усталый.

Из комнаты вышла Ляна, поздоровалась и расстелила курпачу. Появились Леся и Галя.

—Ассалому алейкум,— дружно сказали девочки.

Кадырходжа показал на сверток, который положил на край айвана:

—Это вам гостинцы. Возьмите.

Галя вопросительно взглянула на мать, та чуть улыбнулась, и девочка попыталась поднять сверток, но не смогла. Ляна пришла ей на помощь. Вдвоем они унесли подарки в комнату, за ними убежала и Леся. Заметив, что Остап переложил дынные корки из ведра в таз и понес его корове, лежавшей у забора, Кадырходжа немного успокоился.

—А усту проводили, оказывается. А я и не знал, меня в городе не было,— с сожалением произнес Кадырходжа.

—Никого война не минует.— Мехриниса уныло опустила голову.

—Врача вызывали?

—Старший хотел вызвать утром, да я не велела. Пройдет,— махнула рукой Мехриниса.

В висках ломило, руки и ноги странно отяжелели. Воспаленными, блестящими глазами Мехриниса взглянула на Кадырходжу, как бы извиняясь за причиненное беспокойство.

—Все же надо вызвать врача. Хотите, я это сделаю? — сказал Кадырходжа, испытывая огромное уважение к этой женщине.

—Спасибо. Если завтра не поправлюсь, вызову,— пообещала Мехриниса, облизывая сухие, потрескавшиеся губы.

Кадырходжа уже было собрался уходить, но тут к айвану подошел Остап.

—А вы, амаки, вместе с папой работали?

—Вместе, сынок.

—А почему не поехали на фронт?

—Очередь пока не подошла.— Кадырходжа даже слегка смутился.

Он встал, но и на этот раз уйти ему не удалось. В калитку вбежал взволнованный Сарсанбай. Едва кивнув Кадырходже, он прокричал:

—Ойи, знаете, ойи, говорят, Ренат на вокзале. Его видел там мой товарищ из четвертого класса!

—О!..— Брови Мехринисы взметнулись.

—Можно я пойду за ним?

—Как же ты один, сынок? Погоди, погоди.— Мехриниса в растерянности закрыла глаза, обхватила голову руками.

Кадырходжа, не понимая, в чем дело, вопросительно смотрел на мальчиков.

— Рената нет уже три дня, амаки. Из-за этого мама и заболела. Вчера с утра до вечера она разыскивала его, но не нашла,— тихонько объяснил ему Остап.

—Амаки, это не ваша машина стоит на углу? Шофер ходит, ищет кого-то. Позвать его? — предложил Сарсанбай.

—Будь добр, пойди скажи, что я сейчас приду.

Сарсанбай и Остап скрылись за калиткой.

—Вот какие у меня заботы,— с трудом шевеля языком, произнесла Мехриниса.— Ренат ужасный озорник. Домой не приходит... Боюсь, не попал бы под влияние плохих мальчишек...

Кадырходжа хотел заглянуть к жене кузнеца только на минутку, справиться о житье-бытье и уйти. Теперь он сидел, погруженный в заботы большой семьи. Что посоветовать, как помочь? Сначала он думал, что самое главное — вызвать врача, теперь же надо было прежде всего срочно найти Рената. Возвращение сына поможет Мехринисе больше любого врача — это ясно. Кадырходжа нервничал, не зная, как поступить. Через пятнадцать минут у него на заводе должно было начаться совещание с начальниками цехов. С одной стороны, нельзя заставлять ждать занятых людей, с другой — как встать, как уйти отсюда?.. Поразмыслив, он сказал Мехринисе:

—Янга, не будем терять времени. Я вызову врача, потом поеду на вокзал, поищу Рената. Только надо бы кого-нибудь из детей взять с собой.

—Что вы, что вы! Разве я могу беспокоить такого занятого человека! И надобности нет вызывать доктора,— возразила Мехриниса.

—Какое там беспокойство...— Кадырходжа решительно встал.— Возьму с собой Сарсанбая и Остапа. Поедете? — обратился он к

мальчикам, как раз в эту минуту появившимся в калитке.

Оба стрелой кинулись назад к машине.

Навстречу им из-за угла вышел Коля. Рядом с ним шла женщина-врач.

Кадырходжа решил подождать, пока врач осмотрит Мехринису. Сарсанбай торопливо сообщил Коле, что вместе с амаки они едут на вокзал искать Рената.

Коля слушал Сарсанбая, встревоженно поглядывая в сторону айвана. Наконец врач спустилась во двор. Ее тут же окружили дети.

—Что с ней, апа?

—Сильная простуда. Температура очень высокая — тридцать девять. Здесь ветрено, и мама должна лежать в комнате.— Врач достала из сумки бланки для рецептов.

—Ляна, приготовь постель в комнате,— распорядился Коля.

—Нет, в доме мне будет душно, сынок. Я здесь полежу, укутаюсь,— слабо запротестовала Мехриниса.

—Здесь ветрено, ойи,— сказал Коля.

Кадырходжа диву давался, слушая, как по-взрослому разговаривает Коля, как дети слушаются его. Мальчик стал надежной опорой семьи, он мужественно старался заменить Махкамаака, бремя на себя обязанности главы семьи.

Врач ушла, предупредив, что вечером зайдет медсестра. Проводив ее до калитки, Коля поднялся на айван, взял Мехринису под руки и повел в комнату.

—Амаки, вы не тревожьтесь. На вокзал поеду я сам,— сказал он, вернувшись из комнаты.

—Вместе поедем, сынок. Садитесь в машину.— Кадырходжа неволью сказал Коле «вы» — настолько мальчик казался ему теперь самостоятельным и взрослым.

Узнав, что едут искать Рената, Дзидра, Абрам и близнецы закапризничали: они тоже хотели принять участие в поисках. Коля строго отчитал ребятишек, но Кадырходже стало жалко детей, и он решил взять их с собой. В последнюю минуту в машину влез и Витя. Шофер был ошеломлен таким количеством пассажиров. «Не поместятся»,— твердил он, но Кадырходжа все-таки усадил всех. Радости детей не было предела, Коля пытался утихомирить их.

—Пусть веселятся,— улыбнулся Кадырходжа.

Машина подъехала к привокзальной площади. Присмирившие

ребята друг за другом вылезли из автомобиля.

—Сынок,— сказал Кадырходжа,— вы пока ищите Рената, а я съезжу на завод. Там, наверное, заждались меня. Встретимся тут же, у эвакуатора, хорошо?

—Амаки,— сказал Коля умоляющим голосом,— мы сами доберемся домой.

—Нет, я приеду. Дождитесь меня обязательно! Договорились?

Коля не посмел возразить.

Привокзальная площадь была, как обычно, заполнена людьми, главным образом военными — солдатами, матросами, офицерами.

Коля в растерянности остановился: куда идти, где искать Рената?

День был ясный, но дул холодный осенний ветер. Дзидра приехала в легком платье, нос у нее покраснел, девочка ежилась, зябко поводила плечиками. Коля сердито проворчал:

—Приехала! Умница! На, надевай.— Он снял пиджак, Дзидра спрятала покрасневшие руки в длинные рукава.

—Давайте обойдем площадь,— предложил Коля.— Смотрите хорошенько. Саша, Леша, не отставайте. Витя, возьми их за руки.

Они обошли даже ближайший сквер, побывали у билетных касс. Саша и Леша доставляли больше хлопот, чем поиски Рената. То и дело близнецы отставали, терялись в толпе, боязливо кричали: «Ака!» Коля уже не раз пожалел, что взял их на вокзал.

Оставалось осмотреть перроны. Коля обо всем рассказал железнодорожнице с красной повязкой на рукаве, дежурившей у входа. Женщина вначале не хотела пропускать детей, но их умоляющие глаза говорили красноречивее слов.

—Идите, но будьте осторожны! — сдалась она.

На перроне народу оказалось немного. На втором пути стоял длинный эшелон. Широкие двери товарных вагонов были раскрыты. Похоже, эшелон остановился надолго. Солдаты спокойно прохаживались вдоль поезда, носили воду, умывались, курили. В других вагонах стояли лошади, они печально ржали, будто чувствовали, какой долгий путь ждет их впереди. На открытых платформах были зачехленные танки и пушки. С обеих сторон эшелона расхаживали часовые.

Ребятишки с любопытством глазели на все вокруг.

—Нашего отца увез такой же поезд,— сказал Коля ребятам, и они притихли, представив себе, как уезжал Махкам-ака.

Дойдя до конца эшелона, дети перешли на третий путь. Там стоял пассажирский поезд. Коля подошел к проводнику, хотел спросить, пришел состав или, напротив, отправляется, но в эту минуту Дзидра закричала:

—Вон Ренат!

Мимо пыхтящего, объятых клубами дыма паровоза два милиционера вели нескольких чумазных мальчишек. Среди них был и Ренат. Дети замерли, не зная, что делать. Поравнявшись с ними, Ренат поднял голову и громко заплакал:

—Коля, Сарсанбай...

—Пошли, пошли.— Милиционер крепче взял мальчика за руку.

—Это мой братишка, амаки. Отпустите его,— пристроившись к милиционеру сбоку, говорил на ходу Коля.

—Братишка? А ты кто такой?

—Я... Николай Махкамов.

—Что ты тут делаешь? Кто тебя пропустил сюда?

—Мы как раз братишку разыскивали. Отпустите его.

Милиционер недоверчиво посмотрел на Колю, на Рената, на других ребяташек и, видимо не обнаружив между ними никакого сходства, не поверил Коле.

Детей ввели в здание вокзала, в комнату с надписью «Посторонним вход воспрещен». Коля рванулся вслед за милиционерами, но дежурная его не пропустила.

—Джан хола, там мой братишка.

—Без разрешения начальника нельзя.

—Неужели его арестуют, ака? — забормотал Абрам, с тревогой заглядывая Коле в лицо.

Испуганно съжившись, ребята ждали от старшего брата каких-то незамедлительных действий.

Коля молчал. Длинная складка прочертила его лоб, серые глаза смотрели серьезно: мальчик искал решения.

Вдруг сзади слышались быстрые шаги. По коридору шел высокий молодой человек в штатском. Не дойдя нескольких шагов до ребят, он скрылся в эвакопункте.

—Коля, ты узнал его? — спросил Витя.— Он приходил к нам домой вместе с Ахунбабаевым.

—Точно! Он у нас был в тот день, когда заблудился Сарсанбай! — воскликнул Остап.

—Попроси его,— подсказала Дзидра.

В эту минуту молодой человек снова появился в коридоре и так же быстро пошел к выходу. Коля поспешил за ним.

—Ассалому алейкум, амаки. У нас неприятность. Наш братишка попал в эту комнату.

Помощник Ахунбабаева, видимо, очень спешил, но все же остановился и, взявшись за дверную ручку, взглянул на Колю:

—Войдем.

По коридору все время сновали люди: железнодорожники, милиционеры, военные, штатские. Никто, конечно, не обращал внимания на детей: они не походили на бездомных, не шумели, только перешептывались. Дзидра нетерпеливо вертелась у двери, за которой теперь скрылся и Коля. Но вот наконец старший брат вернулся.

—Тихо. Сейчас нас вызовут.

Не прошло и минуты, как из комнаты вышла дежурная и, широко раскрыв дверь, пригласила:

—Входите, пожалуйста.

За столом сидела женщина в форме лейтенанта милиции. На скамейке напротив, сбившись на один край, уныло примостились Ренат и его товарищи. Ребята дружно поздоровались с женщиной и по ее улыбке поняли, что это ей понравилось.

—Как твоя фамилия? — спросила она у Коли.

—Николай Махкамов.

—А твоя? — Она посмотрела на Сарсанбая.

—Сарсанбай Махкамов.

Лейтенант вопросительно разглядывала каждого и слышала в ответ:

—Дзидра Махкамова.

—Виктор Махкамов.

—Абрам Махкамов.

—Остап Махкамов.

—Леша Махкамов.

—Саша Махкамов.

Женщина вдруг грозно поднялась.

—Может быть, и его фамилия Махкамов? — Она кивнула на взъерошенного Рената.

—И он тоже Махкамов,— ответила Дзидра.

—Ишь сговорились! Эти тоже Махкамовы? — иронически

усмехнулась женщина-лейтенант, указывая на чумазых ребятишек, сидевших рядом с Ренатом на скамейке.

—Этих не знаем, хола,— сказал Коля,— но дома еще есть Махкамовы, младшие.

—Младшие? Сколько же вас?

—Тринадцать.— Коля говорил спокойно, словно не замечая раздражения женщины.

—Тринадцать? — сердито повторила строгая женщина и вдруг что-то вспомнила, прикусила губу и встала. Изменилось выражение ее лица, и в голосе послышались теплые нотки.— Где работает ваш отец?

—Уехал на фронт. А работал кузнецом.

—Махкам-ака?!

—Это наш папа! — загалдели дети.

Женщина подошла к ребятишкам. Дзидру погладила по голове, поправила Абраму волосы, потрепала по плечу Остапа. Чувствовалось, что она хочет как-то сгладить неловкость.

—Отпустите Рената, джан хола,— заглядывая в глаза женщине, робко попросила Дзидра.

—Отпущу, если больше не будет шататься по улицам. Ты понял, Ренат? Обещаешь?

Ренат закивал головой, вскочил и кинулся к своим. Те встретили его бурной радостью.

—Из-за тебя мама заболела,— буркнул Витя Ренату.

—Ой, что с ней?

—Температура очень высокая.

Ренат опустил голову, отвел глаза. Ему было и стыдно и приятно, и он готов был расплакаться снова.

—Ну и ну, Махкамовы! Оказывается, какие вы дружные! Что ж, до свидания, передавайте привет маме!— Женщина старалась говорить как можно приветливее.

—Спасибо,— сдержанно поблагодарил Коля.

Выйдя на площадь, ребята принялись расспрашивать Рената о том, как он провел эти три дня. Перепоручив временно детей Остапу, Коля отправился в эвакупункт.

—Расскажи подробно, как вы живете,— сказал «тот самый» молодой человек, едва Коля переступил порог.

Коля рассказал обо всем по порядку: как уехал отец, как на другой день пропал Ренат, как сам он устроился на работу, как заболела мать.

Под конец Коля сообщил, что дома у них был Кадырходжа, он-то и привез их на вокзал.

—Ну что ж, спасибо, Коля. Обо всем, что ты рассказал, я доложу Ахунбабаеву. Если я завтра не зайду к вам днем, то вечером сам забеги ко мне. Когда ты освобождаешься?

—В шесть.

—Приходи к семи. Знаешь, где я работаю?

—Нет.

—На Красной площади⁶⁸. Войдешь с правого крыла.

Я закажу пропуск, договорились?

—Договорились.— Коля встал.

В условленном месте ждали ребяташки. Там же стояла и машина — Кадырходжа остался на заводе, но прислал автомобиль.

Весело разговаривая, дети уселись в машину. Город уже погружался в сумерки.

К вечеру температура у Мехринисы поднялась еще выше, она вся горела, не могла открыть глаза, вымолвить хоть слово. Не помог и укол. Ляна увела маленьких в другую комнату, а сама не отходила от Мехринисы. Во дворе наконец послышались знакомые голоса. Ляна выскочила на айван, увидела Рената и вдруг заплакала, зло всхлипывая сквозь слезы:

—Зачем пришел? Это все ты натворил! Смотри, в каком состоянии мама, бесовестный!

Ренат стоял, понунив голову. Никто не произнес ни слова в его защиту, даже Коля не остановил Ляну. За дни бродяжничества Ренат не без удивления понял, что без Мехринисы, без братишек и сестреночек жить очень плохо.

—Прости меня, Ляна! Простите, ребята,— тихо сказал Ренат.— Можно мне зайти к маме?

Коля повел Рената в комнату матери. Остальные бесшумно прошли в соседнюю.

—Ойиджан, я больше никогда не буду.— Ренат опустился на колени возле постели.

---

⁶⁸ Центральную площадь Ташкента, где находятся правительственные учреждения, горожане любовно называют Красной.

—Слава аллаху, ты жив! — еле слышно проговорила Мехриниса. Она хотела погладить Рената по голове, но ослабевшая рука не слушалась.

Коля велел Ренату выйти. Он приложил ладонь к пылающему лбу матери и испугался. Но Мехриниса еле слышно проговорила:

—Уже лучше, сынок... Ляна плакала или мне почудилось?.. Ты не ругай ее.

—Не волнуйтесь, ойи, я ее вовсе не ругал. Ойи, помните помощника Ахунбабаева? Я случайно встретился с ним. Он вам кланяется.

—Спасибо ему, сынок,— с трудом прошептала Мехриниса.

Ляна принесла пиалушку чая, накапала микстуру и склонилась над Мехринисой. Коле показалось, что девочка за один день как-то повзрослела. Удивительно точные слова сказала она Ренату...

—Чем-нибудь помочь тебе? — спросил Коля сестру.

—Приподними чуть-чуть голову маме.

Мехриниса приняла лекарство и в изнеможении откинулась на подушки.

Поздним вечером пришел Исмаилджан.

—Не обессудьте, апа, запоздалого гостя. Ведь иду к вам, как к себе домой,— улыбнулся он Мехринисе.

—Зря вы беспокоились, мне уже лучше. Ренат нашелся.— Мехринисе действительно немного полегчало после лекарства, и она открыла глаза.

—И прекрасно!.. Я на минутку, сейчас уйду.

Исмаилджан отвел Колю в сторонку, мальчик рассказал ему о событиях дня.

—Досталось тебе, сынок,— пожалел его Исмаилджан.— Завтра на работу можешь не приходить. Присмотришь за матерью.

—Здесь будет Ляна. Я по пути только зайду в школу, скажу учительнице, что Ляна пропустит несколько дней.

Прощаясь у калитки с Колей, Исмаилджан поймал себя на мысли, что так спокойно он покидал этот дом только в ту пору, когда его провожал сам Махкам-ака.

—Всего доброго, уста,— с улыбкой сказал он мальчику.

Закрывая калитку на цепочку, Коля все время слышал эти слова. «Уста»! Сердце мальчика сильно билось. Хотелось помечтать, подумать. События последних пяти дней — с отъезда отца (как крепко обнимал его отец на вокзале!) до той лунной прохладной ночи — тесно сплелись

в его сознании. Надо было восстановить их в памяти, не торопясь осмыслить все по порядку. Лишь бы никто не помешал, не охладил чистых порывов, лишь бы никто не упрекнул, что он нашел для своих размышлений неподходящее время..

В темном углу двора сонно вздохнула корова. Коля вздрогнул, но тут же рассмеялся. Паутина мыслей порвалась. Он почувствовал, что стало холодно. А небо было ясным, высоким. Проследив глазами путь падающей звезды, Коля вдруг вспомнил страшное, полузабытое. Вот так же беззвучно в темной ночи чертили небо ракеты, и люди замирали в страхе. Ракеты предвещали начало артналета, а вслед за ними слышался гул моторов, с визгом взрывались бомбы, и, казалось, горела земля под ногами. До сих пор Коля удивлялся, как ему удалось выйти живым и невредимым из этого ада. Более месяца он ехал в разных поездах. Поезда бомбили, пылали вагоны. Не раз на глазах мальчика погибали люди. Он голодал, замерзал, страдал от духоты и жары. Однажды его чуть не раздавила толпа бежавших куда-то в паническом страхе женщин... Коля не мог вспомнить, как он оказался на ташкентском вокзале. Какой-то железнодорожник взял его за руку и повел в эвакуопункт, забитый малышами. Коле показалось, что люди, раздававшие детям пищу, смотрели на него с недоумением: такой большой мальчик, а словно младенец, тянет руку за куском хлеба. Он ушел с эвакуопункта, скитался по улицам чужого города, не зная, сколько будет так ходить, где найдет пристанище, что станет делать. Он не особенно-то и задумывался над этим, воспринимая бродячую жизнь как нечто неизбежное. Куда мог деться мальчик, оставшийся без родителей, никому не известный, никому не нужный? В городе, хоть до него не докатилась война, жизнь шла трудная, беспокойная — это Коля видел и понимал. А вообще-то он почти ко всему был безразличен. Ни журчание воды, ни трамвайный скрежет, ни звуки музыки — ничто не интересовало его. Он бродил словно по пустырю. Проголодавшись, шел на базар или на трамвайную остановку, помогал одному-другому донести до дому тяжелую ношу и, если давали деньги, покупал что-нибудь съестное. Ему не раз советовали пойти в детдом, но Коля не верил, что тамшняя жизнь лучше той, которую он вел. Несколько дней он проработал в какой-то столовой. Повар с огромными усами на румяной физиономии сжалился над ним и взял его таскать воду и выливать помой. Там же, в столовой, Коля оставался и на ночлег, но повара забрали в армию, а женщина, заменившая его, и близко не

подпускала Колю к работе. Тогда и услышал мальчик о кузнеце Махкаме-ака. Как-то в чайхане вслух читал газетную статью о его семье пожилой рабочий с перевязанной рукой. Коля подумал, подумал и разузнал адрес Махкама-ака.

Семья кузнеца отогрела его. Коля вдруг увидел, что вокруг совсем не пустырь, что жизнь не такая бессмысленная штука, как ему представлялось, что, кроме забот о том, где и как поесть, на свете существует множество других важных и увлекательных дел.

После того как Коля пришел в дом Махкама-ака, к нему вернулась счастливая способность видеть мир прекрасным, получать наслаждение от хорошей музыки, от купания в речке, волноваться и страдать, когда кому-то в большой семье бывало не по себе. С уходом отца на фронт на его плечи легла огромная ответственность. Все, что было до того, было дет

ством, теперь Коля стал взрослым. Он понял смысл слов «человек родился заново». В этом доме родился заново он сам, вырос, обрел родителей, младшим он сейчас вместо отца. «Уста!» Коля улыбнулся, но тут же посерьезнел: «Только бы мама скорее поправилась!» На душе опять стало тревожно...

—Коля! Ты что там делаешь?

На айване, освещенная серебристыми лучами луны, стояла Ляна.

—Ляна, досмотри, какая луна — круглая, огромная, как тыква.

Девочка с тазом в руках спустилась во двор.

—Вырвало ее,— хмуро сказала она.

—Опять?

Мехриниса уснула далеко за полночь, спала она беспокойно, металась, стонала. Коле стало жалко Ляну — девочка на ногах не стояла. Он заставил ее лечь, а сам до рассвета просидел у постели матери. Светало, когда его сморил недолгий сон. Ляна подоила корову, дала поило теленку, а Коля собрался уже на работу, и тут пришла врач. Осмотрев Мехринису, она сказала, что ее надо немедленно положить в больницу. Мехриниса сопротивлялась, слабым голосом доказывала, что дома ей лучше, но врач не стала и слушать. С воспалением легких не шутят.

Дети примолкли. Не было слышно даже Леси, обычно пристававшей ко всем и без умолку болтавшей. Все ходили на цыпочках, разговаривали полупшепотом. Перед завтраком ребята вдруг, не сговариваясь, вошли к матери. «Если я лягу в больницу, что станет с

ними?» — думала в ужасе Мехриниса. Она не смогла даже приласкать, ободрить детей, только бормотала что-то невнятное, стараясь не показать, как ей плохо. «А что, если настал мой час и я умру, пойдут ли они за моим гробом, плача и причитая? Будут ли ходить на кладбище, как Батыр, будут ли вспоминать меня или на другой же день разойдутся в разные стороны?.. Нет, нет, не такие это дети...» Мехриниса закрыла глаза.

Дети испугались.

— Не закрывайте глаза, джан ойи! — Абрам кинулся к матери.

— Мне легче. Не бойся... Вы же опаздываете в школу. Скорее идите пить чай... Спасибо, детки мои, спасибо,— тихо сказала Мехриниса.

Дети на цыпочках пошли к двери. Провожая их внимательным взглядом, больная подмечала все: осторожную поступь, печальные глаза, понуренные головы, беспомощно повисшие руки. Последней вышла Галя. Чулки у нее на ногах были разного цвета. «Да,— подумала Мехриниса,— я нужна им!» Эта мысль на несколько мгновений словно исцелила ее, она почувствовала себя сильной, крепкой, какой была в молодости, в те далекие дни, когда все казалось великолепным и жизнь дарила одни радости... Но ведь только теперь пришло настоящее счастье. Мехриниса впервые ощутила его в ту минуту, когда прижала к груди Батыра и у нее сладко затрепетало сердце, но окончательно и вполне осознала его только сегодня, сейчас. Счастье ее — это дети! Захотелось обнять их, каждого, ощутить тепло детских волос, взглянуть в ясные, живые глаза. Но бедная Мехриниса даже привстать не смогла и только прошептала:

— О аллах, если настал мой час, я согласна... Но не лишай меня... Я хочу сказать не то: не лишай этих детей радости! Позволь мне жить только для них. Пусть им будет хорошо. Прошу тебя, умоляю... Нет, требую!..

Ляна наклонилась к матери, положила ладонь ей на лоб.

— С кем вы говорите?

— А?... — Мехриниса пришла в себя.— Слава аллаху, слава аллаху...

В больницу ее отвезли только после полудня, когда Коля был на работе. Захира и Карамат помогли медсестре довести Мехринису до машины. Захира поехала проводить соседку и забрать ее вещи, а Карамат осталась помочь по хозяйству.

Глава двадцать пятая

Малорослый, старый и тощий осел еле тянул расшатанную арбу. На колдобинах копыта осла скользили, ноги разъезжались, арба наклонялась — вот-вот свалится в канаву. Сидевшая в сене девочка испуганно таращила глаза и норовила покрепче уцепиться за мешки, которыми была гружена арба. Девочке на вид было лет пять-шесть, с плеч у нее неуклюже свисала большая истрепанная фуфайка. Коротенькие, мелко заплетенные косички, торчавшие из-под вышитой тюбетейки, смешно тряслись. Ослом правила мать девочки. В пути они были уже давно: выехали рано, когда в степи дул резкий, пронизывающий ветер. Вначале девочка дремала, облокотясь на мешок и закутавшись в фуфайку. Когда арба свернула на большую дорогу и далеко позади остались кривые улицы кишлака с развалившимися дувалами, она принялась ощупывать мешок и, обнаружив место, где мешковина истерлась, пальчиком проделала дырку. Палец уперся во что-то жесткое, оказалось — в урюк. Девочка посмотрела на мать — та, видно, ничего не замечала, шагая рядом с ослом по обочине дороги и о чем-то думая. Тогда девочка потихоньку вытащила несколько урючин и засунула в рот. Она была уверена, что теперь-то уж никто не узнает о ее проделке, и вовсе не подозревала, что щеки ее надуты, а губы все время шевелятся. Дырка в мешке увеличивалась, теперь в нее входили два-три пальца и можно было выбрать урюк по вкусу.

Мать по-прежнему шла сбоку, и девочку это радовало: ведь урюк-то был колхозный и везли его каким-то детям, значит, мать стала бы ругаться.

Но женщина все заметила и нарочно не оборачивалась, с трудом переступая ногами в мужских грубых сапогах, кутаясь в платок, накиннутый поверх серого ватника.

Солнце уже было в зените, когда арба въехала в город. Боясь заблудиться на незнакомых узких улочках, женщина спросила у первого встречного:

— Где дом кузнеца, усыновившего детей?

— Повернете вон на ту улицу, пройдете немного вперед, увидите двустворчатую калитку, — охотно объяснил старик.

Женщина поблагодарила его и вскоре довела своего осла до нужного поворота.

— Ойи, — не поднимая глаз, спросила девочка, — мы все им отдадим,

да?

— Да, доченька, колхоз-то для них отправил.— Мать ответила мягко, понимая, что чувствует голодный ребенок.

—Целый мешок отдадим, да?

—Целый мешок.

—А нам ничего? — У девочки задрожали губы.— Ойи, можно я немного возьму в тюбетейку? Никто не узнает.

Женщина молчала. Ее молчание девочка истолковала как знак согласия и принялась поспешно выкладывать урюк в тюбетейку.

На узкой улочке мать наконец взглянула на дочь, на бледное личико, на радостно заблестевшие при виде такого богатства глаза, сердце ее сжалось, и она, не задумываясь, стянула с плеч платок и бросила его на арбу.

Пугливо озираясь, обеими руками она начала вынимать из мешка урюк и сушеные яблоки. Руки ее дрожали. В конце улицы замаячила какая-то фигура. Колхозница торопливо завязала платок с фруктами, стянула узлом слегка опустевший мешок и раздраженно прикрикнула на осла. Осел пошевелил ушами, мотнул головой и неторопливо двинулся дальше. У двустворчатой калитки женщина остановила арбу.

—Сиди тихо,— велела она дочери и, закидав сеном платок, подхватила мешок и вошла во двор.

Во дворе были только дети. Каждый занимался своим делом. Ляна стирала, Абрам развлекал Марику, Галя подметала айван, Саша и Леша выкладывали в таз дынные корки для коровы. И только Леся беззаботно качалась на качелях. Удивлённая женщина неподвижно стояла у калитки. Первой незнакомку заметила Ляна.

—Ассалому алейкум! Входите, хола.

—Ва алейкум ассалом. А где мама?

—В больнице,— грустно сказала Ляна.

—Ой, бедняжка! Давно ли?

—Уже четыре дня...

Дети оставили свои дела и подошли к незнакомой женщине.

—А как она себя чувствует? Вы бываете у нее?

—Вчера мы ходили со старшим братом. Она уже понемногу встает.

—А отец на работе?

—Нет, уехал на фронт.

Женщина совсем растерялась. Подбежавшая Леся с откровенным любопытством глядела на мешок.

—Пришло письмо от Батыра-ака. Скоро он и сам придет! — радостно поведала гостье общительная девочка, желая завести знакомство.

—Вот оно как...— Женщина погладила Леся по голове, так и не поняв, о каком письме идет речь.

—Хола, поднимитесь на айван,— пригласила Ляна. Ей хотелось спросить: «Зачем вы пришли?» — но она стеснялась.

Женщина молча подняла мешок и направилась к айвану. Забыв не только снять сапоги, но и соскоблить прилипшую к ним грязь, она уселась на курпаче возле хантахты, развязала мешок и высыпала две пригоршни урюка с яблоками.

—Это вам. Кушайте.

Дети были изумлены. Глаза у них загорелись. Они переглянулись, не зная, что делать, и вопросительно смотрели на Ляну. Ляна стояла, опустив голову.

—Кушайте, для вас привезла,— повторила колхозница.

Дети смущенно присели. Как только Абрам поднес Марику к хантахте, девочка обеими ручонками схватила яблоко и сунула его в рот. Щечки у нее вздулись, лицо засветилось блаженством.

—Какая чудная девочка! Ну-ка, иди ко мне.— Женщина взяла Марику на руки. Выбрав урючину помягче, она вынула косточку.— Тот дай мне, кушай этот, без косточки,— уговаривала она девочку.— Это младшая, да?

—Да, это моя сестренка, ее зовут Марика.

—Какая ты славная! Ну, что ж вы стесняетесь? Берите!

Только после этих слов дети застенчиво протянули руки к фруктам.

—Это послали вам в подарок колхозники,— объяснила женщина Ляне, все еще удивленно пожимавшей плечами.

—В подарок? — переспросила Ляна.

—Да.

—Апа, маме отнесем! — радовалась Леся.

—Папе тоже пошлем, напишем, что подарок,— предложил Абрам.

От недавнего смущения не осталось и следа. Дети ели без стеснения, смеясь, выхватывая фрукты друг у друга. Вмиг хантахта опустела. Саша и Леша одновременно протянули руки к последнему сушеному яблоку, и оба остановились, уступая его друг другу. Заметив это, женщина высыпала на хантахту еще две пригоршни фруктов.

—Берите, ешьте...

Не ела только Ляна — она ушла в дом и вскоре появилась с чайником в одной руке и с жестяной тарелкой в другой.

—Прошу вас, угощайтесь.— Она поставила перед колхозницей тарелку с красиво выложенными на ней тоненькими ломтиками хлеба.

Женщина изумленно вскинула глаза на Ляну: хлеб давали по карточкам, помалу, хлеба едва-едва хватало, чтобы не забыть его вкус, а тут вдруг девочка ставит перед ней полную тарелку. Что это? Легкомыслие? Или щедрость и доброта?

Женщина, не зная, что сказать, молчала, потом ласково отказалась:

—Спасибо, доченька, я пойду, пожалуй.

—Нет, нет, попейте чайку с хлебом,— настаивала Ляна.

Дети перестали есть и смотрели во все глаза на Ляну и на женщину. Только Леся торопливо запихивала себе в рот урюк.

Ляна сердито сдвинула брови, взглянула на детей — они, как по команде, отвернулись.

—А где остальные? — спросила гостя, принимая из рук Ляны пиалу с чаем.

—Старший на работе, остальные в школе... Вы хлеб берите, не пейте пустой чай.

—Возьмите, хола,— вдруг вмешался Абрам. Он взял с тарелки кусок хлеба и подал его женщине.— Это моя порция, а я уже наелся урюком.— Он старался не глядеть на тарелку.

Женщина взяла у Абрама хлеб и положила перед собой.

—Ешьте, пожалуйста, и мой тоже,— неуверенно, точно сомневаясь в правильности своего поступка, сказал Саша.

—Возьмите, и я уже наелся.— Леша сейчас же подвинул гостю еще один кусок.

Женщине же вдруг вспомнилось и, как острие кинжала, пронзило мозг старинное присловье: «Сиротский кусок обречет на несчастье весь род до седьмого колена...» Комок подступил к горлу, она торопливо отхлебнула чаю и сразу же почувствовала, что он приготовлен из жженных яблок. Ей хотелось быстрее уйти, но она поперхнулась и закашлялась. Тут подошли Леся и Галя и церемонно положили перед гостей свое угощение — очищенные ядрышки урюка... Любезность маленьких девочек растрогала ее еще сильнее. Чтобы не обидеть их, женщина взяла несколько ядрышек, но вдруг вскочила, спустилась с айвана и, не попрощавшись, быстро скрылась за калиткой. Дети не

успели ничего сообразить, как незнакомка уже вернулась с узлом в руке, подошла к айвану и развязала его. В узле тоже были сушеный урюк и яблоки.

— Возьмите, и это вам. До свидания, будьте здоровы, — торопливо промолвила женщина и ушла.

Лицо ее пылало, и Ляне показалось, что последние слова она произнесла сквозь слезы.

Дети вышли на улицу и увидели, как от их дома отъехала маленькая арба, запряженная ослом, на которой, обнявшись с девочкой, сидела странная незнакомка.

Они провожали ее взглядом, пока арба не свернула на большую улицу. Вернувшись во двор, все опять набросились на урюк.

Через минуту со всех сторон послышался стук — это дети кололи косточки урюка.

Ляна вымыла в медном тазике сушеные фрукты, налила воду, развела огонь.

— Это что будет? — заинтересовался необычными приготовлениями Саша.

— Компот.

— Здорово! Компот будем пить! — радостно закричал мальчик.

— Это не нам.

— Не нам?.. Это маме, да? — Саша мужественно пытался скрыть разочарование.

— Да, Саша, ты сиди здесь, подкладывай в очаг листья, а я пойду стирать, — попросила Ляна, вспомнив про полный таз белья.

Выжимая белье, Ляна не сразу заметила, что во двор вошла незнакомая молодая женщина. Вошла и остановилась в двух шагах от калитки. Она была очень красива, ярко крашена и нарядно одета: легкое голубое пальто, тяжелые серьги из бирюзы, туфли на высоком каблуке, золотые часы на запястье. Волосы, изящно стянутые узлом на затылке, покрывал белоснежный шерстяной шарф. С тех пор как началась война, Ляна не встречала таких нарядных, ухоженных женщин. «Наверное, артистка», — подумала девочка, восторженно смотря на женщину. Та помолчала, тревожно оглядывая двор, и наконец спросила:

— Это дом кузнеца, усыновившего детей?

— Да, — сказала Ляна, приветливо улыбаясь. — Кого вам, тетя?

— Дочку мою, Дзидру...

—Дзидру! — воскликнула Ляна.— Вы ее мама?

Ляна хотела было броситься к женщине и обнять ее, но та чуть подалась назад, и, заметив это движение, Ляна устыдилась. «Не твоя же мама, глупая!» — мысленно укорила она себя.

—Где Дзидра? — срывающимся от волнения голосом спросила женщина.

—В школе,— хрипло ответила Ляна. У нее тоже перехватило дыхание.

Дети побросали свои дела и окружили неожиданную гостью.

—В школе? Она уже учится? — почему-то растерялась женщина.

—Во втором классе,— сообщил Абрам.

—Не может быть... А где ее школа?

—Недалеко. Я пойду позову ее, а вы посидите,— с готовностью предложила Ляна.

Женщина кивнула и устало присела на ступеньку айвана.

Ляна мчалась как птица. Увидев издали, как дети бегают по школьному двору, она обрадовалась: значит, перемена. Дзидру Ляна застала за игрой в классики.

—Дзидра! Твоя мама! — запыхавшись, выпалила она и больше не могла ничего сказать.

—Что с мамой? — испугалась Дзидра.

—Ой, глупенькая ты! Твоя мама,— отдышавшись, уже спокойнее сказала Ляна.

—Моя мама? Что мама? — Дзидра широко открыла большие серые глаза, ничего не понимая.

—Мама твоя пришла, идем.

Дзидра не шевельнулась, только побледнела.

—Идем же, я ведь не шучу: пришла твоя родная мама. Что ты стоишь?

—Моя мама? — Дзидра точно очнулась. Лицо ее покрылось румянцем, она бросилась Ляне на шею и стала целовать ее в щеки, в нос, в лоб, а затем бросилась на улицу.

—Мамочка! Мамочка! — приговаривала на бегу Дзидра. Ее светлые, коротко стриженные волосы, растрепавшись, упали на глаза.

Ляна мчалась за Дзидрой, но не могла догнать ее.

На пороге Дзидра споткнулась и так, наклонившись вперед, балансируя руками, влетела во двор с криком: «Мама, мамочка!» Следом за ней вбежала и запыхавшаяся Ляна. Женщина, державшая на

коленях Марику, выпрямилась, встала, но ничего не сказала и только, удивленно приподняв брови, рассматривала обеих девочек.

— Да вот же Дзидра! — в отчаянии закричала Ляна, уже все поняв.

Женщина вздрогнула, по щекам у нее побежали слезы. Закрыв лицо руками, навзрыд плакала Дзидра.

Она плакала горько и безутешно, дети обступили ее плотным кольцом, но даже не смели утешать, лишь Ляна гладила сестренку по голове.

Женщина протянула руки, будто хотела взять ребенка, но потом, спохватившись, отдернула их, резко повернулась и почти бегом направилась к калитке, бормоча на ходу:

— Простите... я думала, моя Дзидра здесь...

Дзидра не могла успокоиться. Ее горе тяжело переживали все дети. Они стояли в горестном молчании, опустив головы, как маленькие старички.

Гнетущую тишину нарушил громкий голос Сарсанбая. Мальчики возвращались из школы. Сарсанбай шел впереди, размахивая палкой, и кричал на всю улицу:

— Ляна, когда пойдем к маме?

— Ты ведь ходил вчера, — тихо ответила Ляна, устало проводя ладонью по лбу.

— И сегодня пойду, я получил пятерку. Мама обрадуется, когда услышит! — уверенно заявил Сарсанбай, весело стукнув палкой по ступеньке айвана.

Ляна ничего не ответила. Она обняла Дзидру и повела ее в комнату.

Главного врача больницы Джалала Алиевича, знаменитого доктора Аманова, немолодого, худощавого человека с козлиной бородкой, знал весь город. Дети Мехринисы теперь тоже приветливо ему улыбались, а знакомым хвастались: «Маму лечит сам доктор Аманов».

Больница была переполнена. Койки стояли вплотную друг к другу не только в палатах, но и в коридорах, на террасах, а на улице, в саду, раскинулись палатки, где тоже разместились больные. Сначала Мехринису положили в коридоре.

Всю ночь она металась — жар не уменьшался, и до утра рядом с ней просидела Захира. В полдень пришли Кадырходжа и его жена. Осмотревшись, Кадырходжа направился прямо к главврачу, и вскоре у

постели Мехринисы появился сам доктор Аманов, распорядившийся перевести больную из коридора в свой кабинет.

— Не смущайтесь, мать, — добродушно сказал доктор, собирая со стола бумаги, — больных много, мест не хватает... Вчера я не знал, кто вы. А сегодня, — подмигнув, он кивнул на Кадырходжу, — пришел вот этот начальник...

— Значит, боишься начальников? — усмехнулся Кадырходжа.

— Еще как боюсь! — Доктор смешно вытаращил глаза и поднял руки.

Все рассмеялись. Даже на лице Мехринисы на миг блеснула слабая улыбка.

Доктор внезапно посерьезнел.

— На свете нет человека, которого я боялся бы. Боюсь другого — обидеть кого-нибудь, потерять уважение людей.

— Знаю, не первый же раз тебя вижу. О, если бы все были такими, как ты!

— Не хвали меня, не хвали! К тому же хороших людей на свете много, — перебил Кадырходжу доктор Аманов. — Вот мать, — он указал на Мехринису, — вот олицетворение благородства. Я-то считал себя исцелителем... Мы лечим только лекарствами, ножом, а мать врачует своих детей теплом сердца, жаром любви. Целебнее этого нет средства на свете.

Вот уже пять дней Мехриниса лежит в кабинете главного врача. Теперь ей лучше: температура нормальная, легче дышать и разговаривать. Ночью уже никто не дежурит около Мехринисы. Зато днем комната не пустует. Кто только не перебивал здесь!

Навещали ее и близкие соседи, и малознакомые жители махалли. Приходили Икбал-сатанг с Арифом-ата, Захида с невесткой, Кандалат-биби, Светлана, ежедневно появлялась Карамат, обвязанная шерстяным платком (ее мучил радикулит).

Не забывали Мехринису и друзья Махкама-ака. С шутками и прибаутками приходил Сали-уста, а Исмаилджан бывал почти каждый день, приводил с собой жену и старенькую мать. Вчера, неизвестно откуда проведав, что Мехриниса больна, появился вдруг Иван Тимофеевич с двумя усыновленными детьми.

— Невестушка, это исцеляет от всех недугов, если в чай положить. — Иван Тимофеевич протянул Мехринисе стакан малинового варенья.

Обычно врачи ограничивают посещение больных, опасаясь, что

последние переутомятся. Доктор Аманов придерживался другого мнения. Замечая, как благотворно действуют на Мехринису визиты друзей и знакомых, он говорил ей:

—Ничего, мать, пусть приходят, поговорите вдоволь, но смотрите: о болезни ни слова! Все, что касается болезни, предоставьте нам, врачам...

Мехринисе тоже казалось, что от свиданий, от человеческого тепла ей становилось легче.

После обеда в палату вошли две незнакомые женщины. Их сопровождал сам доктор.

—Вот, мать, еще гости. Ахунбабаев прислал. Какой внимательный человек наш Аксакал, занят по горло, а не забыл о вас, мать. Ну, ну, проходите, доченьки, садитесь вот здесь.— Доктор Аманов взял у одной женщины сверток, положил его на стол, а ее усадил на диван; рядом присела и другая гостья.— Поговорите, поговорите.— Доктор еще раз улыбнулся и вышел.

Женщины пришли ненадолго. Они сказали, что Ахунбабаев, уезжая в Фергану, поручил им навестить Мехринису, просил передать ей привет. Перед уходом они поинтересовались, было ли что-нибудь от Махкама-ака.

—Нет, наверное, он еще не добрался до места,— грустно ответила Мехриниса...

Женщины многозначительно переглянулись и, попрощавшись, ушли. Вскоре появился доктор Аманов. Он радостно потирал руки и поглядывал на Мехринису.

—Я передал Аксакалу, матушка, что сам лечу вас. Аксакал будет доволен.

—Он вас знает?

—Знает, мать! Мы встречались на строительстве канала. Он замечательный человек. Ну, надо же, прислал людей навестить вас...

Чуть приоткрылась дверь, и показалась расплывшаяся в улыбке мордашка Сарсанбая.

—Можно войти?

Доктор быстро оглянулся.

—Вот и наш бай пришел: баю-бай, Сарсанбай! — Он широко распахнул дверь.— Ого, пожалуйста, пожалуйста...

Вслед за Сарсанбаем вошли Ляна, Дзидра, Саша, Леша, Галя, Леся, Абрам. В комнате сразу стало тесно.

—Садитесь-ка вот сюда на диван... Хорошие вы мои, сладкие вы

мои, карапузы вы мои... Вот и молодцы, вот и молодцы. А где же ласточка? — Так доктор Аманов называл Марику, утверждая, что брови у нее точь-в-точь как крылья у ласточки.

—Спала, не стала будить ее,— объяснила Ляна, улыбаясь.

—Ну, как вы там поживаете? Как ваши корова-теленки, котлы-миски, ножи-ложки, скандалы-озорство? — спрашивал доктор Аманов.

Дети дружно рассмеялись. И сразу исчезла скованность, стало шумно, как в детском саду. Мехриниса переводила взгляд с одного на другого и с радостью отмечала про себя, что вроде никто не похудел и одежда на всех чистая.

Внезапно кто-то кашлянул, чтобы обратить на себя внимание. Все оглянулись: в дверях стояли Иван Тимофеевич, его жена — «тетя Ольга», как звали ее в семье Мехринисы. Из-за плеча отца выглядывала Надежда — их дочь, которую они уже отчаялись увидеть. Надежда нашлась совсем недавно. В полусгоревшем вагоне она едва-едва добралась до Ташкента — голодная, оборванная, ничего не знающая о своих...

Доктор Аманов, приплясывавший посередине комнаты вместе с детьми, смутился, отошел в сторону. Мехриниса только приподнялась на подушках, собираясь пригласить гостей присесть, как вдруг Надежда рванулась вперед и сдавленным, каким-то чужим голосом крикнула:

—Аллочка!

В следующую секунду она пошатнулась и рухнула на руки вовремя подоспевшему доктору.

—Позови медсестру,— быстро сказал доктор Ляне, укладывая женщину на диван.

Ляна выскочила в коридор и тотчас же вернулась с медсестрой. Доктор что-то произнес по-латыни, сестра смочила лекарством ватку и поднесла ее к лицу Надежды, потом ловко закатала рукав ее платья и вонзила шприц в руку.

—Надюша, доченька, открой глаза. Что с тобой? — запричитала тетя Ольга.

Испуганная Мехриниса, откинувшись на подушку, смотрела, ничего не понимая.

Надежда очнулась и попыталась встать. И тут Галя, неизвестно как вынырнувшая из-за спин взрослых, бросилась к дивану. Девочка удивленными глазами смотрела на лежащую на диване женщину.

—Аллочка! — уже обессиленно, тихо повторила Надежда.

—Мама! — С пронзительным криком Галя упала ей на грудь.

Надежда иступленно целовала Галю, а девочка то крепко обнимала мать за шею, то откидывала голову, вглядывалась в ее лицо и все твердила:

—Мама, мамочка!

В душе Дзидры еще свежа была рана, нанесенная приходом незнакомой женщины. Она не могла оторвать глаз от Надежды и Гали.

—Слава аллаху! — сказала Мехриниса и глубоко вздохнула.— Я рада за мою деточку.

Надежда почувствовала безмерную благодарность к этой больной женщине, приютившей ее девочку.

—Ну, доченька, ну, моя курносая,— обнял Галю доктор Аманов.— Вот так, сразу две мамы у тебя,— стараясь быть веселым, говорил он,— а у меня нет ни одной.— Он сморщился, как бы сдерживая слезы, сделал обиженный вид.— Как же теперь будет, может, ты отдашь мне одну маму?

—Нет! — воскликнула Галя в отчаянии.— Обе они мои!

—Пусть обе мамы будут твоими, доченька, ты права, умница! Теперь у тебя две мамы и два имени: Галочка и Аллочка.

—Это отец называл ее Аллочкой,— объяснила Надежда и тяжело вздохнула: от мужа по-прежнему не было никаких известий.

Тетя Ольга повернулась к Мехринисе и, приветливо ей улыбаясь, сказала:

—Мы с вами знакомы недавно, но уже подружились, а теперь судьба нас даже породнила.— Она выпрямилась на стуле и крепко жала руку насторожившейся дочери.— Сейчас пусть Галочка останется у Мехринисы, пусть помогает ей выздороветь, а потом сама решит, где будет жить: в том доме или в нашем.

Иван Тимофеевич кивнул, с одобрением глядя на жену.

—В каком это «нашем»? — тихо спросила Галя.

—Со своей мамой Надеждой, со мной...— объяснила тетя Ольга.

—Что ты решишь, Галя? — тревожно спросила Ляна, шагнув к сестренке.

—Ничего, доченька, ничего, разберешься.— Тетя Ольга гладила Галю по голове.— Сама-то ты жива-здоровая — вот что главное, а что у тебя теперь две мамы — это даже хорошо.

—Если ты уйдешь к своей родной маме, Галочка, я не обижусь. Будешь помнить меня — и достаточно,— тихо проговорила Мехриниса.

Через некоторое время родители увели Надежду, уговорив ее забрать Галю после выздоровления Мехринисы.

Глава двадцать шестая

Самолет сел в кромешной мгле. Шел холодный дождь вперемежку со снегом, задувал порывистый ветер.

Махкам-ака не ожидал, что родной Ташкент встретит его такой непогодой. Он появился на трапе в незастегнутой шинели, в шапке с поднятыми ушами. В первое же мгновение, едва только кузнец ступил на шаткую железную лесенку, ушанку чуть не сорвало у него с головы, вещевой мешок запутался в полах шинели, поднятых ветром. Махкам-ака с трудом нахлобучил шапку, но справиться с шинелью не мог. Похоже, здесь было холоднее, чем несколько часов назад в зимнем Куйбышеве.

Спустившись на землю, Махкам-ака застегнул крючки шинели, негнуцимися пальцами завязал шапку. Тем временем его спутники разошлись. Кузнецу показалось, что он остался один под громадным самолетом. Вокруг лежала пустыня, и только где-то вдали тускло светились, словно аккуратно нанизанные на нить, зеленые и красные огоньки. Подгоняемый ветром, Махкам-ака пошел туда, где было меньше огня, рассудив, что взлетная полоса тогда останется за спиной и, значит, где-то впереди должна быть проезжая дорога. Он думал о доме, счастливо улыбался оттого, что уже совсем скоро обнимет жену, услышит веселое щебетание детей...

«Как странно,— думал кузнец,— я опять в родном городе. Я дышу его воздухом, я совсем близко от своего дома».

Махкаму-ака все еще казалось чудом, что оттуда, куда он добирался в эшелоне двенадцать дней, самолет примчал его за несколько часов.

Махкаму-ака объяснили, что его возвращают в Ташкент по просьбе самого Аксакала. Чувство неловкости, смешанное с огромной благодарностью к Ахунбабаеву, не покидало кузнеца с этой минуты. Зная, как занят Аксакал, Махкам-ака гордился тем, что в круговороте важных государственных дел он не забыл о простом кузнеце и его большой семье.

Поднявшись на борт самолета, Махкам-ака еще сильнее сконфузился, увидев, что в креслах сидят озабоченные, усталые

офицеры с толстыми портфелями.

В такое важное общество Махкам-ака еще никогда не попадал. «Ну и Аксакал! Поразительный человек Аксакал!» — не переставал повторять про себя кузнец во время полета.

До города Махкам-ака доехал на попутной машине. Все то же... Да и странно было бы, если бы что-нибудь изменилось в мирном городе за двенадцать дней. Знакомая площадь была пуста, только на трамвайной остановке, на скамейке, съезжившись от холода, несколько человек ждали первого трамвая. Махкам-ака подошел к ним и тоже присел на краешек мокрой скамьи.

Подняв воротник, кузнец зарылся в него лицом, собираясь вздремнуть.

—Амаки, а трамвай во сколько пойдет? — спросил вдруг кто-то совсем рядом.

—Скоро пойдет,— ответил Махкам-ака, и голос того, кто спрашивал, показался ему знакомым.

Он оглянулся. За скамейкой, опершись на костыли, стоял Батыр. Непроизвольно взгляд Махкама-ака скользнул вниз, к ногам юноши. На одной ноге штанина ниже колена болталась свободно. Махкам-ака вскрикнул: «Батыр!» —и бросился к сыну.

Потом трясущимися от волнения руками Махкам-ака пытался снять со спины сына вещевой мешок. Пальцы никак не могли схватить лямки...

Наконец появился первый трамвай. Отец и сын сели в вагон.

Мехриниса не стала убирать посуду после завтрака, а вслед за Батыром быстро прошла в комнату. Сейчас было самое время поговорить с сыном; муж ушел на работу, дети разбежались кто куда, посторонних тоже не было. Лишь бы только никто не помешал. Мехриниса прикрыла за собой; дверь и минутку постояла, любуясь сыном.

Батыр одевался, собираясь уходить. Он понял, зачем пришла и так решительно встала на пороге мать. Батыр упорно избегал этого разговора. Поговорить с матерью резко, попросить ее не вмешиваться в его личные дела он не мог: боялся обидеть. Но при мысли согласиться на предложение матери, его охватывал ужас. Перед глазами тотчас появлялась грустная Салтанат, перебирающая на груди бусы.

Батыр сделал над собой усилие и, скрывая раздражение, спокойно спросил:

—Что, ойи?

—Что ж ты так мучаешь меня? — горько сказала мать.

Батыр рассмеялся.

—Еще смеется...— Мехриниса укоризненно покачала головой, сердясь на сына.

—Ойиджан, сказать вам правду? Что мне делать, если ни одна из тех девушек, о которых вы говорили, мне не по душе?

—Тогда найди сам такую, которая была бы по душе,— не отставала мать, умоляюще глядя на Батыра.

—Вы же все время меня торопите,— смиренно возразил Батыр.

—Сколько можно выбирать! Скоро три месяца, как ты вернулся. Стыдно мне. Одни говорят так, другие эдак...— Мехриниса чуть не заплакала, вспомнив дошедшие до нее слухи о том, что Батыра она не женит, потому что он ей не родной.

«Был бы свой — позаботилась бы, давно бы женила»,— болтали злые языки.

Батыр привел в доказательство своей правоты самый веский, как ему казалось, аргумент:

—Не дело думать о женитьбе сейчас, когда идет война. Мои сверстники сражаются, утопая в крови, а я...

—Ты тоже сражался, утопая в крови, сынок.— Мать бросила взгляд на пустую штанину сына.

Батыр умолк. Стало жалко Мехринису — она ведь действительно хотела ему добра.

Батыр обнял мать и, касаясь губами ее уха, прошептал:

—Я женюсь, когда найду девушку по душе.

—Ну, ладно,— сдалась Мехриниса,— я тебя и не уговариваю жениться на первой встречной, но надо искать. Искать,— по слогам произнесла она.— Ведь девушка сама не спросит: «Я тебе нравлюсь?» Я тоже схожу сегодня в один дом. Там есть девушка. Все ее хвалят.

—А кто она? — равнодушно спросил Батыр просто для того, чтобы поддержать разговор.

—Дочь врача, который меня лечил. Сама тоже пошла по медицинской части... Медсестра.

Батыр молчал. Черные тени легли у него под глазами, точно он устал от этого разговора.

—Ох...— Мехриниса присела на курпачу.— Почему ты такой нерешительный, а?

—Ну, сходите посмотрите,— махнул рукой Батыр.

—Пойду. Сердце мое чувствует — придется она тебе по душе. А потом, Батырджан, сынок, нехорошо, что ты так часто бываешь на кладбище.

Батыр вздрогнул. Посмотрел в глаза матери. Расстегнул воротник гимнастерки.

—Ну, ну...— Он запинался, не зная, что сказать.— Память о матери... навещаю...

—Очень хорошо, что ты радуешь дух покойной сестры. Но ведь те, кто видят, говорят и другое.

—А что в этом плохого? Верно, я навещаю и могилу Салтанат...

—Неплохо, конечно, но все же... Один раз навестил, и достаточно. Говорят, ты ходишь туда часто. Говорят, на могиле все время появляются цветы. Разговоры эти дошли до Кандалат-биби, не поверила она, сама пошла и увидела. Это разбередило ее рану...

—Она обиделась? — заволновался Батыр.

—Да нет, на что обижаться? Не то совсем... Кандалат- биби только-только начала забывать свое горе. Ей ведь очень тяжело, сынок. Недавно она опять заходила...

—И что сказала?

—Просто плакала... «Не суждено было, что ж поделаешь»,— несколько раз повторила бедняжка.

«Да... значит, и мать уже свыклась с тем, что дочери нет в живых... Один я не могу в это поверить!» — чуть было не вырвалось у Батыра. Нервничая, он прошелся по комнате и остановился перед Мехринисой.

—Ойиджан! Теперь вам, наверное, понятно все. Что мне делать, если ни одну из тех девушек, с которыми вы меня знакомили, я не могу сравнить с Салтанат? Ну, скажите сами! Салтанат погубила себя из-за меня, только из-за меня!

—Неужели же ты должен теперь всю жизнь мучиться в одиночестве? — в отчаянии воскликнула Мехриниса.

—Это было бы самое правильное,— глядя в сторону, твердо произнес Батыр.

—Эй, эй, раскайся, задумай доброе, сынок. Вот я потому и говорю: не ходи часто на кладбище. Икбал-сатанг и так распространяет слухи, что теперь ты из любви к Салтанат дал обет безбрачия.

—Не говорите мне про вашу Икбал,— с неожиданной злобой

отвечал Батыр.— Как увижу, хочется задушить ее, подлую..

—Ты с ней не связывайся. Это не такая женщина, чтобы ее можно было одолеть,— предупредила Мехриниса и испуганно посмотрела на дверь, точно боялась, что Икбал-сатанг уже стоит на пороге.

—Знайте, мама, что если даже когда-нибудь я женюсь, то невесте заранее поставлю одно неперемное условие.

—Какое условие?

—Чувства к Салтанат, память о ней я буду хранить до конца жизни.

—Опомнись, сынок! Разве можно, чтобы девушка, собирающаяся стать женой, услышала от жениха нечто подобное! — всплеснула руками Мехриниса.

—Пусть лучше заранее услышит,— стоял на своем Батыр.

Мехринису охватила тревога. В глубине души ее восхищала такая цельность характера, но от жалости к Батыру сжималось сердце.

—Сынок, еще раз подумай обо всем хорошенько. Обещаешь?

—Обещаю,— чтобы успокоить мать, согласился Батыр.

Мехриниса не уходила. Она неслышно двигалась по комнате, вытирая пыль и поглядывая на сына.

—Ой,— сказал Батыр спустя некоторое время,— а тетя Ксения была права. «Каждой матери хочется женить сына, устроить его счастье,— говорила она.— Вот приедешь, мать начнет готовиться к твоей свадьбе».

—Женщина всегда поймет женщину,— улыбнулась Мехриниса.— Эй, Батыр, приедет ли она, если пригласим на твою свадьбу?

—Шутить-то она всегда шутила: «Пригласи меня на свою свадьбу». А так... Не знаю.

—Пригласим. Пусть приезжает. Сначала аллах, а затем твоя тетя Ксения помогли тебе остаться в живых.

—Правда... Если бы не она... Не только мне — всем нам семерым не подняться бы без нее.— Батыр задумался, вспоминая тяжелые дни.— Тетя Ксения потом всегда смеялась: «Будь у меня дочь, никуда бы я тебя не отпустила. Если бы захотел уехать, привязала бы, все равно увела б в зятья».

—Сразу видно — хорошая она женщина.

Глава двадцать седьмая

Солнце уже заливало светом все вокруг, а Батыр и Коля еще спали. «Сегодня выходной, пусть полежат»,— подумала Мехриниса, но, заваривая чай, вдруг встревожилась: «Не угорели ли они, спаси аллах! Поставив чайник на самовар, Мехриниса вошла в комнату. Братья спали таким сладким сном, что будить их не хотелось. Мехриниса прикрыла дверь, чтобы приглушить доносившиеся со двора детские голоса.

Батыр с первого же дня сдружился с Колей. Все свободное время они проводили вместе, перешептывались, заливались смехом, засиживались допоздна. Сейчас братья спали, крепко прижавшись друг к другу, точно им не хватало места на широкой постели. «Надо же так мучиться! — смеялась про себя Мехриниса.— Чем тесниться, лучше бы один из вас устроился с другой стороны сандала!» Братья спали вдвоем на одной подушке. Колина голова сползла вниз. Одну руку он подsunул брату под голову и, лежа на спине, тихо дышал. Батыр спал на боку, повернувшись лицом к Коле, и мерно посапывал. Глядя на них, Мехриниса улыбалась от радости. Даже родные братья, наверное, так не привязываются друг к другу. Что было бы, если б они невзлюбили друг друга? Когда Коля говорит Батыру «ака», у него с уст капает мед, а Батыр не может съесть и одной изюминки, не поделившись с Колей..

Махкам-ака еще до рассвета ушел в свою кузницу и так увлекся работой, что забыл о завтраке. Пришлось посылать за ним Остапа.

Семья редко собиралась за дастарханом в полном составе. Чаще всего отсутствовали Махкам-ака и Коля, работавшие посменно. У Батыра были неопределенные часы работы. Утром он уходил поздно и часто возвращался ночью.

Махкам-ака, войдя в комнату, сразу заметил, что за дастарханом нет старших сыновей.

— Не стала будить, пусть выспятся, потом позавтракают,— сказала Мехриниса.

Кузнецу хотелось разбудить ребят, но он послушался жену. Сегодня была Сашина очередь сидеть рядом с Махкамом- ака. Кузнец опустил на курпачу, с нетерпением поглядывая на дверь и втайне надеясь, что Батыр и Коля вот-вот появятся. Думая об этом, забыл о Саше. Увидев, что отец не обращает на него внимания, Саша горько заплакал.

— Ой, запомятовал я, сынок, ну-ка, ну-ка... Пришел бы сам и сел,— пытался утешить мальчика Махкам-ака, усаживая его на колени.

Дети завели шумный и оживленный разговор. Чем громче они шумели и щебетали, тем больше радовался Махкам-ака. У Мехринисы

терпения было меньше, однако, чтобы не огорчать мужа, она тоже не вмешивалась. Проследив, чтобы каждый наелся, Мехриниса начала убирать самовар. Махкам-ака остался с детьми.

Марика забралась на колени к Махкаму-ака. Леся обняла отца за шею, теребила его бороду, твердила:

—Дадам, узимнинг дадам⁶⁹.

Саша и Леша подкрались сзади и, вцепившись одновременно кузнецу в плечи, повалили его. Абрам не растерялся и тут же оседлал отца:

—Покатайте на верблюде, ну, покатайте.

Махкам-ака, тяжело дыша, пополз по полу, заливаясь довольным смехом. Мехриниса наконец не выдержала:

—Эй, прекратите немедленно! Если будете приставать, он опять уедет! — крикнула она.

—Правда, дада? — испугалась Леся.

—Куда же он уедет? Скажи: «Никуда не уедет, останется с нами», — улыбнулся Махкам-ака, подхватывая на руки Марику.

Воспользовавшись некоторым затишьем, Витя и Сарсанбай, обменявшись таинственными взглядами, пробрались поближе к отцу.

—Дада, пойдем в кино,— хитро сощурился и без того узенькие глазенки, предложил Сарсанбай.

—Очень хороший фильм,— торопливо поддержал брата Витя.

—Что за фильм? — Махкам-ака опустил девочку на пол.

—«Чапаев»! — закричали почти все в один голос. — Разве вы не видели? — удивился кузнец.

—Посмотрим еще раз, дада.

Махкам-ака стал обшаривать карманы пиджака, достал деньги. Сосчитал. Затем сосчитал детей.

—А ведь не хватает на всех.

Дети умолкли, помрачнели, ожидая решения отца.

—Сарсанбай, Остап, Ляна, вы пойдете в следующий раз, ладно? Остальные сегодня... Вот все деньги, что у меня есть. Казначеем назначаю Витю.

Счастливики, которым предстоял поход в кино, окружили Витю. Разочарованный Сарсанбай нахмурился и отошел в сторону.

Остапу стало жаль Сарсанбая, он обнял брата.

---

⁶⁹ Папа, мой папа.

—Папа же тебе сказал — пойдешь в следующий раз.

Мехриниса упрекнула мужа:

—Что за привычка у вас! Очень нужно прямо сейчас идти в кино! Если им поддакивать, они вам на шею сядут!

—Ладно, оставь их, пусть! — отмахнулся Махкам-ака и решительно направился будить Батыра и Колю. Не открывая двери, он с силой постучал в нее кулаком: — Ну, вставайте, лежебоки!

В комнате зашевелились.

Махкам-ака спустился во двор и пошел в кузницу.

Коля проснулся уже давно. На глаза ему попала толстая пачка писем. Зная, что брат от него ничего не скрывает, Коля начал читать письма. Это были письма самого Батыра, которые он не смог отослать, и письма Салтанат, полученные Батыром на фронте.

Батыр проснулся от стука Махкама-ака. Коля же не обратил на этот стук никакого внимания. Он был увлечен чтением писем. Батыр следил за ним и удивлялся, как переживает Коля, читая их. Братишка то сжимал губы, то ласково улыбался, то сдвигал брови, и при этом трепетала каждая ресничка, каждая веснушка.

В комнату решительно вошла Мехриниса.

—Ну, хватит нежиться. Вставайте. Пейте чай. А то у меня дел по горло.

После завтрака Коля отправился на базар. Возвращаясь домой, у калитки он столкнулся с Кадырходжой.

—Ассалому алейкум, амаки.

—Ассалейкум салям, сынок.

Услышав голоса, из кухни вышла Мехриниса, искренне радуясь гостю.

—Как жива-здорова Этиборхон? Как дети? Есть ли письма от Мутабар?

—О, у нас большая радость! Я тоже стал дедушкой, янга. Дочь родила нам внука,— с гордостью сообщил Кадырходжа.

—Поздравляю вас! Когда?

—Три дня назад получили известие.— Кадырходжа смотрел на Мехринису и Колю с выражением неподдельного счастья.

Из кузницы торопливо вышел Махкам-ака.

—А, это вы! О каком внуке тут говорят?..

—Мутабар разрешилась,— опередила гостя Мехриниса.

—Ого, вот приятная весть! Что, дочь приехала в Ташкент? —

поинтересовался кузнец.

— Да нет. Она до сих пор в Куйбышеве.

— Вот как? Знал бы — мог бы зайти, повидаться. А муж- то с ней сейчас?

— Приехал на побывку. Ну, а у вас как дела? Говорят, уже готовитесь к свадьбе сына? Можно поздравить?

— Пока рано поздравлять. Еще не было помолвки,— не вдаваясь в подробности, ответила Мехриниса.

Но Кадырходжу не устроил уклончивый ответ.

— Почему?

— Жених упрямый,— с улыбкой ответил Махкам-ака.

— Батыр-то ее видел? Может, не нравится?

— Видел, кажется, да, Мехри? — Махкам-ака повернулся к жене.

Мехриниса поспешно закивала в ответ.

— Значит, парень просто смущается. Согласится, конечно, куда же он денется.

Кадырходжа заметил, что супруги чувствуют себя неловко при этом разговоре, и, чтобы переменить тему, позвал Колю, прошептал мальчику что-то на ухо. Коля в ответ улыбнулся и выбежал на улицу.

— Что ж мы стоим? Проходите.— Махкам-ака пригласил гостя пройти на айван. Кадырходжа отказался:

— Не буду вас отвлекать от работы, да я и сам занят по горло. Лучше зайдем на минутку в кузницу.

— Работа не убежит, давайте выпьем чаю,— настаивал кузнец. Но Кадырходжа не сдавался:

— Уста, я скучаю по кузнице.

«Видно, хочет о чем-то поговорить»,— догадался Махкам-ака.

В этот момент во дворе появился Коля с мешком в руке.

Махкам-ака и Мехриниса с удивлением посмотрели на Кадырходжу.

— Вот все, янга, что мы смогли... Остальное за нами...— объяснил Кадырходжа, передавая мешок Мехринисе.

— Ой, ведь еще ничего и не известно. Зачем же вы? И так много...— Мехриниса покраснела от стыда, сообразив, что Кадырходжа принес свадебный подарок Батыру.

Махкам-ака пришел ей на помощь.

— Раз туяна⁷⁰ есть, значит, и свадьба состоится. Принимай,

---

⁷⁰ Туяна — свадебный подарок.

принимай, жена. Кто знает, может, и нам скоро, как Кадырходже, подарят внука...

— Да ну вас с вашими шутками! — рассердилась на мужа Мехриниса.

— Вы не ругайтесь, сначала откройте, посмотрите, стоящий подарок или нет. Внимательно смотрите, как бы не было в мешке металлолома! — расхохотался Кадырходжа.

— Вот чему я бы очень был рад. Сейчас мне металл дороже всего, — серьезно заметил Махкам-ака и, взяв под руку гостя, направился в кузницу.

Мехриниса принялась готовить угощение. Поставив на поднос кое-какие лакомства, чайник с чаем и две пиалы, она попросила Колю отнести это мужчинам.

Кадырходжа, переступив порог кузницы, с удовольствием ощутил знакомый едкий запах дыма, запах раскаленного железа, шлака, лежавшего грудой справа от печки, угля в горне, сажи, приставшей толстым слоем к стенкам борова. Кадырходжа наслаждался привычной картиной и, довольный, сел на старенькую, обгоревшую табуретку.

— Ну, уста, хватит, сколько можно, — взял он сразу быка за рога. — Закрывайте кузницу, идемте со мной на завод.

— Опять за старое? Я-то думал, что-нибудь важное! Сказал же, если буду жив-здоров, научу еще и детей кузнечному ремеслу. Коля вот уже взялся за работу, и неплохо идут у него дела. — Махкам-ака ласково взглянул на сына, стоявшего на пороге с подносом в руках.

— Дада, вот мама прислала, а я пойду...

— Да, иди, сынок, иди.

— Этот мальчик вырастет надежной опорой для вас. — Кадырходжа проводил Колю взглядом и затянулся папиросой. — Ну а насчет завода как? Окончательно?

— Окончательно и бесповоротно! Я не могу уйти и оставить своих товарищей! — твердо ответил Махкам-ака. Чувствовалось, однако, что он волновался: правой рукой кузнец нервно пощипывал бородку.

— Что ж, уста, я могу только просить вас, а не приказывать. Ну, теперь перейдем к основному. Вам предстоит поездка в Москву.

— В Москву?! — Изумленный кузнец застыл, не сводя глаз с гостя.

— В Москву.

— Зачем? Что-нибудь случилось? — забеспокоился кузнец, перебирая в памяти все последние заказы.

—Все хорошо, вот потому и поедете. Поедете, чтобы потребовать порядка во всем мире.

—Не понял.

—В Москве открывается большой форум борцов с фашизмом. Вас выбрали представителем на этот форум.

—Меня одного? — испугался Махкам-ака.

—Нет. Поедут и другие. Наверное, и я поеду. И Иван Тимофеевич тоже. В горькоме партии мне поручили известить вас об этом.

Чего-чего, а такого Махкам-ака никак не ожидал. После долгой паузы, справившись с волнением, кузнец спросил:

—Когда ехать?

—Точный день пока неизвестен, но скоро.

—Сосватать бы Батыра, тогда можно ехать со спокойной душой,— задумчиво сказал Махкам-ака.

—Разве долго сосватать? Пойдут женщины, сосватают, и делу конец. Не вам же этим заниматься! Говорят, из республики едет всего пять-шесть человек.

—Вот как! Да ведь и у нас на станции недавно было собрание по этому поводу.

—То был митинг женщин-активисток республики. Помните, ваша жена тогда выступала?

—Да, да. Помню,— улыбнулся своей доброй улыбкой кузнец.

—Теперь очередь за вами.— Глаза Кадырходжи хитро блеснули.

—Эй, эй! — вздрогнул в страхе Махкам-ака.— Я готов выполнить любое поручение, но выступить не умею.

—Янга сумела, неужели вы не сможете?

—Нет, нет, ради аллаха, избавьте меня от этого. Не умею я говорить. Это уж вы сами.

—Ну, ладно, ладно, там видно будет. Значит, едем?

—Даже не знаю, что делать.

Сватовство Батыра не давало покоя Махкаму-ака.

—Вы пока готовьтесь в путь, ведь день отъезда еще не уточнен...

Они вышли и во дворе столкнулись с Батыром. Поздоровавшись, Кадырходжа затеял разговор о свадьбе. Батыр густо покраснел и молча пожал плечами с видом человека, к которому обратились по ошибке.

Глава двадцать восьмая

С началом войны свадьбы почти прекратились. Редко-редко стали раздаваться звуки сурная⁷¹, но уж если зазвучат, то особенно радостно и торжественно.

Совсем мало свадеб сыграли в первый военный год. А те, которые все же отпраздновали, были скромны и малолюдны.

С прошлой осени сурнай зазвучал чаще. Наверное, свадьбы определяют в какой-то мере душевное состояние людей, настроение народа. Война шла на убыль. Советская Армия освобождала все новые и новые города и села. Дышать стало легче — и снова пошли свадьбы.

Абдухафиз как-то, улыбаясь, сказал Батыру:

—Отличный праздник свадьба, братец. Но шум, заботы и хлопоты, связанные с приготовлением к ней, еще лучше. Да и после свадьбы много интересного; вспомни келин-чарлар и куев-чарлар⁷². А как хорошо, когда приходит с поздравлениями родня, друзья-приятели, соседи по махалле, дальние и близкие родственники! А как приятно, когда они вслух хвалят жениха и невесту, говорят, что новобрачные сияют, словно драгоценные камни, вставленные в золотую оправ!..— Потом Абдухафиз добавил уже серьезно: — И не мучил бы ты, Батыр, мать ожиданием. Кого нет — того уж не вернешь. Живым — живое. Подумай о будущем. Пусть и мать, бедняжка, увидит твое долгожданное счастье. Не тяни. Чем дольше тянешь, тем больше пойдет всяких толков.

Батыр выслушал Абдухафиза, но ничего не ответил. Да и что было отвечать! Вряд ли кто мог понять, что творилось в его душе.

Потому ли, что свадеб стало меньше, или потому, что Мехриниса, мечтая женить сына, очень уж активно стала подыскивать невесту, но это стало известно всей махалле. Вот уже скоро четыре месяца хлопочет Мехриниса. Где только она не была, каких только девушек не смотрела! Она совсем извелась. Ночами не спит, перебирает в памяти все дворы, вспоминает, у кого есть дочери. А сын только уныло опускает голову и молчит, словно воды в рот набрал. Женщин махалли тоже весьма занимала эта тема. Каждая встречающая обязательно спрашивала Мехринису о свадьбе. «О аллах, что они все пристают ко

---

⁷¹ Сурнай — народный музыкальный инструмент, напоминающий флейту.

⁷² Келин-чарлар и куев-чарлар — первое после свадьбы посещение молодоженами дома родителей жены и мужа.

мне! Что это я сразу попала ко всем на уста! Лишь бы все кончилось благополучно»,— молила бога Мехриниса. Она не понимала, что ее, знаменитую мать многодетной семьи, знают не только соседи, не только жители махалли, но весь город, что каждый ее шаг на виду. Ни для кого не было секретом, что она живет заботами и хлопотами о свадьбе. Да и что было в этом плохого? Кто не мечтал о счастье своего ребенка?.. Стоит трем-четырем женщинам махалли сойтись, как вот сейчас в очереди за хлебом, и они сразу же затевают разговор о Батыре.

—И чего ему не жениться на дочери доктора? Она бы принесла радость и мужу и свекрови.

—Мать ее, жалко, не дожидала до свадьбы.

—Как окончится война, у Мехринисы свадьба за свадьбой пойдет...

—В самом деле! Дети-то подрастают.

—Вот и хорошо, не дадут они погаснуть светильнику родителей... А вот и Мехриниса...

Женщины приветливо улыбались Мехринисе, пропустили ее вперед, как будто это само собой разумелось. Смущенная Мехриниса в глубине души была очень довольна, но чувствовала себя, конечно, неловко.

—Старший вернулся с ночной смены, не хотела его беспокоить, пошла за хлебом сама,— торопливо, с виноватой ноткой в голосе объяснила она.

—Что вы стесняетесь, апа, мы ведь не чужие, получим чуть пораньше, чуть попозже — какая разница! — отвечали соседки.

—Спасибо вам, до свидания, миленькие.

Мехриниса получила хлеб и повернула к дому, размышляя о семье доктора. Теперь, когда пришла телеграмма, что муж благополучно прибыл в Москву, можно о нем больше, не беспокоиться и все помыслы снова сосредоточить на Батыре. Мехриниса думала, что она скажет сыну после посещения дома доктора. Она решила, что на этот раз будет настойчива и не отстанет, пока не получит от Батыра определенного ответа.

После завтрака Мехриниса вместе с детьми отправилась к невестке, у которой вернулся с фронта муж.

Батыр, оставшись один, открыл было книгу, но МЫСЛИ унесли его в просторный двор Адалят, куда вернулся раненый солдат. Наверно, там сейчас полно народу. Когда Батыр вместе с отцом приехал домой, через час по «беспроволочному телеграфу» об этом узнала вся махалля.

Калитка не закрывалась, люди шли и шли — поздравить, поздороваться... Потом Батыр стал думать о дочери доктора Аманова... Он видел эту девушку дважды в поликлинике, даже специально наблюдал за ней. Приветливая, красивая. И все же это была не Салтанат. Батыра опять охватила тоска. Зачем мать пойдет в дом доктора? Получит согласие, а что дальше? Зачем это знакомство, если у него нет серьезных намерений! Батыр захлопнул книгу и, сам не зная для чего, пошел в комнату, глубоко вздохнул, расстегнул воротничок рубашки, точно ему было душно, снова вышел на айван. Перебирая вчерашние газеты, наткнулся на телеграмму отца и стал внимательно ее разглядывать: «Долго шла. Отправил-то позавчера».

Батыр вспомнил Валю — веселую подружку Салтанат. Валя работала на почте и как-то шутя сказала: «Все в наших руках. Смотрите, Батыр-ака, обидите девчат, вообще не будем доставлять вам почту». Голос у Вали был звонкий, как колокольчик, и с Салтанат они почти не разлучались. На другой день после начала войны Валя уехала. Где она теперь? Жива ли? Батыр снова перечитал телеграмму. Интересно, где устроился отец...

Батыру Москва представлялась такой, какой он ее видел на открытках,— торжественной, строгой. Много, наверное, расскажут отец и Кадырходжа, когда вернутся...

Мысли Батыра прервала внезапно появившаяся почтальонша.

—Куда же все ушли? — удивленно спросила она, оглядывая опустевший двор и не замечая Батыра.

—Уехали за город.— Батыр хотел спросить, почему так долго шла телеграмма от отца, но почтальонша не дала ему открыть рта.

—Очень спешу. Примите вот это, распишитесь.— Она быстро скрылась, оставив Батыру вызов для разговора с Москвой.

«Что это значит? — заволновался Батыр.— Хорошо, что матери нет дома, кто знает, что хочет сообщить отец,— думал он.— И в то же время как скрыть это от нее? Может, что случилось?»

Нужно было дождаться детей . из школы. Охваченный тревожным предчувствием, Батыр мерил шагами просторный двор. От волнения у него пересохло в горле. Он взял чайник и глотнул прямо из носика. Чай потек по подбородку, залил рубашку. Теперь надо было переодеться. Батыру стало смешно: до чего же он неловок! Надо взять себя в руки — совсем раскис. «Ну на что это похоже?.. О вызове пока говорить никому не буду, узнаю, в чем дело, тогда скажу»,— решил Батыр и, чтобы

отвлечься, включил радио. Но репродуктор не работал. Про себя обругал Колю: «Ну, лентяй, еще позавчера просил его наладить. Опять придется идти слушать последние известия в чайхану».

С улицы послышался голос Сарсанбая, и вскоре дети появились во дворе.

—Что-то вы рано,— удивился Батыр, пряча в карман телеграмму.

—У нас последнего урока не было, ака,— объяснила Ляна.

—Не шумите только. Я отлучусь по делу,— сказал Батыр, подхватил костыли и вышел со двора.

...Батыр сидел в кресле в углу большого зала.

Он видел, как, улыбаясь, из кабин выходят люди, как они нервничают и кричат в трубку, когда плохо слышно, но почти не реагировал на это, поглощенный своими мыслями. Время тянулось медленно. Батыр ждал уже два часа, а его все не вызывали. Казалось, из тревожного забытья его могла вывести только одна фраза, брошенная в микрофон усталой дежурной: «По вызову Москвы пройдите в кабину...»

—Алло! Алло! Ташкент! Ташкент! — звонко сказала телефонистка.

—Ташкент слушает...

—Говорите...

Он услышал далекий голос отца.

—Ассалому алейкум, дададжан, как вы доехали, как здоровье? — внезапно охрипнув, спросил Батыр.

—Батыр! Как жив-здоров, сынок, все ли живы-здоровы?

—Спасибо! Все ли в порядке, дада? — Батыр немного успокоился.

—Все в порядке, сынок, все в порядке. К тому же добрая весть.

Много позже, когда Батыр вспоминал эту минуту, ему казалось, что отец говорил слишком просто, обыденно.

—Что, дада? Алло! Алло! Слушаю! Что такое, дада,- какая весть?

—Рядом со мною Кадырходжа, твой Ваня-амаки. Они тоже подтверждают, что весть замечательная.

—Хорошо, хорошо.

—Слушай меня внимательно. Ты когда-нибудь видел, чтобы умерший воскрес?

Сердце у Батыра рванулось и с неистовой силой забилось в груди.

—О чем вы, дада? — еле слышно спросил юноша, вытирая ладонью взмокший лоб.

—Слушай меня! Салтанат жива!

— Не шутите, дада. Говорите о деле, — сказал, задыхаясь, Батыр.

— Это не шутка, она жива. — Отец замолк.

— Дада, дада, что вы говорите?! — на весь зал кричал Батыр, не понимая, почему молчит отец. — Это правда?

— Такими вещами не шутят, сынок! — вновь явственно послышался голос Махкама-ака. — Внимательно слушай меня. — Справившись с волнением, он заговорил более связно: — Салтанат, оказывается, не утопилась, а убежала от горя и обиды, что ее секрет стал достоянием гласности. А кое-кто и злословить начал... Она уехала к своей подруге Вале, вместе с ней пошла в партизаны. Хотела написать домой, да попала в окружение. После освобождения они решили и теперь уж ничего не сообщать, просто сесть в поезд и приехать да обрадовать всех...

— Где вы ее встретили? — кричал в трубку Батыр, боясь, что их вот-вот прервут.

— На вокзале. По счастливому совпадению, они уже находились на вокзале, когда подошел наш поезд. Вот девушки и подошли к нему — просто из интереса, увидеть своих, кто приехал, а возможно, и знакомых встретить... Салтанат меня первой увидела, бросилась ко мне, разрыдалась. Валя тоже в слезы. Кадырходжа и Ваня-амаки были тут же. Стали утешать девушек. Короче говоря, сынок, до вечера мы были вместе. Узнай, когда прибудет поезд, вышедший из Москвы позавчера в девять, и встречай...

— Да, да, да, да... — повторял потрясенный Батыр.

— Сейчас же иди к Абдухафизу. Найди Арифа-ата, обсудите вместе, как сообщить обо всем этом Кандалат-биби. Посоветуйся и с мамой. Сердце у Кандалат-биби больное. Понял, сынок? До свидания! Передай всем привет...

Махкам-ака положил трубку и облегченно вздохнул. Теперь Батыр знает, что счастье вернулось к нему.

Кадырходжа взглянул на часы и начал торопить Махкама-ака и Ивана Тимофеевича — пора было идти на заседание.

Колонный зал Дома Союзов после перерыва снова наполнялся людьми. Группами входили в широкие двери представители областей и республик и рассаживались, неторопливо, деловито переговариваясь.

Махкам-ака расстался с друзьями и прошел в комнату президиума.

Здесь собирались те, кто сидел вместе с кузнецом на сцене за крытым красным кумачом столом. Махкам-ака в лицо знал уже всех, он приветливо разговаривал с новыми знакомыми, расспрашивал о жите-бытье, испытывая великую гордость от того, что он, простой кузнец из далекого Узбекистана, сидит здесь, среди известных государственных деятелей, имена которых он не раз встречал в газетах.

К Махкаму-ака подошел один из товарищей, ответственных за проведение конгресса.

—Папаша,— мягко сказал молодой человек,— просят, чтобы вы выступили.

—Прсят? Кто просит? — удивился кузнец.

Молодой человек достал несколько записок и прочитал их Махкаму-ака.

—От кого они? — не понял кузнец, услышав незнакомые фамилии.

—От сидящих в зале.

Махкам-ака растерялся.

—Ведь я никогда в жизни не выступал,— сказал он, чувствуя, что опять, как и при разговоре с Батыром, у него перехватывает горло.

—Ну вот, теперь и выступите. Вас будет слушать весь мир.

—Нет, нет, я не могу. У нас есть руководитель делегации, пусть он и говорит.

—Что вы, папаша! Разве можно не откликнуться на эти просьбы!

Махкам-ака развел руками и, так ничего и не решив, занял свое место в президиуме.

Когда председатель назвал первого оратора, у кузнеца екнуло сердце, и на сцену поднялся седобородый ученый в очках. Он разложил перед собой исписанные листки бумаги и заговорил гладко, без запинки. Махкам-ака все больше волновался. «У меня же нет никаких записей... Не знаю, о чем говорить... Может, этот парень подскажет...»

Словно читая мысли кузнеца, молодой человек подсел к нему.

—Ну как, папаша?

—Сынок, как же мне выступать? — шепотом спросил Махкам-ака.

—Расскажите о своих детях, папаша, о том, как вы их усыновили,— посоветовал молодой человек.

—Да нет, как можно хвалиться в присутствии посторонних? — Махкама-ака бросило в жар, он оттянул ворот рубашки.

—А вы не хвалитесь. Скажите про то, что есть.

—Кто нуждается в этом, сынок?

—Это самое главное, папаша, самое важное,— убеждал кузнеца парень.

—Нет у меня никаких записей,— упирался Махкам-ака, в ужасе представляя, как он растеряется, когда предстанет перед залом.

—И не надо. Я буду рядом с вами.

—Будете подсказывать?

Парень улыбнулся:

—Нет, если хотите, буду переводить. Можете говорить по-узбекски. Договорились? — Молодой человек, считая, что уговорил кузнеца, отошел.

Махкам-ака никак не мог собраться с мыслями. Почему-то в эту минуту вспомнились — один за другим — все дети. Он видел их глаза, слышал их смех...

Ученый закончил свое выступление под громкие аплодисменты. Председатель снова встал.

—Слово предоставляется человеку, усыновившему четырнадцать детей, осиротевших в войну, ташкентскому кузнецу Махкаму Ахмедову.

Махкама-ака бросило в дрожь. Лоб покрылся холодным потом, ноги стали непослушными, кузнец никак не мог встать. Зал аплодировал. Аплодисменты нарастали, и внезапно все люди поднялись. Молодой человек в замешательстве держал Махкама-ака за локоть.

—Вам дали слово,— сказал он с тревогой.

Махкам-ака снял поясной платок, вытер мокрый лоб и неуверенно, как в тумане, пошел к трибуне. Аплодисменты смолкли. Кузнец почтительно поклонился залу, благодаря за внимание. Помолчал и, словно разговаривая с близким другом, раздумчиво начал:

—Всю жизнь я проработал кузнецом, делал подковы и подковывал ими лошадей. Я люблю свою профессию. Много подков я изготовил, много подковал лошадей. Я старался, делал на совесть и уверен, что ни одна из подкованных мной лошадей не упала...— Махкам-ака перевел дыхание. Зал слушал его в полной тишине. В переводе не было нужды — кузнец говорил по-русски.— И вот нас всех постигла беда. Большая беда. Фашисты вцепились своими когтями в миллионы мирных людей. В особой опасности оказались дети. Не могли мы с женой спокойно смотреть на это, взяли в свой дом несколько сирот. Если у меня хватит сил и сам я смогу быть подковой для моих детей, если они пойдут по жизни, не оступаясь, не падая, если я услышу их сильные, уверенные шаги,— значит, я достиг своей главной цели...

Зал потряс дружный, долго не смолкавший гром аплодисментов.